

«ЗВЕЗДА
ПЛЕНИТЕЛЬНОГО
СЧАСТЬЯ...»

С. А. ФОМИЧЕВ,
доктор филологических наук

20 декабря 1936 года в «Литературной газете» появилось обращение к председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову:

«Уважаемый Вячеслав Михайлович!

Мы вынуждены обратиться к Вам с несколько странным делом. Мы просим Вас вступить за А. С. Пушкина. Дело в том, что недавно в однотомнике избранных произведений, изданном Гослитиздатом в 1936 году, мы натолкнулись на некоторые искажения в тексте. Например, в известном послании «К Чаадаеву» первые строки напечатаны так:

Любви, надежды, ТИХОЙ славы
Недолго тепил нас обман,
Исчезли юные забавы
Как сон, как утренний туман.

Мы сличили эти строки с более ранними изданиями и всюду нашли, что должно быть не «тихой славы», а «громкой славы», не «сон», а «дым». В том же послании в конце вместо «ЗАРЯ пленительного счастья» напечатано «ЗВЕЗДА пленительного счастья».

Мы не пушкинисты и не можем установить, какое из изданий правильно, так же, как не можем подсчитать все количество допущенных в том или ином случае искажений. Но для нас ясно, что искажения есть и их быть не должно.

Мы не знаем, куда обратиться для того, чтобы исправить все эти погрешности, и потому написали Вам, надеясь, что Вы поручите авторитетным лицам расследовать эти факты.

Наш адрес: г. Сталино (Донбасс), Новый поселок, Путиловская ул., № 14.

*А. Г. Межов
О. В. Григорук*

Ниже, в редакционном отклике на это письмо, давалась его политическая оценка: «...Где еще, в какой стране возможно подобное обращение к руководителям правительства, которое (надо думать, обращение, а не правительство.— *С. Ф.*) встречает живой отклик. Великий вождь нашей страны и всего человечества, любимый отец и друг трудящихся, творец нашей социалистической конституции тов. Сталин и его славные соратники связаны тысячами и миллионами нитей с трудящимися массами нашей социалистической родины, руководят их борьбой за социализм. На этой основе родится та незыблемая связь, то несокрушимое единство, о которое, как о каменную стену, разбивают себе лбы все враги социализма, будут ли это иностранные фашисты своею собственной персоной или троцкистско-зиновьевская агентура Гитлера».

Далее было помещено интервью с М. А. Цявловским «Работа над текстами А. С. Пушкина», где объяснялись причины разночтений в пушкинских произведениях, относительно же стихотворения «К Чаадаеву» между прочим утверждалось: «Заключительные слова послания оказались пророческими и сбылись через сто лет, в наши дни».

Письмо донбассцев само по себе,— несомненно, любопытный факт из истории «народного пушкиноведения», которое всеми средствами государственной пропаганды поощрялось и рекламировалось в преддверии пушкинских торжеств.

И появилось оно как нельзя более кстати. В последние дни 1936-го года со страниц газет шквалом обрушились обвинения в тяжких грехах на пушкинистов-текстологов. В статье А. Гурштейна «Слепые пушкинисты», напечатанной в «Правде» от 16 декабря, указывалось: «Слепота заслонила от почтенных редакторов и комментаторов сияющие строки великого поэта». В газете «За коммунистическое просвещение» от 20 декабря В. Армилов негодовал: «Пушкинисты, у которых „сила вся великая“ ушла в текстологию, в своей работе над литературным наследием великого поэта отстают от уровня развития культуры в нашей стране. Мы далеки от огульного охаивания всех пушкинистов. Но нельзя топтаться на месте! Нужно помочь читателям прочесть всего Пушкина глазами современности, а задачу эту невозможно решить с помощью одной

текстологии и библиографии». В газете «Литературный Ленинград» была помещена карикатура Малаховского «Недогадливый поэт, или комментаторы в действии»; карикатура изображала памятник в Лицейском саду и ползающих по поэту пушкинистов в виде мух, в очках и с лупами; стихи некоего А. Ф. разъясняли суть дела:

Обследован от пят и до макушки
«Пушкинизированный» Пушкин.
При жизни упустил своей
Установить размер бровей.
Молчит поэт в саду тенистом,
Он в жизни не был пушкинистом.

Перечень подобных публикаций можно было бы и продолжить. Но важнее выявить их директивную подоснову. Ею стал доклад Бубнова, наркома просвещения, заместителя председателя Всесоюзного пушкинского комитета, изложенный также в «Правде» от 17 декабря. Здесь, в частности, отмечалось: «...Были задержки с выпуском академического Полного собрания сочинений А. С. Пушкина: Некоторые из подготовленных томов пришлось вернуть для переработки. Книги были непомерно перегружены комментариями и примечаниями, которые не только не облегчали издание сочинений поэта, а наоборот затрудняли это изучение и даже направляли по неверному пути.

Советскому читателю не нужны такие псевдонаучные „комментарии“, которые подменяют действительное изучение Пушкина, его замечательной жизни и гениального творчества ковырянием в малосущественных мелочах личной жизни и разными по этому поводу догадками.

Нам нужен подлинный Пушкин во всем блеске его художественного гения, в его великой славе создателя русского литературного языка и родоначальника русской литературы, друг декабристов и любимый поэт народов Союза Советских Социалистических Республик».

Упомянув о «задержках», нарком лукавил. Полностью к печати к этому времени (а из-за краткости подготовительного периода их и не могло быть больше) готовы были только два тома. Еще три — вполне отработанные в текстовой части — пока не имели комментариев. А между тем в постановлении Совнаркома СССР «Об ознаменовании столетия со дня рождения А. С. Пушкина» выпуск всего академического издания (в 18 томах, тиражом 540 тыс. экз.) был предписан в 1937-м году.

Отсюда и атака на «слепых пушкинистов», и зоркий рабочий контроль: время было суровое, и стоило их предупредить, что можно (нужно!) обойтись в академическом (!) издании без комментариев. Вступившиеся за Пушкина А. Г. Межов и О. В. Григорук,

которые «всюду нашли» (сами ли?) в послании к Чаадаеву слова *громкой, дым, заря*, должны были пользоваться как некоторыми старыми, так и двумя новыми изданиями, вышедшими в серии «Дешевая библиотека» («Книгу — социалистической деревне») 1933 и 1934 годов. А вообще-то в разное время и разными редакторами текст этого стихотворения печатался по-разному: *слава* определялась то как *тихая*, то как *громкая*, а *забавы* исчезали то как *дым*, то как *сон*, и только — вплоть до советских изданий в последнем четверостишии ожидался восход *зари*, а не *звезды*. Эту традицию уже в 1925 году нарушил Б. В. Томашевский, опубликовав во втором издании однотомного «Собрания сочинений» стихотворение в том виде, в каком оно печатается доньше (в тексте соответственно читалось: *тихой славы, как сон, звезда пленительного счастья*). Однотомник вышел до 1928 года еще шестью изданиями, а в 1935 и 1936 годах повторен в новом, расширенном виде.

Ах, как необходимы комментарии даже в массовых изданиях! Короткая справка наверняка развеяла бы все недоумения донецких пушкинолюбов. Все дело в том, что автографы этого стихотворения не сохранились. При жизни поэта, в 1829 году, оно, правда, было опубликовано, но без ведома поэта и не целиком (только строки 1—5, 7, 9, 11—16). В числе некоторых других, распространенных в рукописной традиции пушкинских стихотворений его напечатали в альманахе «Северная звезда» (в первой строке здесь было *тихой славы*, в четвертой — *как дым*). Против проделки альманашника М. А. Бестужева-Рюмина (в литературных кругах его чаще называли Бесстыжевым-Рюмкиным) Пушкин собирался печатно возразить.

После смерти поэта послание «К Чаадаеву» было напечатано полностью сначала в бесцензурных заграничных изданиях, а с 1880 года — и в российских, причем каждый из редакторов воспроизводил текст по имеющемуся у него под рукой списку; таковых, с обычной для рукописной традиции вариативностью строк, до наших дней дошло несколько десятков. Б. В. Томашевский, сопоставив различные списки стихотворения, отдал предпочтение — принадлежавшему Алексею Васильевичу Шереметеву, с которым Пушкин был знаком в послепетлицейские годы, когда и было написано это произведение.

Остается сказать несколько слов о событиях и лицах, так или иначе связанных с рассказанной здесь историей.

Академическое полное собрание сочинений А. С. Пушкина, несмотря на постановление Совнаркома, в 1937 году полностью все же не вышло; на выставке в Москве, открытой накануне 100-летней годовщины гибели поэта, лежало всего пять томов, выпущенных тиражом 35 тыс. экз., комментарии в них были упразднены. Во

время пушкинских торжеств среди немногих, одобренных свыше пушкинских строк, на многочисленных транспарантах во всех уголках Советского Союза красовалось:

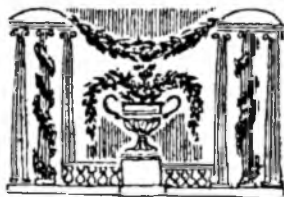
Товарищ! верь: взойдет она
Звезда пленительного счастья!

Тов. Бубнов в пушкинских торжествах не участвовал: незадолго до них он был арестован и вскоре расстрелян. Об А. Г. Межове и О. В. Григоруке мы никакими сведениями не располагаем.

И еще, пожалуй, одно. Л. Л. Домгерр, один из участников первого советского академического издания, вспоминая спустя полвека о работе над ним, между прочим свидетельствовал: «Интересно отметить, что пишущему эти строки довелось слышать нападки зарубежных пушкинистов на данную редакцию стихотворения («Звезда» вм. «Заря» и пр.) как на „большевистское искажение“ текста Пушкина» (см.: Записки русской академической группы в США. 1987. Т. 20. С. 307).

Сложная все-таки эта наука, текстология...

Санкт-Петербург

Последняя элегия Батюшкова

К истории текста

*В. Э. ВАЦУРО,
кандидат филологических наук*

В «Литературной газете» от 23 сентября 1992 года (№ 39) появилась небольшая статья Н. И. Харджиева «Есть наслаждение и в дикости лесов...». Известный текстолог и исследователь русской поэзии XX века обратился к истории текста одной из самых блистательных русских элегий пушкинской эпохи, вышедшей из-под пера К. Н. Батюшкова, уже в это время неизлечимо больного.

Н. И. Харджиев напоминал, что эта элегия — перевод 178 строфы IV песни «Странствований Чайльд-Гарольда» Байрона — существует в двух редакциях. Одну из них сохранил в своей записной книжке 1826 года П. А. Вяземский:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Ты сердцу моему дороже;
С тобой, владычица, я властен забывать

И то, что был, когда я был моложе,
И то, что ныне стал под холодом годов.
С тобой я в чувствах оживаю,
Их выразить язык не знает стройных слов,
И как молчать о них, не знаю!
Шуми же ты, шуми, огромный океан!
Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран,
Но море чем себе присвоит?
Трудися, создай громады кораблей...

Эта редакция — «черновая», незаконченная, оборванная. Наряду с ней известна и беловая редакция, где отброшены последние пять строк — начало перевода следующей, 179 строфы байроновской поэмы, — и в строки 6—12 внесены исправления, иной раз весьма существенные. Текст этот был записан на отдельном листке рукою Пушкина и затем напечатан в альманахе «Северные цветы на 1828 год». Он выглядит так:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить дуня не знает стройных слов,
И как молчать об них, не знаю.

Оба текста были перед глазами уже первых издателей Батюшкова, и для них возникла проблема выбора. Л. Н. Майков, один из самых выдающихся знатоков творчества и биографии Батюшкова в XIX веке, в своем издании 1885 года дал сводный текст: он присоединил к первопечатной редакции концовку, сохраненную Вяземским, — и так же поступили некоторые последующие текстологи (Б. В. Томашевский, И. М. Семенко). В других изданиях (под редакцией Д. Д. Благого, 1934; Н. В. Фридмана, 1964) была воспроизведена редакция «Северных цветов», а разночтения приведены в комментариях.

И то, и другое решение Н. И. Харджиев оспорил.

Запись Вяземского, как считает он, зафиксировала «первоначальную черновую редакцию незавершенного перевода Батюшкова». Что касается беловой редакции, то ее вообще не было. В альманахе «Северные цветы» «элегия напечатана по беловому автографу Пушкина».

Этот вывод важен и (скажем, предвзяв последующий анализ) кажется нам основательным. Он может быть подтвержден дополнительными доводами и наблюдениями, опирающимися на материалы,

на которые не обратил внимания Н. И. Харджиев. В значительной своей части эти материалы содержатся в существующих комментариях к сочинениям Батюшкова, которые Н. И. Харджиев совершенно напрасно объявляет поверхностными: они освещают историю текста богаче и точнее, чем это сделано в его статье. Неполнота же их естественна: почти все, что мы знаем об истории батюшковского шедевра, отрывочно или проблематично.

Проблематична принятая (и разделяемая Н. И. Харджиевым) датировка элегии 1819 годом.

Проблематичен источник, по которому сделана запись Вяземского. О «беловом автографе», действительно, нет никаких сведений, но нет сведений и о черновом автографе. Как мы постараемся показать далее, это отнюдь не софизм.

Неизвестно, где и когда был получен друзьями Батюшкова текст элегии и почему Вяземский записал его только в 1826 (а не в 1825, как пишет Н. И. Харджиев) году.

Неясно, наконец, с какого текста переписал элегию Пушкин. И здесь мы подходим к одному из весьма существенных утверждений в статье Н. И. Харджиева: «в распоряжении Пушкина был либо черновой автограф, либо список с черновика»; «Пушкин внес в текст существенные изменения»; «может быть сделан единственный вывод: знаменитая элегия “Есть наслаждение и в дикости лесов...” принадлежит двум авторам: черновой текст — Батюшкову, а беловой — Пушкину».

Но это отнюдь не единственный возможный вывод, когда речь идет о беловом автографе. Он мог быть копией с уже отредактированного текста и включать чужие поправки.

Все эти проблемы теперь, после статьи Н. И. Харджиева, возникают заново. Попытаемся же сделать следующий шаг к их разрешению — ибо для окончательного ответа на все эти вопросы время еще не наступило.

1.

Историография элегии «Есть наслаждение и в дикости лесов...» насчитывает уже более ста лет.

Л. Н. Майков был первым, кто высказал несколько осторожных соображений о времени и обстоятельствах ее создания. Печатаемая элегию в своем издании Батюшкова в 1885 году, Майков напомнил, что IV песнь «Странствований Чайльда-Гарольда», из которой она переведена, вышла в свет только в 1818 году, что Батюшков, в конце этого года уехавший в Италию, не знал английского языка, а французские переводы появились позднее, и следует предположить поэтому, что он воспользовался каким-нибудь письменным

переводом, который мог получить, например, от англичан, с которыми познакомился в Неаполе в 1819 году (Батюшков К. Н. Сочинения. СПб, 1885. Т. 1. С. 439). Последующие комментаторы обратили внимание на то, что как раз в 1819 году вышел итальянский перевод IV песни, сделанный Микеле Лсони, о чем Батюшков глухо упомянул в письме А. И. Тургеневу от 3 октября (нового стиля) 1819 года: «Итальянцы переводят поэмы Байрона и читают их с жадностью; Байрон говорит им об их славе языком страсти и поэзии» (Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 562). А в письме Жуковскому от 1 августа 1819 года он писал: «Природа — великий поэт, и я радуюсь, что нахожу в сердце моем чувство для сих великих зрелищ; к несчастью, никогда не найду сил выразить то, что чувствую: для этого нужен ваш талант» (Там же. С. 556). Эта мысль повторится в элегии:

Я ближнего люблю; но ты, природа-мать,
Ты сердцу моему дороже; (...)
С тобой я в чувствах оживаю,
Их выразить язык не знает стройных слов,
И как молчать о них, не знаю.

Все это как будто говорит о том, что именно летом 1819 года, познакомившись с итальянским переводом, Батюшков начал набрасывать свое переложение.

Современные комментаторы так или иначе принимают эту версию. Между тем она — не более чем гипотеза, еще ожидающая подкрепления или опровержения, и при скудости прямых данных стоит попытаться собрать косвенные — о распространении IV песни «Чайльд-Гарольда» в кругу друзей Батюшкова — в это время уже разрозненном.

Здесь нам нужно обратить внимание на переписку П. А. Вяземского и А. И. Тургенева за 1819 год. 11 октября Вяземский, живший в ту пору в Варшаве, сообщил, что читает ее «в бледных выписках французских». Любопытно при этом, что внимание Вяземского сосредоточено на тех же строфах, какие переводил Батюшков. Он дает их прозаический перевод:

«Дикие леса не без приятности, берега уединенные не без восторгов. Есть сообщество там, где след шагов человеческих неизвестен, и на берегах моря глубокого есть гармония в ее реве. Не человека ненавижу более, но более люблю природу после сих бесед, в коих убегаю от всего, что был, от всего, чем быть могу, чтобы слиться со вселенною. Я чувствую тогда все, что ни выразить, ни сдержать не в силах».

И в том же письме — торжественная похвала морю: «Кати твои волны, океан лазурный, кати твои волны глубокие! Десять тысяч флотов браздят тебя и ни единого следа не оставляют. Человек

означивает переход свой на земле развалинами, но валы твои ограничивают его владычество{...} Ты пренебрегаешь сию силою разрушительною, которую употребляет он на земле{...}».

Вяземский выделяет символический поэтический мотив «моря», которое отныне будет связываться в русской поэзии с воспоминанием о Байроне. Еще несколько строф — и Вяземский оставляет перо, не желая далее «живописать Байрона с бледного трупа» французских переложений (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 1. С. 330—332; далее — ОА, том и стр.).

Тургенев отвечал из Петербурга 22 октября: «Ты проповедуешь нам Байрона, которого мы все лето читали. Жуковский им бредит и им питается. В планах его много переводов из Байрона. Я нагреваюсь им и недавно купил полное издание в семи томах. Четвертая песнь „Пилигрима“ и моя любимая. Я разогред им воспоминания о Венеции, которые застывали в моем воображении: *There are some feelings Time cannot benumb!* (Есть чувства, которых не в силах притупить время!) Вот тебе доказательство, что я читал и помню четвертую песнь {...}» (Там же. С. 334).

Тургенев и Жуковский читали Байрона по-английски, вероятно, по семитомному брюссельскому изданию 1819 года. И Жуковский, по-видимому, тогда же, летом 1819 года, пишет «Невыразимое», где есть строчки, производящие впечатление прямого диалога с Батюшковым на темы 158 строфы «Чайльд-Гарольда»:

Что наш язык земной пред диною природой?

То, что «слито» с «блестящей красотой» видимых картин, воспоминание о прошлом («и то, что был, когда я был моложе» Батюшкова, «all I may be, or have been before» Байрона), «присутствие Создателя в созданье» (в строфе 183 у Байрона — *ocean* — образ вечности, трон Невидимого, зеркало, в котором во время бурь отражается образ Предвечного), — все это не может быть выражено обыденными словами.

Какой для них язык?... Горе душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчанье непятно говорит.

(Жуковский В. А. Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 1. С. 288).

Обо всем этом думал Батюшков тем же летом 1819 года, и писал 1 августа Жуковскому, через всю Европу, не зная ни «Невыразимого», ни даже байроновских строк. И Жуковский, работая над «Невыразимым», еще не мог получить его письма. И совсем уже любопытно, что в своих стихах Жуковский отправляется не от Байрона, а от иных источников, преимущественно немецких: Вагнеродера, вероятно, Шиллера. Никто не был первооткрывателем

идеи бедности человеческого языка перед языком души и природы,— и Байрон был лишь одним из тех, кто выражал эту общеромантическую — и даже доромантическую мысль. Он мог в числе других подталкивать Жуковского к ее поэтическому воплощению,— но такое предположение мы можем сделать, лишь зная, что русский поэт «бредил» им в летние месяцы 1819 года.

Что же касается Батюшкова,— то следов какого-то специального интереса его к Байрону в 1819 году нет. Письмо Жуковскому от 1 августа с чтением Байрона, по-видимому, не связано. В письме к Тургеневу от 3 октября — единственный отзыв, дежурно-комплиментарный, производящий впечатление вежливого отклика на энтузиазм адресата.

Тургенев получил его 5 января 1820 года и на следующий день почти дословно пересказал в письме к И. И. Дмитриеву как раз место о Байроне; успех английского поэта в Италии для него — «то же явление, что и у нас на Неве, где Жуковский дремлет над Байроном, и на Висле, где Вяземский бредит о Байроне». «В самом деле, мечтания его над римскими развалинами прелестны, и я бы взял только одни стихи его в Рим с собою, и разве еще письмо Шатобриана» (Письма разных лиц к И. И. Дмитриеву, 1816—1837. М., 1867. С. 183—184). Ничего похожего на эти признания в письме Батюшкова нет.

Более того, в письме Жуковскому от 1 августа он признается: «я вовсе не могу писать стихов» (Батюшков К. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 556),— и мы не знаем ни одного его стихотворения, которое можно с уверенностью отнести к этому времени. Единственное исключение — «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...» — датируется по темному преданию, да по тому, что Батюшков посетил Байю весной 1819 года.

Не был ли перевод из «Чайльд-Гарольда» сделан позже,— например, тогда, когда до Батюшкова дошла волна увлечения Байроном, захватившая его ближайших друзей? В тексте его элегии есть места, как будто поддерживающие такое предположение. «Шуми же ты, шуми, огромный океан» — это строка производит впечатление неосознанной реминисценции из пушкинской элегии «Погасло дневное светило...»: «Шуми, шуми, послушное ветрило, Волнуйся подо мной, угрюмый океан». В семействе Батюшкова хранилось предание, что в его стихах следует читать не «огромный» океан, а «угрюмый»,— парафраза пушкинских строк становится еще более очевидной.

Эта связь текстов была замечена в пушкиноведении очень давно. Ее пытались объяснить воздействием Батюшкова на Пушкина и искали пути, по которым элегия 1819 года могла дойти до Пушкина к августу—сентябрю 1820 года, когда он писал свою

эпигию. Но такое предположение недоказуемо и почти невероятно. Никаких следов знакомства со стихотворением Батюшкова в русском обществе этого времени нет.

Между тем уже в первой половине 1821 года Батюшков мог познакомиться со стихами Пушкина, напечатанными в середине ноября 1820 года в № 46 «Сына отечества». «Сына отечества» ему присылают; А. И. Тургенев отправляет ему в сентябре 1820 года большую книжную посылку (Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 276, 281). В № 35 журнала за 1820 год печатаются его стихи; в последующих номерах разворачивается в связи с ними полемика, а в феврале 1821 года здесь же появляется «героида» П. А. Плетнева, написанная якобы от его, Батюшкова, имени. Он узнает о ней через шесть месяцев и отправляет издателям «Сына отечества» возмущенное письмо.

Он уже покинул Италию и в мае — октябре 1821 года лечится на водах в Германии, в Теплице, где летом его посетил Д. Н. Блудов.

Это посещение важно. Короткий друг Жуковского, поклонник Байрона, Блудов привозит Батюшкову литературные новости. Здесь нужно иметь в виду одну особенность Блудова: он обладал удивлявшей современников почти фотографической памятью на стихи и мог читать наизусть целые трагедии — русские и французские. Он мог познакомить Батюшкова и с неизданным «Невыразимым» Жуковского, — и с пушкинской элегией, и — что не менее важно для нас — запомнить прочитанные ему стихи.

В письме от 28 мая 1825 года А. И. Тургенев сообщал Вяземскому, что «отрывок из стихов Батюшкова» «Шуми же ты, шуми, огромный океан...» и далее до конца «сохранился в памяти Блудова» (ОА, II, 131).

Почти нет сомнения, что Блудов помнил их с того времени, как посетил Батюшкова в Германии.

И, наконец, едва ли не самое важное.

Именно теперь, летом 1821 года, уже больной поэт испытывает краткий период творческого подъема. Он пишет целый цикл «Подражания древним» и готовит новое издание «Опытов в стихах».

А 4 ноября его навещает и сам Жуковский в Плауне под Дрезденом и находит его в состоянии черной меланхолии. 7 февраля 1822 года Тургенев пишет Вяземскому: «Вчера Жуковский возвратился, видел Батюшкова в Дрездене, слышал прекрасные стихи, которые он все истребил» (ОА, II, 244). Жуковский записал в дневнике их названия: «Тасс, Брут. Вечный Жид; описание Неаполя» (Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. С. 287). Впрочем, может быть, это были неосуществленные замыслы.

В списке стихов, предназначенных для включения в новое издание «Опытов», стояло и название «Море», в котором В. Л. Комарович считал возможным видеть элегию «Есть наслаждение и в дикости лесов...» (Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 902).

Но об этом мы можем только гадать.

2.

В Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской академии наук хранится альбом, принадлежавший А. А. Восейковой — любимой племяннице Жуковского, его «Светлане», где рукой владелицы записан текст стихотворения «Есть наслаждение и в дикости лесов...»

Этот альбом и тексты давно и хорошо известны. Стихи Батюшкова по этому источнику были напечатаны еще в 1916 году Н. В. Соловьевым в книге об А. А. Восейковой («История одной жизни — А. А. Восейкова — «Светлана». Вып. II. Бумаги А. А. Восейковой. Пг., 1916. С. 159), — и учитываются всеми издателями Батюшкова. Но они обычно не анализируют альбомную запись, которая имеет некоторые важные особенности, не отраженные в публикации.

Прежде всего, над ней стоит помета и дата: «Из альбома С. Н. Карамзиной. 20 ноября». Если мы последовательно просмотрим альбом, заведенный в 1821 году и заполнявшийся в хронологическом порядке, мы сможем установить и год записи — 1824. 20 ноября 1824 года Восейкова выписала из альбома С. Н. Карамзиной следующие произведения одно за другим:

1) Двустилие Н. М. Карамзина «Мы видим счастья тень в мечтах земного света...».

2) Батюшков. «Есть наслаждение и в дикости лесов...», до стиха «И как молчать о них, не знаю».

3) Батюшков. «Шуми же ты, шуми, огромный океан», — пять стихов, служащих продолжением первых. Эта запись сделана отдельно от первой; между ними стоит прочерк, и над ней вторично поставлено имя автора: «Батюшков».

4) Жуковский. «О милое воспоминанье...», — последние 8 строк стихотворения «Мотылек и цветы». На них оканчивается лист, заполненный в один прием (ПД. 22728/CLVIII б 3А, л. 154 об.). На следующем листе Восейкова записывает рассуждение Жуковского «Несчастье можно сравнить с величественным юношею...»

Было бы важно знать, что представляли собой и как располагались записи в альбоме С. Н. Карамзиной, которым пользовалась Восейкова. Но этого мы не знаем: альбом утрачен. В 1916 году известный пушкинист Б. Л. Модзалевский видел один из альбомов С. Н. Карамзиной, где был этот же текст Батюшкова, и решил,

что с него-то и списывала Восйкова. Это была ошибка: альбом, им описанный (Модзалевский Б. Л. Из альбомной старины. Пг., 1916), заполнялся в 1827 — 1840-годы, когда Восйкова уже уехала из столицы в свое последнее путешествие, да и стихи Карамзина в нем отсутствуют. Элегия Батюшкова в нем есть, — но она, видимо, переписана из другого, более раннего альбома, может быть, того же, каким пользовалась и Восйкова.

Из этого раннего альбома Восйкова выписала тексты, которые не могли быть ей известны по иным источникам. Трудно сказать, почему она переписала стихи и прозу Жуковского, которые поэт собственной рукой вписал в ее альбомы, — но, может быть, заголовок «Из альбома С. Н. Карамзиной» к ним и не относится. Что же касается двустихия Карамзина, то оно было написано 10 октября 1820 года и, по-видимому, вскоре и появилось в альбоме дочери. Годом же позже, в сентябре 1821 года, у Карамзиных постоянно бывал приехавший из-за границы Блудов и много рассказывал о своих встречах с Батюшковым и «гипохондри» больного поэта (Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому // Старина и новизна. СПб., 1897. Кн. I. С. 118). Тогда-то и мог он сообщить Карамзиным несовершенные стихи и вписать их в альбом.

И совершенно понятно, почему Восйкова выписывает их в 1824 году — в год смерти Байрона, потрясшей русское общество, и в тот самый год, когда безумный Батюшков был увезен для лечения за границу, в Зонненштейн. Надежд на возвращение его к поэзии уже не было; его наследие собирается почти что посмертно.

На листе 88 об. альбома Восйковой записано стихотворение Батюшкова «Изречение Мельхиседека» — полное безнадёжности септистишис, окончившее его творчество. Над ним надпись: «Стихи Батюшкова, написанные им в феврале 1824 года». Это те самые стихи, которые Батюшков прочитал Жуковскому в марте и которые А. И. Тургенев сообщал Вяземскому в письме от 21 марта 1824 года (ОА, III, 22).

Теперь друзья, знакомые начинают собирать их по альбомам и восстанавливать в памяти.

28 мая 1825 года Тургенев, как мы помним, посылает Вяземскому строки «Шуми же ты, шуми, огромный океан...»

20 июля 1826 года Вяземский вносит в свою записную книжку полный текст. «Вот стихи Батюшкова, подражание Байрону, писанные им в чужих краях, и едва ли не последние» (Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М.—Л., 1963. С. 131).

Копия, сделанная Вяземским, совершенно совпадала с копиями Карамзиной и Восйковой и понятно, почему: она была как и восйковская, переписана из альбома Карамзиной. В это время Вяземский и Карамзины живут вместе в Ревеле и общаются ежеднев-

но. Но в рассуждении Вяземского, записанном вслед за ней, содержится намек на то, что текст несовершенно и нуждается в некоторой редакции.

«И то, что был, когда я был моложе...». «Не сказано ли у него „И то, что был, как был моложе“, а то стих не равен с прочими» (Там же). И далее — замечания о том, как следовало бы поправить и другие стихотворения Батюшкова.

Это был принцип дружеской редакции стихов, принятый в кругу «арзамасцев».

В 1815 году Батюшков просил Гнедича отдать в печать его «сказку» «Странствователь и домосед». «Перечитай ее сперва с Жуковским и поправьте, бога ради, что хотите» (Батюшков К. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 345).

Двумя годами позднее он поручал тому же Гнедичу и Гречу исправлять у него «ошибки против смысла и языка». «Где Жуковский? Если он у вас, то попроси его взглянуть на стихи и что можно поправить. Правь сам и всем давай исправлять» (Там же. С. 435).

Это оказалось почти что посмертным разрешением.

В «Северных цветах» на 1828 год увидел свет шедевр русской поэзии — стихотворение Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов...» под названием «Элегия».

Этот текст отличается от того, который записали для себя С. Карамзина, Воейкова и Вяземский. Н. И. Харджиев прав: он отредактирован.

С ним совершенно сходна копия, сделанная Пушкиным, и к нему близка другая пушкинская копия, которая до нас не дошла. Эта вторая копия была сделана Пушкиным на экземпляре «Опытов в стихах» Батюшкова, которые он читал и делал записи и пометы. Экземпляр был в руках у Л. Н. Майкова, который не стал копировать для себя текст стихотворения, а записал лишь стихи, отличающиеся от текста «Северных цветов» — стих 1: «Есть наслаждение и в сумраке лесов» и стих 6: «Для сердца моего дороже» (Лит. наследство. Т. 16—18. С. 886).

Майков считал, что эта копия сделана в 1826—1828 годах.

В. Л. Комарович, посвятивший пометам Пушкина специальное исследование, полагал, что она относится к раннему времени, может быть, к 1819—1820 годам; текст мог быть получен Пушкиным вскоре после написания от кого-либо из друзей, например, от А. И. Тургенева (Там же. С. 889).

Такая датировка вызвала сомнения.

В. Б. Сандомирская, заново обратившись к изучению помест, заметила, что в этом случае стихи появились бы в печати ранее — в «Северных цветах» на 1826 год, вместе с двумя другими стихотворениями, которые Пушкин узнал в Михайловском от Дельвига и тогда же, в апреле 1825 года, переписал для Вяземского, — или в следующем выпуске альманаха на 1827 год (Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помест Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 20). Сейчас мы можем добавить к этому, что все, что мы знаем об истории распространения стихов Батюшкова, противоречит предположению Комаровича. Противоречит ему, как мы увидим далее, и самый текст.

Вторая копия Пушкина, ныне хранящаяся в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 1, № 699), — на отдельном листе, уже без всяких разночтений с «Северными цветами», по-видимому, была прямо связана с изданием. Она, конечно же, — и здесь снова прав Н. И. Харджиев — делалась не с печатного текста, а для него. На ней нет жандармских помест: это означает, что копия не сохранилась в бумагах Пушкина после его смерти, а была еще при жизни куда-то передана, — может быть, Дельвигу.

Но самый важный, решающий аргумент — дополнения в списке, сделанные «чужой рукой», как осторожно сказано в его научном описании. Эта непущинская рука вписала в копию название «Элегия», которого не было у Батюшкова и под которым стихотворение появилось в «Северных цветах», — и дополнила начатую Пушкиным подпись: «К. Ба(тюшков)» (ломаными скобками обозначен почерк неизвестного лица) (Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М. — Л., 1937. С. 331).

Это описание требует уточнений. Неизвестный поставил название и начал вписывать подпись плохо очиненным или расписавшимся пером; потом отбросил его и дописал фамилию уже новым, более тонким. В таких случаях начертания букв меняются, — но всмотревшись внимательно, можно убедиться, что оба слова написаны одним человеком — и что человек этот — не Пушкин.

Мы можем назвать его. Это Орест Михайлович Сомов, ближайший помощник Дельвига по «Северным цветам», чьи поместы постоянно встречаются на рукописях Пушкина, предназначенных для альманаха. Именно его вмешательство сделало пушкинскую копию полностью идентичной альманашному тексту. Он внес свои поправки в рукопись для набора и сделал это, конечно, накануне печатания книжки — в конце ноября или начале декабря 1827 года (Вацуро В. Э. «Северные цветы». Альманах Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 123—127).

Попробуем, однако, датировать список точнее. Бесспорно это сделать не удастся: у нас нет твердых данных. Внешние признаки автографа Пушкина говорят лишь о том, что он записан на бумаге, которой поэт пользовался в Михайловском зимой 1825—1826 годов (Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 331),— но, конечно, мог пользоваться и раньше, и позже. Нам остается одно: найти наиболее вероятную ситуацию, в которой Пушкин списал стихи — уже в отредактированном виде — для альманаха Дельвига.

Как мы уже говорили, в апреле 1825 года Дельвиг привез Пушкину в Михайловское два стихотворения Батюшкова — «К N. N.» (послание к С. С. Уварову) и «Подражание Ариосту». Он начинал систематическую публикацию в «Северных цветах» неизданного наследия Батюшкова, уже покинувшего литературу. Пушкин немедленно сделал копию и послал Вяземскому; сами же стихи появились в «Северных цветах на 1826 год». За михайловское время это единственный сохранившийся след знакомства Пушкина с не-напечатанными стихами Батюшкова.

В июле 1826 года, как мы уже знаем, Вяземский списал из альбома Карамзиной «Есть наслаждение...». Под впечатлением Батюшкова он тогда же пишет свою элегию «Море» и посылает ее Пушкину. «Море» будет напечатано в «Северных цветах на 1828 год» рядом с элегией Батюшкова. Некая внутренняя связь элегий очевидна не только для Вяземского, но и для Дельвига. Пушкин же откликается письмом и стихами, но о Батюшкове не вспоминает. Вероятно, он просто не знает его стихов.

В сентябре 1826 года, освобожденный от ссылки, он приезжает в Москву и в сентябре—октябре постоянно общается с Вяземским. Ноябрь и половину декабря он проводит в Михайловском; с середины декабря 1826 до конца мая 1827 года вновь в Москве. За это время он мог успеть познакомиться со стихами Батюшкова через Вяземского, а может быть, и через Д. Н. Блудова, с которым также встречается. Как раз в это время он занят собиранием материалов — своих и чужих — для «Северных цветов». Альманах на 1826 год уже печатался; то, что приходило в январе 1827 года, уже не попадало в него и оставлялось для следующей книжки. Так произошло с «Морем» Вяземского: оно было предназначено для «Северных цветов на 1827 год», было задержано в цензуре и появилось уже в следующем выпуске.

Но почему ни Пушкин, возможно, уже знавший стихотворение, ни Вяземский, отлично его знавший, не делают никаких попыток напечатать его сразу же? Ведь Пушкин вынужден добывать материалы и для дельвинговского альманаха, и для журнала «Московский вестник»; Вяземский в поте лица ищет авторов для «Московского

телеграфа», который считает своим детищем. Между тем в руках у Вяземского, а, может быть, теперь уже и Пушкина, — сенсация, шедевр русской поэзии.

Ответ прост: они не имеют права им распоряжаться, не испросив разрешения и согласия фактических душеприказчиков большого поэта — прежде всего Жуковского. И редактирование его стихов без расчета на их публикацию было бы абсурдом.

Между тем Дельвиг, находясь в Петербурге, связанный с Жуковским и А. И. Тургеневым, спокойно печатает в «Северных цветах на 1827 год» следующий текст — «Письмо к С. из Готенбурга. Июня 19. 1814 года».

В конце мая 1827 года Пушкин приезжает в Петербург и несколько времени проводит с Дельвигом. В середине июня Дельвиг уехал в Ревель; Пушкин остался в столице.

Если о знакомстве его с интересующими нас стихами Батюшкова осенью 1826 — весной 1827 годов мы можем говорить с известной долей вероятности, то для лета 1827 года это несомненно.

Он бывает в доме Карамзиных постоянно. 6 июня К. С. Сербинович, домашний человек у Карамзиных и цензор «Северных цветов» встречает его здесь. Пушкин говорит о Байроне, посвященных Байрону стихах Ламартина — и расспрашивает о Батюшкове (Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 255). Он вписывает в альбом С. Н. Карамзиной «В степи мирской, печальной и безбрежной...». Именно в этом альбоме, как мы знаем, и находилась элегия Батюшкова в ее первоначальной редакции.

Здесь-то и следовало ожидать, что Пушкин испросит разрешения сделать копию, — но тогда это, естественно, была бы копия из альбома Карамзиной, а не та, которая существует в действительности.

Интересующая же нас копия появилась, как мы думаем, не летом 1827 года, а несколько позже.

В конце июня Пушкин уехал в деревню. Вернулся он 16 октября. Дельвиг был уже в столице и трудился, составляя книжку альманаха, для которой не хватало материала.

А в конце октября, после полугодового путешествия за границей, в Петербург возвращается Жуковский.

Теперь можно было решать вопрос о том, можно ли печатать в альманахе стихи Батюшкова — и в каком виде.

Текст элегии Батюшкова в двух ее редакциях — в альбоме Карамзиной, Восейковой, записной книжке Вяземского и — с другой стороны — в копии Пушкина и альманахе «Северные цветы» — различается в семи стихах и в концовке.

Во второй редакции отброшен незаконченный последний фрагмент — пять стихов, начинающихся строкой «Шуми же ты, шуми,

огромный оксан...». Стихотворение приобрело завершенность.

Стихи же исправлялись в соответствии с эстетикой «гармонической точности».

Стих 6: «Ты сердцу моему дороже» поправлен — «Для сердца ты всего дороже».

В стихе 7 — «С тобой, владычица, я властен забывать» найдено более точное слово: «привык я забывать».

В стих 8 внесена поправка, нам уже известная. Вместо «И то, что был, когда я был моложе» в копии Пушкина и «Северных цветах» стоит: «И то, чем был, как был моложе». Это изменение, предложенное Вяземским, а может быть, и совпавшее с ним.

Наиболее интересны и важны изменения в стихах 10—11. На них следует остановиться подробнее.

У Батюшкова было:

С тобой я в чувствах оживаю,
Их выразить язык не знает стройных слов...

«Тобою в чувствах оживаю», — исправляет неизвестный нам редактор. «Тобою», то есть природой. «Их выразить душа не знает стройных слов...»

Это рука Жуковского. Именно ему было свойственно необычное употребление творительного падежа в совмещенном субъектно-объектном значении. «Тобою» оживаю — это философия, выраженная в грамматике: «через твое посредство» и «твоей силой». Здесь «я» субъект, но и объект; «природа» — объект, инструмент — но и субъект. Нечто подобное мы находим в «Песне» (1808) Жуковского:

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя,
В тебе природе удивляюсь.

«Тобою чувствую себя» — редкая у Жуковского двусмысленность, неудачная строка, неточность, но подлинный смысл ее — «я ощущаю себя благодаря тебе».

Другой случай — с почти текстуальным совпадением из «Вспомни, вспомни, друг мой милый...» (1813): «В ней тобою все мне мило...»

Третий — в послании «К Батюшкову» (1812), где Жуковский говорит о «могущей собой» невинной красоте. Это не ограничительно-уточняющее («хорош собой»), а субъективно-объективное «могущая через собственное посредство и своей силой», самодовлеющая и самодостаточная красота.

«Тобою в чувствах оживаю» — это концепция Жуковского, — Жуковского, а не Батюшкова, достигнутая устранением мелочи — предлога, буквы.

И «Их выразить душа не знает стройных слов», — не «язык», а именно «душа» — это тоже поэтическая концепция Жуковского. «Здесь чувство языка сильнее И сердце не находит слов», — писал он в послании «К доктору Фору» (1813). «Язык души» — любимое словосочетание Жуковского, и это — не земной язык. «Что наш язык земной пред дивною природой!» — писал он в «Невыразимом».

С элегией Батюшкова происходило почти то же, что со знаменитой элегией Д. В. Давыдова «Бородинское поле», в окончательном тексте которой заключилась частица поэзии Вяземского и Баратынского.

Так сам Батюшков вместе с Жуковским исправлял перед публикацией сочинения М. Н. Муравьева, так он сам просил Жуковского и Гнедича поступить со своими собственными стихами.

Нельзя исключить, что Пушкин также принял участие в этой работе, — но и подтвердить это невозможно. Как бы то ни было, он закрепил ее результат, сделав копию, с которой был напечатан текст в «Северных цветах», — по нашим расчетам, в ноябре — начале декабря 1827 года. Это в самом деле, как указывает и Н. И. Харджис, текст отредактированный, — и в собрании сочинений Батюшкова он должен уступить место подлинному тексту, который автор его уже не властен был изменить. Но для истории русской поэзии он имеет значение самодовлеющее, и не только из-за своего художественного совершенства. Он остается памятником «арзамасского» сотворчества, культурным феноменом, характерным для совершенно определенной эпохи литературного сознания, который мы определяем как «пушкинскую эпоху». И в этом своем качестве его целесообразно было бы сохранять в изданиях Батюшкова наряду с подлинным, объяснив читателю уникальные условия его появления.

Такой представляется нам история одного из выдающихся образцов русской лирической поэзии 1820 годов.

Санкт-Петербург

Поэзия русского «Серебряного века» — это творческое многоцветие нескольких десятков известнейших, чьи имена у всех на слуху, и второстепенных, но тоже чрезвычайно одаренных стихотворцев конца XIX — начала XX столетий. Охватить эту безбрежную стихию можно лишь совершенно свободным, раскованным воображением или — наступит, верим, и такое время! — томами прекрасно организованных и ладно откомментированных книжных изданий. Задача, которую ставит перед собой сегодня «Русская речь» и писатель, историк русской поэзии Николай Васильевич Банников куда более скромная: антологически представить характерное и художественно весомое — пусть и нередко известное — в творчестве лишь некоторых даровитых фигур русского поэтического Олимпа. Начнем мы с девяностых годов — с того времени, когда зарождался русский символизм, у истоков которого стояли Владимир Соловьев, Константин Случевский, Константин Фофанов.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) — философ, богослов, публицист и поэт, оказавший большое влияние на русских поэтов-символистов и религиозных мыслителей XX века. Сын известного историка С. М. Соловьева, автора многотомной «Истории России». Окончил Московский университет, где с 1877 года читал лекции по философии. Преподавал философию и на Высших женских курсах в Москве. Был вынужден оставить преподавание после того, как 28 марта 1881 года в Петербурге выступил с публичной речью, в которой осудил смертную казнь народовольцев, убивших царя Александра II. В этой речи прозвучал протест против любых форм насилия. Отстраненный от преподавательской деятельности, философ посвятил себя литературной работе.

Вл. Соловьев создал целостную идеалистическую философскую систему, основанную на христианских постулатах. Рассматривая человека как «связующее звено между божественным и природным миром», он видел цель всеобщей эволюции и истории в достижении божественного единства Вселенной («положительного всеедине-

ния»), в преодолении раздоров и зла, в просветлении и одухотворении мира, в победе над временем и пространством, над смертью. Человек, по Соловьеву, достигает безграничного совершенствования и высшей свободы через познание «абсолюта» и исполнение божественных предначертаний, через возвышенную любовь и сострадание. Идеальный образ всеединства у Соловьева — София, премудрость Божия, или Вечная Женственность, знаменующая истину и добро, «душу мира», «нелетящее сияние красоты». «Сумрачное лоно», земля — залог будущего совершенства, объект божественного одухотворения и просветления. В конечном итоге София должна воплотить в себе мировое целое. В красоте, считает Соловьев, воплощено сверхматериальное начало, всеобщая абсолютная идея. Искусство, которому в переустройстве жизни философ отводил важную роль, служит, по Соловьеву, «осуществлению человеческого божественных сил в самом реальном бытии природы».

Для стихов Вл. Соловьева характерно стремление вырваться из-под власти вещественного и временного бытия к запредельному, вечному миру. «Не верю обманчивому миру, Под грубою корою вещества Я осязал нетленную порфиру И узнавал сиянье божества», — писал он, считая такое устремление свойством истинного художника. Идсю о двоemiрии — о мире земном и мире сверхчувственном, потустороннем, вечном — восприняли у Соловьева поэты-символисты, в особенности их младшее поколение, «вторая волна» — Андрей Белый, Александр Блок, Сергей Соловьев, Вячеслав Иванов. Они усвоили и его взгляд на поэта как на пророка и мага, «теурга», — «тайновидца и тайнотворца жизни» (по выражению Вяч. Иванова). Мистически окрашенная поэзия Вл. Соловьева с ее «зорями», «восходами», «лазурью» как знаками потустороннего, с ее предчувствием близившейся космической катастрофы прокладывала путь эстетике русского символизма. Из поэтов-предшественников Соловьеву ближе всех были Фет, Тютчев, Полонский. О них, а также о Пушкине, об А. К. Толстом он написал проникательные статьи. Соловьев был близок к Достоевским и Фетом. Считается, что в образе Ивана Карамазова Достоевский вывел некоторые черты личности Соловьева.

Собрание сочинений Вл. Соловьева в десяти томах выходило в 1911—1914 годах. А сборники его стихотворений вышли тремя изданиями еще при жизни автора. Семь изданий появилось в период 1900—1915 годов. В 1974 году в Библиотеке Поэта была напечатана книга его стихотворений; теперь издаются и его философские сочинения. Соловьев выступал не только с лирическими, но и с сатирическими стихотворениями, он переводил Платона, Вергилия, Петрарку, Э.-Т. Гофмана. Как это ни странно, к появлению в России поэтов-символистов первого поколения Вл. Соловьев отнесся отрицательно, сочинял на них едкие эпиграммы, высмеивая претенциозность и демонстративный эгоцентризм «новых поэтов».

* *

*

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

Всё, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит.
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

1875

* *

*

Бескрылый дух, землсю полоненный,
Себя забывший и забытый бог...
Один лишь сон — и снова, окрыленный,
Ты мчишься ввысь от сустных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной,—
И прежний мир в немеркнувшем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.

Один лишь сон — и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.

Июнь 1883

Осеннею дорогой

Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей
Неподвижные тучи висят.
Под прощальным убором листвы золотой
И березы, и липы сквозят.
Душу обняли нежно-тоскливые сны,
Замерла бесконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И как будто земля, отходя на покой,
Погрузилась в молитву без слов,
И спускается с неба невидимый рой
Бледнокрылых, безмолвных духов.

Осень 1886

* *

*

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венок твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле,—
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Несподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

* *

*

Милый друг, не верю я нисколько
Ни словам твоим, ни чувствам, ни глазам,
И себе не верю, верю только
В высоте сияющим звездам.

Эти звезды мне стезю млечной
Насылают верные мечты
И растут в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы.

И меж тех цветов, в том вечном лете,
Серебром лазурным облита,
Как прекрасна ты, и в звездном свете
Как любовь свободна и чиста!

1892

* *

*

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чувствуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

1892

На Сайме зимой

Вся ты закуталась шубой пушистой,
В сне безмятежном, затихнув, лежишь.
Вест не смертью здесь воздух лучистый,
Эта прозрачная, белая тишь.

В невозмутимом покое глубоко,
Нет, не напрасно тебя я искал.
Образ твой тот же пред внутренним оком,
Фея — владычица сосен и скал!

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многотуманна, как зимняя ночь,
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

Декабрь 1894

Неизвестные стихи Маршака

Мало какой писатель пользуется такой известностью, как Самуил Яковлевич Маршак. Слава детского поэта и переводчика совершенно затмила его же лирику. Редко кто был так обильно издаваем, столь знаменит, но и редко кто испытал на себе такой шаблонный подход, как этот замечательный мастер. Сегодня уже почти не упоминается его философская поэзия, выстраданная десятилетиями глубокой внутренней работы. Не всем нынче известно, что увенчанный славой мэтра, награжденный Государственной премией, такой, казалось бы, благополучный Маршак чудом избегал репрессий ... Он, посвятивший себя возвращению молодых поэтических дарований, знал не только почитание, но и предательство учеников. Он, прославленный, эталонный художник, чьи произведения при жизни вошли в хрестоматии и антологии, не получил объективного освещения в библиографических и исследовательских работах. Официальному литературоведению был угоден мастер, но не яркая личность, совестливая и самостоятельно мыслящая.

Полезен был Маршак-переводчик, обогативший русскую словесность переводами с английского и других языков, однако оказались нежелательными, не соответствующими дозволенным стандартам, его библейские переводы. И уж вовсе печально, что даже начало его литературного пути в справочных изданиях обозначалось неверно и датировалось 1907-м годом. Между тем в зарубежных библиографиях четко указывалось: первое стихотворение Маршака «20 таммуза» было опубликовано в журнале «Еврейская жизнь» (1904. № 6), а у нас лишь в пятом томе указателя «Русские писатели и поэты» (Л., 1991) наконец-то приведены эти сведения.

Оригинальная — не переводная — лирика Маршака публиковалась, в отличие от детской поэзии, очень мало; наиболее полно представлена она в сборнике 1962 года и в собрании сочинений (1970). С легкой руки А. Т. Твардовского принято считать, что основное внимание Маршак уделял лирике лишь в поздние свои годы.

На самом деле, еще в начале века, когда юный Маршак входил в литературную жизнь России, намечилось будущее русло его поэтической реки, с ее публицистическими притоками, переводческим половодьем, детскими бурными ручьями, лирическими чистыми источниками. И если подходить с тематическими мерками, то сти-

хи, разбросанные по альманахам и журналам 1904—1916 годов, являют библейские мотивы, национально-освободительные, а также лирику мироощущения — философскую, любовную, пейзажную. Последние определения недаром поставлены в один ряд: разграничить их поэтическое воплощение в маршаковском творчестве любого периода почти невозможно. В этом и нет нужды. Гораздо существеннее показать сегодняшнему читателю разностороннего Маршака, напомнить о лирическом осмыслении того, что развернула перед его поэтическим взором жизнь.

Было бы неверно судить о ранних вещах Маршака покровительственно, ориентируясь на банальную мысль о начале пути как о времени ученичества. Школа была, но школа постижения высот, скрещенность заимствованной, переводной и русской, оригинальной поэтики стала для него не пробой стиля, рифм, интонации, а закладкой того, что в дальнейшем шлифовалось и разветвлялось.

В предлагаемой вниманию читателей подборке представлено несколько никогда не публиковавшихся сочинений поэта. Они были посланы Маршаком в редакцию газеты «Речь», но в печать не попали.

Публикация сделана по редакционному архиву газеты (ЦГА-ЛИ, ф. 1666, оп. 1, ед. хр. 3039, микрофотокопия письма из архива. На автографе стоит подпись и адрес автора). Приблизительное время написания может быть названо, исходя из тематического ориентира. Например, стихотворение «Танец», наполненное восточной тематикой, навеяно, как и другие, печатавшиеся при жизни стихи, впечатлениями от путешествия поэта в Святую Землю. В 1911 году С. Я. Маршак ездил в Палестину с удостоверением корреспондента «Современной газеты». Этот же год — как предположительное время написания — указан в архиве поэта его сыном И. С. Маршаком, основным составителем собрания сочинений*. Его рукой помечена дата «1910» на стихотворении «На избах, на шестах, и в поле — на земле». С измененной строкой («На кровлях тихих дач...») оно вошло в пятый том восьмитомного собрания сочинений (М., 1970). Тем не менее, в нашей подборке оно необходимо, ибо со стихотворением «Закатные храмы осенних садов...» входит в один цикл.

Нет ничего удивительного в том, что ранняя поэзия С. Я. Маршака не исследовалась, ведь она не была собрана полностью. Публикуемые стихи позволяют восполнить этот пробел и вместе с тем дают почву для любопытных наблюдений над их

* В работе И. С. Маршака по исследованию и систематизации наследия поэта соединились сыновняя любовь и нравственная ответственность перед культурой. Считаю за благо пользоваться его материалами, любезно предоставленными внуком поэта Александром Эммануэлевичем Маршаком.

стилистикой. В частности, на мой взгляд, в них ощущается влияние той поэзии, которая позднее стала называться поэзией «Серебряного века». Неблагодарным делом было бы выявление элементов символизма в этих сочинениях, поскольку Маршак начинал не декларируя своей поэтической концепции, а лишь фиксируя чувство, впечатление.

Пожалуй, эти стихи просятся быть названными импрессионистскими. Они несколько призрачны, и каждый пейзаж оставляет впечатление некоей таинственности. Наиболее характерны здесь образы «ночного видения», «сумрака лунного», «тумана», соответственно передающие «запоздалую тоску». Как не вспомнить здесь начало акмеизма — образы-символы не стали самоцелью в том или ином стихе, они замкнуты на конкретном чувстве; на мире переживаний, на человеке — тонком, чувствительном, с обостренной восприимчивостью. Эта лирика многоцветна; поражает обилие оттенков, тонов, полутонов, красочных мазков. Если птицы — то они «чернеют стаями в осенней светлой мгле», если роща — то дорожит «цветными листьями на черных, тонких прутьях...»

Неожиданные сочетания, уточняющие цвета, особо выразительны в «Танце». Это орнаментальное, как говорили в старину, стихотворение построено на красках и бликах, когда «одноцветное стало цветным». Мелькнет зеленое, желтое, золотое, лиловое, огненное — читатель попадает под эти чары и уже не помнит, что здесь первично — сон, ковер, шатер, костер? Везде — «огневые цветы». Подобное обилие эпитетов у позднего Маршака в таком виде не встречается. Их сменит прозрачность и проясненность, а главное, точность образов.

Написанные в разном размере, с многообразием рифм, эти стихи демонстрируют ритмические богатства ранней маршаковской лиры. Поэт не боится резко менять ритм, как это мы видим в «Алхимии скорби».

Но, пожалуй, нигде еще Маршак не был так самим собой, как при использовании сравнений и олицетворений. Природа у него живет и, главное, чувствует; шатер словно одушевлен; «скала — как скованный тиран».

Позже Маршак, по наблюдению Наума Коржавина, писал уже менее предметно, как бы устранившись от жизни — переходя к более абстрактной фразеологии.

А. А. Колганова,
кандидат филологических наук ©

С. Я. Маршак

Алхимия скорби
(Из Бодлера)

Иные проклятьем тебя зовут,
О природа! Иные ласкают, как мать.
Ты одним говоришь: пусть живут! Пусть цветут!
Другим суждено умирать.

О невидимый спутник, Гермес!
Ты сбивал мой рассудок с дороги подчас
И я был, как Мидас,
Самый жалкий алхимик под сводом небес.

О алхимик! Надо уметь
Превращать наше золото в медь,
В ад — завещанный рай.

Вызывать в облаках невзначай
Трупы близких своих — что ни шаг...
И в пределах мечты воздвигать
Саркофаг!

В архипелаге

Ты вся полна ночным виденьем,
Давно забытым вдохновеньем,
Твой взор неожиданно окрылен.
Что это было? Сумрак лунный,
Туман — и в пене белорунной
Морская даль и небосклон.

Одно усилие нужно было,
И зренье ясно различило
Гористый остров сквозь туман
Иль берег низкий и безлюдный...
А там являлась тенью чудной.
Скала — как скованный титан.

Тебе казалось: остров бледный,
Утёс под глубио заповедной,
Легко-волнистые хребты
Хромили тайную дорогу
К богам стихий, к морскому богу,
К богине нашей красоты...

Узор на ковре (Танцы)

Этот сон, как узорный ковер,
Где лиловое пламя и дым,
И зеленый, и желтый узор...
Одноцветное стало цветным.

На коврах золотится чадра,
Покрывало жестоких ресниц,
А на бледной печали шатра —
Силуэты мелькающих птиц.

И встанешь, — отдашься мечте, —
Но не больше минуты идешь.
И опять к огнецветной тафте
Припадешь.

И другой не дойдет до костра,
Где томишься испуганно ты.
И присядет за полог шатра
В огневые цветы.

1

Закатные храмы осенних садов
Оставлены шумной толпой,
Зашедшей на миг, несобравшей плодов,
Беспечной, vessлой, слепой.

Мелькнувшей в ворота к обрыву пути,
Где резвый стоит водопой.

В закатные храмы с подругой зайти
Под гроздь осенней листвы...
Какой пестротой начинают цвести
Кусты одичалой травы!
Как падают груши, неслышно почти,
В заросшие узкие рвы!

Тяжка запоздавшая наша тоска
Как труп уносимая в глушь.
Но будет обратно дорога легка
Для двух успокоенных душ.
И будет за нами, как шелест листка,
Паденье неслышное груш.

2

На избах, на шестах, и в поле — на земле
Садятся птицы... В тихую погоду
Чернеют стаями в осенней светлой мгле,
Как редкий дым, плывут по небосводу.

В такие дни вся роща, дорожа
Цветными листьями на черных, тонких прутьях,
Стихает, не шумит... И слушась, дрожа,
Разгул ветров на перепутьях!

В такие дни — на даче, в глубине,
Поет рояль прощальное признанье:
«Увидимся к Весне ... Увидимся во сне...
Лишь не забудь исполнить обещанье!»

Александр Солженицын о языке

Подлинный писатель свособычен во всем. И прежде всего — в языке.

Вслушиваясь в речь своих героев и в свою собственную, авторскую, он стремится отразить на письме все тонкости, все едва приметные переливы смысла, интонации, ритма фразы. Ему тесны традиционные правила грамматики; устоявшиеся каноны орфографии и пунктуации кажутся недостаточными и потому не всегда пригодными для точной передачи в тексте слова, высказывания, диалога. Он раздвигает рамки правил, совершенствует — а то и разрушает — каноны и при этом нередко входит в противоречие с нормой языка. Вспомним хотя бы Льва Николаевича Толстого: сколько языковых огрехов находили в его творчестве педантичные филологи!

Публикуемые здесь «Грамматические соображения» Александра Солженицына — итог размышлений писателя над тем, как должна «дышать» звучащая речь в письменном тексте; они и результат его собственной языковой практики. Что Солженицын свособразен не только в слоге, не только в выборе слов и их взаимном расположении, но и в их написании, внимательному читателю становится ясно с первых строк солженицынской прозы. Теперь же мы имеем возможность познакомиться с явно сформулированными принципами писателя, которые касаются печатного облика слова и фразы.

Существующие правила письма и расстановки знаков препинания, нормы образования форм слова при его изменении — несовершенны, такова основная мысль А. И. Солженицына. Он делится с читателем предложениями, как же усовершенствовать эти правила, и опытом применения подобных усовершенствований при издании текстов своих сочинений.

Я сознательно отказываюсь от оценки «Соображений» с профессионально-лингвистической точки зрения, от неизбежно нудного сопоставления того, что предлагает писатель, с действующими правилами. Цель этой вступительной заметки иная. Она состоит в том, чтобы обратиться к читателю и сказать: читатель,

кто бы ты ни был — учитель-словесник, переводчик, редактор, университетский профессор или «просто» человек, не равнодушный к состоянию и судьбам нашего языка, — помни, что перед тобой работа Мастера. Мастера слова, Мастера языка. Она написана тою же рукой, которая выводила строки «Матрёнина двора» и «Архипелага ГУЛАГ». Кое-что в рассуждениях автора может показаться субъективным, или недостаточно обоснованным, или слишком противоречащим традиции. Мастер имеет право и на то, и на другое, и на третье. Потому что он Мастер. И создатель того языка, который со временем — не весь, но в каких-то своих элементах — становится всеобщим достоянием. Все, что говорит или пишет Мастер, меряется иною мерой, чем та, которая приложима к обычному носителю языка. И потому «Грамматические соображения» А. И. Солженицына заслуживают того, чтобы видеть в них в первую очередь общескультурную ценность, и лишь затем рассматривать их как потенциальное дополнение к Своду правил русской орфографии и пунктуации.

*Л. П. Крысин,
доктор филологических наук ©*

Некоторые грамматические соображения, примененные в этом собрании сочинений*

Александр Солженицын

При печатании текстов нельзя было многожды не столкнуться с некоторыми неясностями и недостатками действующей русской орфографии и в иных случаях не предпринять самостоятельных шагов. Эти решения и объясняются здесь.

«Ять» и «Ё»

Совместная судьба этих двух букв характерна для торопливой энтропийной реформы 1917—18 годов и затем десятилетних полос

* В заглавии речь идет о наблюдениях писателя, собранных и обобщенных при работе над Собранием его сочинений, откуда мы, с разрешения Александра Исаевича Солженицына, перепечатаваем эту статью.

World © Александр Солженицын. Печатается по изданию: Солженицын А. Собр. соч. Вермонт — Париж, 1983. Т. 10.

В публикации сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

пренебрежения русским языком. Как будто имелась в виду широкая механическая доступность грамоты — на самом деле безжалостно сглаживался рельеф языка и смазывались его драгоценные различия.

Мгновенное и бесповоротное искоренение «ятя» из самой даже русской азбуки повело к затемнению некоторых корней слов, а значит смысла и связи речи, затруднило беглое чтение. Например, перестали отличаться:

ѣсть (кушать) и *есть* (быть)

ѣли (кушали) и *ели* (деревья)

ѣдение (от *ѣдать*, знать) и *ведение* (от *вести*, направлять)

сѣдѣние (о чѣм) и *сведение* (к чему)

тѣ (местоимение) и *-те* (частица)

иѣкогда (когда-то) и *некогда* (нет времени)

вообще *иѣ* — как указатель неопределённости и *не* — как отрицательная приставка

лѣчу (на крыльях) и *лечу* (рану)

смѣло (храбро) и *смело* (спахнуло)

видѣи (издали) и *виден* (собою)

снѣе (положительная степень) и *снѣе* (сравнительная)

прѣише (гниение) и *прѣише* (препирательство)

ѣсти (новости) и *вести* (инфинитив)

рѣк (род. п. мн. ч.) и *рек* (сказал)

горѣ (горно, в духовном смысле) и *горе* (беда)

и многие другие пары. В большинстве случаев эта нивелировка привела к возникновению помешных омонимов, балласта языка. Утеряна и окраска пассивности глаголов с окончанием на «-ть».

Нивелировка опасно коснулась и падежей, лишая язык точности. Слились:

на море (вин. п.) и *на морѣ* (предл. п.)

в сердце (вин. п.) и *в сердцѣ* (предл. п.)

на поле (вин. п.) и *на полѣ* (предл. п.) и т. д.

Большая часть всех этих потерь уже непоправима. Кажется маловероятным восстановление буквы «ятя» хотя бы в частичных правах. Но на наших глазах происходит и уничтожение «ѣ». Эта буква не отменялась специально советским законом, но годами была покинута и стёрта в потоке всеобщей нивелировки и всеобщего безразличия к языку: сѣ перестали набирать типографии, перестали требовать корректоры и учителя, исчезла клавиша «ѣ» на многих пишущих машинках. Эта бессмысленная нивелировка уже сегодня приводит к затруднениям и ошибкам чтения.

Я больно ощущаю ещё эту последнюю потерю нашего языка, даже и не подневольную, но от небрежности и от потери интереса, только. Уже сейчас на некоторых фразах приходится останавли-

ваться, возвращаться, перечитывать: понимать ли «все» или «всё». И не всегда это однозначно понимается. Теперь пишется одинаково: «хоронили в белье» или «не тратились на белье» — уродливая энтропия падежей.

Не признавать «ё» — значит содействовать расхождению написания и произношения. Уже в ближайшем поколении начнётся (а у иностранцев и сегодня происходит) двосие в произношении многих слов, вплоть до «ещё», «ё» будет теряться всё глубже, станет изменяться звуковая картина нашего языка, произойдёт фонетическое перерождение многих слов.

А между тем с уничтожением «ятя» именно употребление «ё» во многих случаях оставалось препятствием для языковой энтропии. Пока существовал «ять», многие различия были понятны и без «ё» (откуда и взялось представление о необязательности этой буквы):

всѣ и *все* (всё)

слѣз (от слѣзать) и *слез* (слёз)

мѣл (сущ.) и *мел* (мёл)

чѣм и *о чем* (о чём)

осѣл (осыпался, обосновался) и *осел* (осёл) и др.

Ныне последовательность в употреблении «ё» частично покрыла бы утерю «ятя».

Пренебрежение буквой «ё» неизбежно затянёт нас и в дальнейшую энтропию языка. Как «незачем ставить две лишние точки, и так понятно» — скажут скоро: «незачем ставить шляпку над «й», и так понятно». Сегодняшним нам было бы действительно почти понятно: *маиор*, *иог*, *каима*, *жнеика*, *вои*, *конвои*, — но очень скоро это привело бы к затемнению смысла и дальнейшему разрушению языка.

И потеря «ё» ничем не восполнима при передаче народного произношения: *в ём*, *одноё* и т. д.

Но «ё» еще можно успеть отстоять. И такая попытка делается в данном собрании. Нам удалось осуществить добавку «ё» в шрифт электронной наборной машины, где, разумеется, этой буквы не было.

Мы поступали так: ставили «ё» во всех однозначных и несомненных случаях. Также — когда автор весомо предпочитает в данном случае «ё» из вариантов. Или когда надо передать определенное произношение персонажа. Если же произношение слова практически двойится, возможно в двух вариантах — и «е» и «ё», — то оставляли «е», для того, чтобы читатель мог принять для себя любой вариант. Так было чаще всего в причастиях:

<i>воз-, от-, разведенный</i>	<i>недоуменный</i>
<i>запеченный</i>	<i>неметенный</i>
<i>зароенный</i>	<i>новоиспеченный</i>
<i>заснеженный</i>	<i>новорожденный</i>
<i>изнеможенный</i>	<i>обойденный</i>
<i>настороженный</i>	<i>оцененный</i>
<i>при-, от-, увезенный</i>	<i>приотворенный</i>
<i>при-, с-, унесенный</i>	<i>примененный</i>

в соответственных существительных:

<i>настороженность</i>	<i>недоуменность</i>
------------------------	----------------------

в некоторых прилагательных и в кратких причастиях:

<i>беленая</i>	<i>завезен</i>	<i>моченая</i>
<i>введен</i>	<i>изобретен</i>	<i>повторен</i>

и в некоторых других случаях:

<i>блелый</i>	<i>перекресток</i>	<i>сек</i>
<i>на черта</i>	<i>пересек</i>	<i>трехсотлетие</i>
<i>неподалеку</i>	<i>ремнем</i>	<i>углем</i>
<i>оперлась</i>	<i>распростерлась</i>	<i>упершись</i>

При уничтожении «ё», протекавшем многие годы, происходила массовая замена «ё» на «о» после шипящих, потом от неё отказывались. Фонетически такая замена вполне равнозначна, однако она часто оскорбляет глаз, привыкший к традиции, и зачастую отрывает слово от других его форм. Здесь возможны разные решения. Так, в суффиксах «енк» существительных женского рода под ударением мы ставили «ё»:

<i>бумажёнка</i>	<i>одежёнка</i>	<i>тушёнка</i>
<i>девчёнка</i>	<i>ручёнка</i>	<i>шапчёнка</i>
<i>жжёнка</i>	<i>собачёнка</i>	<i>(но деньжонки)</i>

но принимали «о» в подобных случаях мужского рода:

<i>бочонок</i>	<i>мальчонок</i>	<i>мышонок</i>
<i>дурачонок</i>	<i>мужичонок</i>	

Другие последствия энтропийной реформы

Мы все ещё помним, как твёрдый знак искоренялся полностью, даже и внутри слов, замняясь неслепым апострофом. Затем нам вернули его. (Но недостаточно. Родились малопонятные формы: *выигрался* вместо *выигрался*.) В 20-е годы уничтожалась и форма «обсих» (о женском роде говорили «обоих»), позже вернули. Такая же нивелировка мужского и среднего рода прилагательных «-аго, -яго» и «-ого, -его», очевидно, уже неисправима. Бессмысленно стёрты местоимения — личное «онс» и притяжательное «ся». (В редких случаях мы восстанавливаем: «санитарный посзд Ея.Величества».)

Отсутствие «і» во всех наборных алфавитах так же очень чувствительно и приводит к затемнению смысла и досадной путанице в религиозно-философских текстах и в распространённых ныне рассуждениях о мировых проблемах и проблемах мира-войны, о *мире* (Вселенной, Земле, человечестве) и *мире* (отсутствии войны, согласии, покое) с их производными. И передача крестьянского *мира* (как и церковного *мира*) через «и» приводит к утере окраски и духа слова. Однако, мы не имели технической возможности провести эту разницу последовательно, а лишь в немногих исключительных местах.

Отсутствие «і» затрудняет также и точное воспроизведение украинской речи: приходится пользоваться «и» вместо «і», потому и «ы» вместо «и».

Предложный падеж

Всякая дифференциация в языке, его способность различать — драгоценна, она есть сила и талант языка. Большевикские реформы и практика советских лет направлены против дифференциации, они стирали рельеф и различия русского языка. Принимая грамматические решения, я руководствовался старанием сохранить и усилить оттенки, где это возможно.

При нивелировке языка значительное разрушение потерпел предложный падеж. Уже упомянуто, как он частично пострадал от отмены «ятя». В том же неосмысленном порыве всеобщего «упрощения» был срезан предложный падеж ещё одного обширного класса существительных — среднего рода с окончанием «ѣ», стали писать предложный в точности как именительный и винительный: в *Поволжье*, в *платье* (без всякой логики сохранив предложное «и» для случая полного окончания «ие»: в *платии*). Но нельзя объяснить разумно, зачем уравнивать три разных падежа, затруднять распознавание, а предложный лишать его естественной формы:

в Заполярьи	в многолюдьи	на перекрестьи
в заседааньи	в окружьи	в платьи
о здоровьи	в окружьи	в Поволжьи
в подпольи	на сиденьи	в устьи
в раздумьи	о счастьяи	в ущельи

(но «на острис», поскольку на нём ударение).

Этот случай предложного падежа имеет важное продолжение в смешении некоторых словообразований и наречий. Мы пишем:

вступил в противоречье (вин. п.) с чем
находится в противоречьи (предл. п.) с законами

в продолжение (вин. п.) этой книги будет написано
в продолжении (предл. п.) многих веков

*в продолженье разговора он предложил обсудить
в продолженьи разговора они коснулись*

*в уваженье к заслугам
воспитаны в уваженьи к родителям*

*в пребыванье моё в полку
в пребывании его здесь не было удивительного*

*в исключенье, в отступленье от чего
состоит в отступленьи от правил*

*в отличие (противопоставление)
в отличьи (состояние)*

*в сопровожденье (вин. п.)
в сопровожденьи (предл. п.)*

Я нахожу неверной единообразную директиву писать во всех случаях: «вследствие» и «в течение» (когда речь идёт о времени), теряя разницу между направленностью и пребыванием. Нет основания столь непроходимо отличать течение времени от сходного ему течения реки и для времени запретить образование наречия от предложного падежа «в течении» — хотя именно этот смысл чаще всего и вкладывается, а навязывают редко здесь прилагательный по смыслу винительный падеж. Напротив, «впоследствии» единообразно указывают нам в форме от предложного падежа, хотя и тут жива форма от винительного.

Наречия, содержащие предлог

Слитность или раздельность написания их регулируются ныне правилами, недостаточно убедительными. Привлекается кроме смыслового и фонетический принцип, который здесь второстепенен, и иногда противоречиво. Так, «поодиночке» велят писать вместе, а «в одиночку» отдельно (хотя фонетика, кажется, требовала бы обратного). Но вот я столкнулся с фразой: «вызванные в кабинет в одиночку». В раздельном написании (и при общей тюремной теме) может быть понято, что кабинет послужил какое-то время одиночкой (правдоподобный случай), тогда как разумелось, что вызывались не все сразу, а по очереди, — и слитное написание «водиночку» было бы ясней. Нам предлагают «в гору», «в меру», «на лету», «под статью» писать отдельно, хотя это решительно (и часто неосновательно) сдвигает их от наречий к предложно-имен-

ным сочетаниям. (Теряется различие: «в меру того, как» и «выпито в меру».)

Но главное то, что никакой массовый справочник и никакие единые правила не могут упорядочить *всего* непредставимого бесчислия наречий в русском языке, таких, как:

<i>вдомёк</i>	<i>вприкось</i>	<i>доплоска</i>
<i>вкруте</i>	<i>впристыдь</i>	<i>наиспыт</i>
<i>в огиб</i>	<i>впробежь</i>	<i>напредки</i>
<i>в отдар</i>	<i>впрочёт</i>	<i>на прилог</i>
<i>вподбежку</i>	<i>врозбежь</i>	<i>напроброс</i>
<i>вподробне</i>	<i>вросхмель</i>	<i>небезчего</i>
<i>впоколоть</i>	<i>всугонь</i>	<i>невпротоlochь</i>
<i>вполвысоты</i>	<i>втриноги</i>	<i>понадголовой</i>
<i>вполсыта</i>	<i>в упрос</i>	<i>поскору</i>
<i>впригнуку</i>	<i>вусмех</i>	<i>предпослед</i>
<i>вприголодь</i>	<i>ввторопь</i>	<i>присередь</i>

и т. д. Решение вопроса всякий раз: в каком виде (отдельно или слитно) наречие будет лучше воспринято глазом, легче понятно, и — каков оттенок его в данной фразе.

То же — и о наречиях с отрицаниями, как «незря, неспротив, невсеерьёз».

Фонетический принцип имеет пределы

Послереволюционные реформы все клонили дальше от этимологии и ближе к фонетике, несостоявшаяся реформа 1964 года грозила довести и до анекдота. Но этот путь никак не может быть пройден до конца, и остановки всё равно нелогичны: почему «р~~а~~зска~~з~~» фонетизируется в «р~~а~~сска~~з~~» (а не «р~~а~~скас» и «р~~а~~скащик»), почему «отдельно» не доведено до «оддельно» и «считать» до «щи-тать»? Мы сохранили осмысленное «брезжить» и зря исказили до «вожжи».

А коль скоро путь не пройден и не может быть пройден, то когда фонетическим написанием затемняется смысл слов, пишущим должно быть предоставлено право частично возвращать смысловую запись:

не — *черессильно*, *ниссылал*, *бесклассовый*,

а — *черезильно*, *низсылал*, *безклассовый*.

Из написаний «предызбрать» и «предьизбрать» мы находим второе преимущественным.

Не упускать различий,

где можно их сохранить. Задача языка как можно меньше уподоблять и смешивать, как можно тоньше различать.

«Листья шелестели», но «ветер шелестил листьями». В подобных парах мы следили сохранить в окончаниях переходного глагола гласную «и», непереходного — «с»:

построжить (самому) *обезоружить* (самим)

построжит (кого) *обезоружит* (кого)

Также признавали мы и различие:

заведывать (в разных местах, в разное время) — несовершенный вид и

заведовать — совершенный;

переследывать (многие дела) и

переследовать (данное дело);

обнародывать (не раз) и

обнародовать (однократно);

пересажаны (все инакомыслящие) и

пересажены (с места на место ученики);

перевешаны (восставшие) и

перевешены (картины);

развешаны (оттенок изобилия, хвастовства) и

развешены (деловитые)

и другие подобные пары.

Современные словари не различают: «безвестный» (не подающий вестей) и «беззвестный» (бсызвестный):

Дело сошло безвестно, как сотни других.

Пропал безвестно.

Но

Безвестный посёлок. Безвестно для вождя.

Нет оснований отказаться и от различения союза «нето» (слитно) и указательного местоимения с отрицанием «не то»:

Нето плавился, нето подгибался под её рукой.

Нето сказал, нето собирался только.

Но

Не то, мой друг, не то. Не то сказал.

Отдельные случаи написаний

Сегодня язык стонет под напором больших букв — от учреждений и организаций, часто ничтожных. А уж грозное МВД всем кажется естественным — тогда как в дореволюционной России писалось с маленьких букв: «министерство внутренних дел» или

«м. в. д.». Притяжательные прилагательные от собственных имён мы пишем с маленькой буквы: *надино горе, юриковы игры, сонечкина кукла*. Сегодня «Катино вышиванье» выглядит так же странно, как былое написание национальностей с большой: Англичанин, Испанец. Но мы оставляем большую, когда речь идёт об известном историческом или мифологическом лице: *Петрово детище, Софьиин указ, Михайлово отречение, Венерин павильон*.

Как правило, мы пишем *Государь* с большой буквы (как руководитель государства, наряду с *Государственной Думой* и *Государственным Советом*), но *государыня* с маленькой. Так же с малой — *его величество, император, царь, августейшая семья*, если это не цитата и если по тексту в эти слова не вкладывается повышенный эмоциональный смысл.

Также в зависимости от контекста колеблются у нас написания: *Действующая Армия* (с самым уважительным смыслом), *Действующая армия* (более служебно), *действующая армия* (косвенно, вскользь). То же и: *Главнокомандующий* и *главнокомандующий*; *Двор* и *двор*; *Учредительное Собрание* и *учредительное собрание*.

Слово *Бог* пишется с большой буквы всегда, когда ему придаётся религиозный и вообще наполненный смысл. Но в служебно-бытовом употреблении, в затёртых словосочетаниях — с маленькой: *окошко не дотягивалось до божьего света;*

работа выходила на божий свет;

ей-богу; о, господи (мимоходом)

Также и *боги* — при многобожии или в переносном смысле: *боги рынка*.

Большое неудобство представляют советские извращённые слова: *зав. отделением, зав. производством, зам. министра*. С ними какое решение ни принять — всё дурно: писать ли их отдельно через точку или писать слитно. Во втором способе (который мы и приняли как меньшую беду) искажается скрытый падеж: «скажите замминистру». Очевидно следовало бы решиться на раздельное написание и дать склонение «заву» и «заму». Впрочем, более полные сокращения, как *завмаг* уже приобрели такую оборотистость.

Взывает к упрощению простановка годов. Склонение года мы указываем, только если он дан лишь двумя последними цифрами: *это уже было в 58-м*. «Году» добавляется не всякий раз, а когда этого требует выразительность или может быть иначе утерян смысл. Но созрело обходиться и без окончания и без «года»: *это началось в 1917, когда...* От частых «г. г.» рябит в глазах, затрудняется строй фразы и ничего не выигрывается. (Английский язык давно употребляет так.)

Мы пишем *152-миллиметровые, 22-летняя*, не выделяя вставкой «-х» склонения (*22-х-летняя*).

От слова *погон* род. п. мн. ч. несомненно *погонов*, а не пространственное теперь *погон*, что опять-таки нивелирует склонение.

Слова *цыгарка*, *цыгейка*, *цынга*, *паицырь* мы печатаем через «ы», чтобы тесней приобщить их к кругу русских слов. Написание через «и» выглядит худосочно.

Не могу отказаться от «я» в словах *семячки*, *мятель*, *меряный* (наряду с *меренный* — прич.). Эта потеря кажется мне обесцвечиванием. Различаю *прострелянный* (много раз, от «прострелять») и *простреленный* (единожды, от «прострелить»).

Хотя слитное написание *полночи* (половина её) требуется общим правилом, но так создаётся омоним, различаемый только специальным ударением от *полночи*. Встречаются случаи, где путается смысл, и тогда для различения мы вводим чёрточку: *просиживал пол-ночи* (чтоб не: всегда пересиживал за полночь).

Словарь Академии Наук (1950-е годы) даёт

запань — спец. (перемычка из брёвен на реке).

Но нельзя придумать корня и смысла такого слова. Даль (хотя не строгий в написаниях) пишет *запонь* и роднит с *запоной* (т. е. брёвна — как пловучая завеса). Так принимаем и мы.

Русский язык склонен обрабатывать на свой лад втягиваемые иностранные слова — и это есть признак его силы и здоровья. Народная попытка склонять «пальто», хотя и превращена интеллигенцией в анекдот, а на самом деле здравая. Так и несклоняемые (и оттого совсем у нас неуклюжие) «жалюзи» стали произноситься *жа́люзи* и склоняться: *жа́люзей*, *жа́люзями*. Мы приняли это.

Подчиняюсь принятому *фольклор*, хотя «о» мы удерживаем неспортивно, наше произношение сразу сложилось как *фольклёр*.

Для отличия *сто́ящий* от *стоя́щий* хорошо бы принять написание по народному произношению *стою́щий*, отступив от правил спряжения.

В эмигрантских изданиях в минувшие десятилетия стали писать «большевицкий», приближая к просторечию (сравни *мужицкий*, *дурацкий*). И в самом деле, при русских корнях, написания «большевистский» и «меньшевистский», да ещё при частоте их употребления обременительны и следовало бы упростить на «ц». (В опубликованных томах мы этого ещё не сделали.)

Написание отдельных слов зависит также и от общего языкового фона этого отрезка. Например, если описывается деревенская жизнь, то и в прямой речи персонажей, и даже в авторской речи естественно писать «грамофон» через одно «м», вопреки словарю.

Безнадёжно отстало от устной речи слово «сейчас», к тому же такое частое. В прямой речи всё чаще приходится его сокращать в «сечас» или «щас».

Имена-отчества могут писаться сокращённо не только в прямой беглой речи, но и в авторской — при утере степенности, при ироничности: *Василий Аксентьич, мастер литья* (вместо *Авксентьевич*).

Запятые

Могучее средство выражения, но если пользоваться им достаточно свободно, применительно к тонкостям интонации. Современный английский почти лишён запятых, и это обедняет его фразу. Наша нынешняя письменность слишком обременена формальными традициями немецких грамматистов.

Запятые должны служить интонациям и ритму (индивидуальным интонациям фраз и персонажей), помогать их выявлять, — а не быть мёртво-привязанными для всех интонаций и всех ритмов. Для синтаксиса интонация должна быть ведущей. Школьные пунктуационные правила формальны и не учитывают живое дыхание речи. Я считаю нужным следить, чтоб не происходило такого резкого отрыва письменной речи от гибкой устной.

Разгрузка от избыточных запятых (Ускорение, облегчение)

Читатель не должен встречать частокол тормозящих запятых, обременяющих фразу.

Во-первых, это относится к приложениям и сравнительным оборотам с союзом «как». Мы не ставим запятую при краткости сравнения, беглости его применения или расхожести употреблённого образа; не ставим, если сравнительный оборот имеет значение приравнивания или обстоятельства образа действия, или является именной частью сказуемого:

*упрямый становится как осёл
на войне как на войне
сошлись как срослись
сказала как о незначащем
философ-доцент, представительный как министр
городки как Кизел
целые районы как Таштаевский
начинают оплакаться как восковые
мотнул головой как отплюнул
ногу держал как гитару
проезжают мимо рабынь как подлинные олимпийцы
это «интересненько» Костоглотова пришлось ему как нож
между рёбрами
всеобщей амнистии боялись они как моровой язвы*

(если поставить запятую — будет ударение на «боялись», потом пауза и сравнение произносится новым духом; без запятой — сплошное прочтение и ударение на «моровой язвы»)

там свои ноги тяжелы как у слона, тут перебирают как воробьиные

он сам как тройная подушка

но чистая совесть как горное озеро светит

во-вторых, беглости чтения способствует облегчение от запятых, несмотря на подчинительные союзы, и при цельных неразложимых выражениях:

что ни год безнадежней

перекрикивались с кем хотели

пусть каждый добывает как может

две тысячи лет уже как сказано, что

кивнули охотно, хорошо что доброволец есть (иначе неправильная длительная остановка на «хорошо», фраза становится нелепой)

надевает что хочет и ест сколько хочет

уже два года как в его неуклонном взгляде

это не страшно, страшно чтобы не схватили (выпрямление конструкции фразы, смыслового стержня; второе «страшно» в запятых заблуждало бы интонацию)

исчез, не прислал ни одного донесения, неизвестно где находится

готов помочь в чём-нибудь, не знал в чём

Россию раскачиваете, неизвестно кто больше

в-третьих, при интонационной беглости можно некоторые деепричастные обороты не заключать в запятые (иногда с одной стороны), особенно при отдельных деепричастиях, которые приобретают значение наречия или обстоятельства образа действия:

проходил не здороваясь

так, чтоб голову нагнувши войти

не видя как иначе поступить

и покуривая смотрел, прищурившись

(возможен симметричный вариант:

и, покуривая, смотрел прищурившись)

и не зная подробностей, можно быть уверенным

но приезжая в Цюрих, Ленин

вряд ли ошибёлся сказав, что

он не помещался в кресле, обхаживая стол откидывал стулья
поднимался по лестнице шатаясь, вцепясь в перила

в-четвертых, разгрузка от запятых часто настоятельна вокруг

вводных слов и оборотов, во всяком случае с одной стороны. В зависимости от темпа фразы не всегда должна вклиниваться запятая после «во-первых», «во-вторых», «например», «конечно». Часто помещены запятые вокруг «может быть», особенно в форме «может». Чаще других обособлены интонацией «пожалуй», «напротив», но отнюдь не всегда.

может не рассудительно, а хотелось

да может и не коменданта, груз может и не военный

да может быть я давно-давно об этом думаю? (интонация

слитно-настоятельная)

ну, кажется всё начинало налаживаться

говорят послали флот

так оказывается потому

в 20-е годы знаете как говорили? (разговорная беглость)

и как всегда они правы, и как всегда доказательств не требуется

вы пожалуй запомнили бы навсегда

Перечислительные запятые при однородных членах тоже могут ставиться или не ставиться, или не все — подчиняясь интонации:

и друзья и враги, и свои и чужие

и придя и не застав дома

тогда и обед и ужин

И много других случаев, когда интонация повелительно требует облегчения потока речи:

она обернулась обиженная

он испытывал не что иное как ревность

не знаешь какого другого поворота ждать, и с чего начинать

не знаешь, разве с подарков

злоба с вывертом, то что называется садизм

приезжали всё гуще, видно было что повалят

с такими бандитами как вы — не стану!

Углубление интонации замедляющими запятыми

Но интонация же иногда требует, напротив, не только неукоснительной расстановки запятых, но и добавления их:

десять раз за процесс возвращается, и возвращается, и возвращается

первый, и второй, и третий год тюрьмы

все они очень умными себя представляли, и очень тонкими,

и очень сложными

на увечье, на смерть, и без надежды на возврат

*миновал комнату, другую, и увидел накрытый стол
мы исправились, и у себя на родине освоились
придобился он читать эту тихую, спокойную книгу
она робела, и при встрече не могла бы найтись
указ, трудно сказать, чем для нас сейчас более интересный
вторая, решётчатая, дверь*

Частицу «де» принято присоединять через дефис к предыдущему слову. Но иногда это невозможно:

*что де он с веками блекнет
и потому де это справедливо,*

а выделять запятыми кажется обременительным. Но в иных случаях интонация велит взять в запятыс:

будто, де, купить на него ничего нельзя.

Другие особенности пунктуации

Возможна череда вопросительных или восклицательных, или тех и других знаков — и при слитности фразы, накате речи, текст возобновляется после них всякий раз с малой буквы. Напротив, ремарка к прямой речи, обычно начинающаяся с малой буквы, может начинаться с большой, если глубока пауза между речью и сопровождающим пояснением.

Запрет двух (или даже трёх) последовательных двосточий в одной фразе необоснован. Высвобождая русский синтаксис, этот запрет взорвала уже Цветаева.

По существующим правилам, в конце фразы, содержащей цитату или закавыченную прямую речь, вопросительный, восклицательный знаки и многоточие ставятся до кавычек, а точка почему-то после. Это не логично. Мы ставим точку также до кавычек, если закавыченная фраза является законченной, и после них, если кавычки заключают несамостоятельную часть объёмлющей фразы.

Слово в парламентской речи и культура общения

*С. И. ВИНОГРАДОВ,
кандидат филологических наук*

На одном из заседаний первой сессии Верховного Совета РСФСР депутаты не утвердили кандидата на пост министра по архитектуре и строительству. Подводя итоги обсуждению и голосованию, председательствовавший на том заседании Б. Н. Ельцин положительно охарактеризовал деловые качества претендента, но при этом заметил, что работает тот лучше, чем говорит. И действительно, выступление несостоявшегося министра не имело четкого построения, речь была лексически бедной и изобиловала языковыми ошибками. И кто знает, будь по-другому, результаты голосования также могли быть иными.

Умение говорить (как мы называем это качество в обиходе) крайне важно для политического и государственного деятеля. Высокий рейтинг многих популярных депутатов, помимо их собственно политической позиции, объясняется тем впечатлением высокой культуры и интеллигентности, которые оставляют их выступления, причем не в последнюю очередь благодаря безукоризненному владению литературным языком, умению правильно, точно и ясно выразить мысль. В то же время, нужно сказать откровенно, некоторым из тех парламентариев, которых мы наблюдали и наблюдаем сегодня на политической арене, далеко не только до высот политического красноречия, но и до азов политической культуры и общепринятых стандартов культуры речи.

Одно из важнейших слагаемых культуры речи — искусное владение словом. Именно индивидуальный лексикон, или лексический тезаурус (от латинского *thesaurus* — сокровищница), будучи производным от общей культуры человека, в значительной мере предопределяет культуру речевую.

В конце своего выступления на первом съезде народных депутатов СССР сибирский писатель Р. Солнцев сказал: «Мы судим не по словам, а по делам». Мысль, надо сказать, сколь бесспорна, столь и не новая: еще в XVII веке опальный протопоп Аввакум писал, что «виришами философскими не обык речи красить», так как

«не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет». Но столь же бесспорно и то, что существуют такие виды деятельности, где слово и дело слиты воедино, где слово переходит в дело, по существу становится делом. К ним, несомненно, можно причислить и работу парламентария. Она представляет собой коммуникативно сложный вид деятельности — ведь депутату приходится выступать в самых разных коммуникативных ролях: он ведет деловую переписку, составляет законопроекты, выступает как оратор на парламентских слушаниях и как конфиденциальный собеседник на депутатских приемах; в конце концов, он должен слушать (а главное — слышать), что говорят другие, и эта роль не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Далеко не элементарна и структура целей, которые с той или иной степенью осознанности ставит перед собой парламентарий в общении с коллегами по депутатскому корпусу, избирателями, а часто и с миллионами радиослушателей и телезрителей. Редко дело сводится лишь к «голому» информированию — в коммуникативные намерения выступающего с парламентской трибуны может входить аналитическая или эмоциональная оценка каких-либо фактов, участие в полемике, создание или утверждение собственного имиджа, попытка убедить аудиторию или даже инициировать ее действия, связанные, например, с голосованием, принятием или, напротив, непринятием решения. Чтобы успешно выступать во всех этих ролях и быть способным реализовать в общении свои намерения, необходимо обладать достаточно высокой коммуникативной компетенцией, которая основана, если говорить о ней в самых общих чертах, на общей культуре, специальных знаниях и том языковом арсенале, которым человек располагает. Неразвитость вербальной (словесной) сети, существующей в сознании каждого человека, может поставить парламентария в положение героя одного из стихотворений Я. Смелякова:

Неясных замыслов величье
Их души пламенные жгло.
По сквозь затор косноязычья
Пробиться к людям не могло.

Между тем лексический тезаурус — это то, что человек, затратив определенные усилия, может «сделать сам». Пополнение словарного запаса связано с расширением и усложнением индивидуальной картины мира, а следовательно, нам нельзя останавливаться в познавательной деятельности, в своем непрестанном «хождении в культуру». Еще один путь — постоянный лексический мониторинг: не следует оставлять без внимания ни одного незнакомого слова — напротив, нужно выяснить его значение, нормативную и

коммуникативную характеристику. Инструментарий для такой работы общедоступен: это художественная и научно-популярная литература, средства массовой информации, словари.

Обширный пласт в современной парламентской речи составляет политическая лексика и фразеология, отражающая едва ли не весь спектр политической жизни и политической борьбы последних лет. В выступлениях, звучащих с трибун съездов и заседаний сессий, мы не единожды встретим такие слова и составные наименования, как *застой, перестройка, демократия, тоталитаризм, диктатура, неомошевиизм, командно-бюрократическая система, гласность, авторитарный режим, коррупция, лобби, революция, социализм, антикоммунизм, номенклатура, партаппарат, демократы, неформалы, переворот, шовинизм, патриот, империалист, сепаратизм, национализм, суверенитет, конфронтация, консолидация, консенсус* и мн. др.

Как видно даже из этого небольшого списка, некоторые наименования, составляющие новейшую политическую терминологию, были созданы совсем недавно: *неомошевиизм, командно-административная система, неформалы*. Другие были переосмыслены или, ранее относимые по строгим указаниям словарей к реалиям «забугорной» жизни либо к темному российскому прошлому, «получили постоянную прописку» в советской действительности. Это, например, такие слова, как *коррупция, лобби* (несожданно обнаруженные под «родными осинами»).

В некоторых случаях использование политической терминологии приводит к своего рода лингвистическим конфликтам. Это связано с многозначностью слов, разнообразием ассоциативных связей, которые за ними закреплены. Так, давно замечено, что обычное для нас после 1985 года применение прилагательных *левый* (демократ, сторонник экономического либерализма) и *правый* (коммунист, государственник) не соответствует традиционной и существующей за рубежом по сей день политической системе координат, где они имеют прямо противоположное значение.

Другой пример. В русском политическом узусе (от латинского *usus* — обычай) существительное *консерватор* часто употреблялось и употребляется как антоним существительного *демократ*. Но ведь консерватор не только (вернее не столько) «ретроград», «враг прогресса». Это слово ассоциируется и с такими понятиями, как «традиция», «стабильность», «эволюционный путь развития». Кроме того, на Западе консерватизм как политическое течение связан с идеологией экономического либерализма, отстаиванием преимуществ частной собственности перед государственной.

Слово, наименование может не только привести к лингвисти-

ческому конфликту, но и стать знаком конфликта политического. Из наэлектризованного воздуха материализовались, казалось бы, давно ушедшие в историю слова *фракция*, *фракционер*, *фракционность*, *фракционизм*.

Критика новоявленных «оппозиционеров» зачастую носила, мягко говоря, некорректный характер, а сами эти подвергаемые остракизму слова звучали в контекстах, явно не соответствующих этическим нормам ведения дискуссий. Например, один из идейных противников будущих «межрегионалов» выразил свою позицию следующим образом: «Но вот мы говорим сейчас о фракционизме. Мы хотим все это дело изжить, но давайте же мы, наконец, посмотрим правде в глаза. У нас ведь есть люди, которые без фракции вообще жить не могут. Он ведь завтра будет больной, если его лишить такой возможности (Аплодисменты). Я считаю, что это должно быть осуждено. У офицеров есть офицерский суд чести. Я предлагаю ввести депутатский суд чести, чтобы не воспитывать здесь, когда мы ведем разговоры, а вызывать туда, и пускай там воспитывают, как положено» (Аплодисменты).

По существу слово *фракция* и производные от него наименования были использованы в качестве идеологического жупела (первоначально жупел — горящая смола или сера, уготованные грешникам в аду, сейчас это слово обозначает нечто внушающее страх или отвращение). Но если у купчихи из пьесы Островского при произнесении слова *жупел* отнимались руки и ноги, то многие депутаты, услышав запретные в течение длительного времени *фракция*, *фракционер*, *фракционность*, мгновенно принимали босую стойку и обрушивали на будущих межрегионалов очередную порцию своего праведного гнева. Это было не чем иным, как проявлением тоталитарно-коммунистической ментальности: после борьбы Ленина с партийными фракциями, после того, как Сталин их окончательно извел, любой намек на создание фракции (от французского *fraction* — доля, часть, восходящего к латинскому *fractio* — дробление, разламывание) воспринимался как смертный грех, а обвинение во фракционности было равносильно политической (это в лучшем случае) смерти. «Идеологическое неприличие» этих слов в 1989 году еще настолько сильно ощущалось, что депутат Попов вынужден был пояснять: «В моем выступлении вообще не упоминалось слово „фракция“. Я не понимаю, почему кому-то нужно попытку группы людей разрабатывать какой-то вопрос доводить обязательно до вывода о стремлении к фракции». Политическое время летит быстро: через год на I съезде народных депутатов РСФСР *фракция* сделалось рабочим, процедурным термином, которым стали именовать группы депутатов, объединившихся на разных политических платформах.

В некоторых лингвистических исследованиях отмечаются такие черты советского политического текста (устного и письменного), как неопределенность, отсутствие личностного начала, информационная и смысловая расплывчатость (см., например: Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991. С. 25—27). Одним из проявлений этих глубинных свойств «советского новояза» является лексическая бедность текстов, их насыщенность идеологизированными штампами, семантически опустошенными словами. Еще в 20-х годах князь С. Волконский писал, что когда-то прекрасное слово *товарищ* превратилось в «бессодержательное обращение — выдуманное, выпотрошенное слово» (С. и А. Волконские. В защиту русского языка. Берлин, 1928. С. 20).

И действительно, придя из партийного жаргона, где оно служило наименованием сочлена по партии, существительное *товарищ* стало универсальным, применяемым в самых разных ситуациях называнием человека и столь же универсальным обращением к нему. Это подтвердили и выступления депутатов, многие из которых — от коммунистических фундаменталистов до самых «крутых» демократов — с какой-то жесткой последовательностью, словно забыв о других возможностях и способах именования и обращения, произносили это слово, называя так и коллег по депутатскому корпусу, и избирателей, и человека вообще.

Стереотип подобного номинирования оказался настолько устойчивым, что отход от него подчас приводил к курьезным ситуациям. На первом съезде народных депутатов СССР один из выступавших обратился к только что избранному Председателю Верховного Совета: «Гражданин Президент», посчитав, очевидно, слово *гражданин* более значительным и весомым, а потому более приличествующим ситуации, чем расхожее и оттого несколько легковесное *товарищ*. М. С. Горбачев, не встретив ритуального обращения, не расслышал сказанного, и между ним, депутатом и залом состоялся следующий полилог:

Г о р б а ч е в. Товарищ С., Вы все-таки заберите «господина» назад. Мы все слышали...

Д е п у т а т С. Я сказал: «Гражданин Президент».

З а л. Гражданин...

Г о р б а ч е в. Всё, извиняюсь...

Д е п у т а т С. Я потому изумился, что все так прореагировали. «Гражданин Президент», конечно, Михаил Сергеевич...

Г о р б а ч е в. Я тебя — товарищ, а ты меня — господин... Ладно, договорились...(I Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет).

Помимо прочего, эта пикировка показывает, что парламентскому оратору небесполезно учитывать ожидания и идеологические предпочтения адресата.

Воздействие большевистско-коммунистической терминологии на словоупотребление парламентариев (особенно первого, «перестрочного» призыва) оказалось настолько сильным, что даже академик А. Д. Сахаров на заседании нового советского парламента призвал принять *декрет* Съезда народных депутатов СССР, мотивируя свое предложение следующим образом: «Мы переживаем революцию, перестройка — это революция, и слово „декрет“ является самым подходящим в этом случае» (I Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет). А ведь *декрет* — один из словесных символов той, «октябрьской» революции. Неслучайно в среде русской интеллигенции на рубеже 20-х годов приобрело большую популярность сатирическое, «подсоветское» четверостишие:

В России не было закона.
Был столб — а на столбе корона.
Сейчас закона тоже нет.
Есть столб — а на столбе декрет.

Разумеется, после ухода с политической арены Коммунистической партии идеологизированная лексика постепенно стала отодвигаться на задний план. Сегодня в российском парламенте обращение «товарищ» уступает место другим: «уважаемые депутаты», «уважаемые коллеги» и даже «господа», причем последнее никого не шокирует, хотя нередко произносится с немалой долей иронии.

Продолжение следует

Что сложно, а что трудно?

Опыт психолингвистического анализа

Г. А. ЗОЛотова,
доктор филологических наук

Вы замечаете, что в последнее время стали часто употреблять слово *сложно* там, где, казалось бы, должно быть слово *трудно*? В газетах, в речах, в выступлениях по телевидению слышим, читаем: «Согласиться с этой цифрой сложно» (Известия. 1990. 10 авг.); «И на этом переходном этапе... о рынке говорить очень сложно» (Известия. 1990. 23 авг.); «Для немцев очень сложно признаться в этом» (Известия. 1990. 10 июля); «Убрать такое обилие сложно» (ТВ. 1990. 27 авг.); «Поверить этой версии довольно сложно» (Комс. правда. 1992. 4 февр.).

Речевое чутье носителя языка воспринимает эту подмену как неправильность. Дело лингвиста — сопоставить значения и функции этих слов-конкурентов, определить их права и обязанности, сходства и различия.

А если подтвердится незаконное расширение активности одного за счет другого, возникает вопрос: почему? Какими побуждениями говорящих можно объяснить это предпочтение, какие социально-психологические причины стоят за наблюдаемым явлением?

Слова *трудно*, *сложно*, а также *тяжело*, *нелегко*, *непросто* называют синонимами, то есть словами близкими по смыслу. (Заметим, что внутри этой группы вырисовываются еще и антонимичные, противоположные по значению пары: *сложно* то, что не *просто*; *трудно* или *тяжело* то, что не *легко*.) Близость значений подтверждается словарями. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой прилагательные *трудный*, *тяжелый*, *тяжкий*, *нелегкий*, *сложный* представлены как синонимический ряд. А в Словаре Ожегова, например, слова из этого ряда толкуются одно через другое: «*Тяжелый* — трудный ...; *Сложный* — трудный ...; *Простой* — не сложный, не трудный; *Трудный* — требующий труда..., нелегкий».

Так, может быть, и нет проблем? И надо, не задумываясь, вытягивать из всера возможностей любую карту?

Оказывается, не так. Поэкспериментируем:

Провести такую операцию — *трудно (нелегко, тяжело, просто, сложно)*.

Дышать на таком морозе — *трудно (нелегко, тяжело?)*. Но уж никак не *сложно!*

Ходить ему *трудно (нелегко, тяжело?)*. Но не *сложно!*

Нести эту корзину ей *тяжело (нелегко, трудно)*. Но не *сложно!*

Дело ведь в том, что синонимия — не тождество, она предполагает и сходство, и различия. Словари отмечают лишь близость, но не определяют границ этой близости. Между тем в значениях и употреблении синонимических слов есть зона общности и зона несовпадения.

Чтобы разобраться в этом, вспомним, что рассматриваемые нами слова объединены словообразовательной похожестью: они производны от основ имен прилагательных и оканчиваются морфемой *-о* (их называют условно словами на *-о*); Например, *тяжелый — тяжело, сложный — сложно, простой — просто* и т. д. Но и сами прилагательные неоднородны по значениям, по характеру обозначаемых ими признаков. *Тяжелая корзина, тяжелый камень* — это характеристика веса предмета через субъективное восприятие (что одному тяжело, то другому покажется как перышко). Ни о корзине, ни о камне нельзя сказать, что они *трудные, сложные* или *простые*. *Сложным* (или *простым*) может быть узор, рисунок, техническое устройство. Сложность их — в многообразии составляющих элементов и их отношений. Поднимаясь от конкретных предметов на разные ступени абстракции, усложняясь в своей семантике, названные характеристики используются применительно к человеку, его физической и духовной жизни, к его действиям и деятельности. Мы говорим *сложная психика, трудный характер, тяжелый больной, тяжелое настроение, трудный день, сложные отношения, непростой вопрос, легкий нрав*: «Астров. Я берусь за самые *трудные операции* и делаю их прекрасно» (Чехов); «Он имел дар излагать *простыми, понятными* словами очень *сложные вещи*» (Скиталец); «Разговор предстоял *трудный и тягостный*» (Лидин).

Эта внутренняя неоднородность еще очевиднее обнаруживается в разных группах отъадъективных слов на *-о*.

Из одной основы прилагательного может расцвести целый букет внешне одинаковых, но различных по смысловым и структурным свойствам слов — грамматических омонимов, представляющих разные категории. Например:

тепл-ый → тепл-о

- От пещки идет *тепло* (субстанция — существительное)
- Солнце еще *тепло* (признак предмета — краткое прилагательное)
- Ребенок *тепло* одет (признак действия — наречие)
- Ребенку *тепло* (состояние лица — категория состояния)
- На дворе *тепло* (состояние среды — категория состояния).

Этот категориальный набор не одинаков для разных по значению основ прилагательных. Такие слова, как *теплый, тяжелый, легкий, трудный*, обозначающие признаки предметов и явлений через субъективное восприятие, ощущение, становятся средствами названия и самих субъективных ощущений, состояний: слова на -о из категории состояния (стативы) служат предикатами сообщений о лице, представляемом формой имени или местоимения в дательном падеже: «Мне *грустно* и *легко*: печаль моя светла...» (Пушкин); «Что же мне так *больно* и так *трудно*?» (Лермонтов); «Вам *тяжело* и *тошно* в этом доме» (Тургенев); «Мне сделалось *невыносимо тяжело*» (Салтыков-Щедрин). И с персонифицированным субъектом: «*Тяжело* молоту, *тяжело* наковальне» (Словарь Даля).

А можно ли в такой модели употребить слова на -о от прилагательных *сложный, простой*? «Мне *сложно*», «Тебе *просто*»? Нет, так не говорят, потому что эти слова не обозначают состояния. Эта модель оказывается в зоне несовпадения.

Сближаются и смешиваются синонимичные слова на -о в позиции оценочного предиката по отношению к действию, названному инфинитивом: «На берегу морском *пойти не трудно* нам уютный, светлый дом» (Пушкин); «*Тяжело* в ночной тиши *выносить тоску души*» (Фет); «*Тяжело* ей было *слышать* суровые слова отказа» (Чернышевский); «О вкусах *спорить трудно*, особенно там, где вкусы диаметрально противоположны» (Белинский); «В а р я. *Тяжело* мне его *видеть*» (Чехов); «Но *собрать собак* после охоты *трудно*» (Бунин); «Высокие гнезда высоким деревьям качать. Я знаю, *не просто* за все одному *отвечать*» (Г. Поженян); «Только не думайте, что это *очень просто* — *организовать* такое дорогостоящее мероприятие в стране, где транспорт ходит с переборами и затахают дома» (Комс. правда. 1992. 4 февр.).

Вдумаемся в структуру этой синтаксической модели. В ней устанавливается соотношение между двумя предикативными признаками: действием (или состоянием), названным в инфинитиве, и состоянием или оценкой, названными словом на -о. У каждого

предикативного признака — свой субъект, носитель. Это может быть говорящий (*мне, нам*) или другие лица. Субъект может быть назван и не назван, в последнем случае он ясен читателю из контекста, либо имеет обобщенно-личное значение.

Если субъекту *тяжело* что-то делать или выносить, то речь идет о состоянии, физическом или духовном, сопровождающем процесс, вызванном происходящим.

Словом *трудно* характеризуется высокая мера усилий, потребных для осуществления действия происходящего или предполагаемого.

Словом *сложно* ... Но в русской классической литературе оно не встречается в этой конструкции. Это — новация нашего времени. Когда Герцен, например, писал: «Воспитание его не было *сложно*; простое, деревенское воспитание того времени ...» *сложно* здесь — краткое прилагательное (воспитание простое, деревенское, не сложное). *Сложно* и как прилагательное, и как оценочное слово при инфинитиве может относиться лишь к имени предмета и действия, процесса, действительно сложного, либо по своему устройству, либо для восприятия, понимания. Уместно сказать: *Воспитывать ребенка — сложно (непросто, трудно, нелегко)*. При этом «сложно» или «трудно» говорится, очевидно, о разных сторонах этого процесса. Но *резать хлеб тупым ножом, копать сухую, каменистую землю, подниматься в гору, разговаривать с глуховатым человеком, косить траву, грузить мешки* — может быть *трудно, утомительно, не под силу* кому-то, но сложности в этих действиях нет.

Если не стоит называть сложным простое обыденное дело, выполняемое привычно человеком, то может ли быть сложным не-дело, не-действие? Не делать чего-то — *сложно*? Помилуйте, в юмористике? Нет, в серьезных газетных текстах: «Он говорит такие вещи, которые *сложно не прокомментировать*» (Независимая газета. 1992. 22 янв.); «Когда в течение двух месяцев уходят шесть министров — *сложно вообще-то не догадаться*, что это не к добру» (Комс. правда. 1992. 24 янв.).

Есть формулы «Трудно сказать», «Трудно ответить», «Трудно понять». Они вежливо выражают нежелательность названного действия для говорящего, уклончивость, неуверенность, незнание. Если перед инфинитивом вставить *не*: *Трудно не ответить*, говорящий сообщает о естественности реактивного действия, о бесполезности усилий удержаться от него. Видимо, о чем-то похожем говорится в обоих примерах. Но при чем тут «сложно»? Сравните: «Ругать их *легко*. Для этого ни ум напрягать не надо, ни будоражить чувства — что ни скажи, все в точку! Но стоит ли?» (Поиск. 1992. 14 февр.). Ясно, что *легко* здесь — антоним *трудно*, но не *сложно*, это обус-

ловлено характером действия и поясняется последующим предложением.

Вот рассуждение журналиста о понятии «сложности» применительно к кинематографии: «... Для европейца понятие „сложный фильм“ практически отсекает аудиторию: это действительно *сложно* — досмотреть до конца А. Рене или А. Сокурова. Но *сложный* по американским меркам „Король-рыболов“ (его можно найти в наших видеотеках) по сути *прост* и даже не лишен наивных правоучений. Он, конечно, не чемпион проката, но, *совершив минимальное интеллектуальное напряжение*, припомнив две-три староанглийские легенды, вполне оценишь его образный строй» (Комс. правда. 1992. 30 апр.). Как видим, признак интеллектуального напряжения автор утверждает как необходимую компоненту понятия.

Но в следующих высказываниях употребление предиката *сложно* представляется неоправданным: «Я не экономист, мне несколько *сложно* прогнозировать, как пойдут события» (Радиостанция «Юность». 1992. 7 февр.) Вероятно, экономисту прогнозировать *сложно*, поскольку его дело связано с научными расчетами, а дилетанту — скорее, *трудно*.

В следующем примере говорится об особом эмоциональном напряжении футболистов, которое может вызывать *трудность* игры, но не *сложность*: «А нашей сборной играть в Чехословакии всегда *крайне сложно*: ни в одной стране мира так истошно не болеют против нашей команды, как здесь» (Комс. правда. 1992. 29 апр.).

И можно ли отнести к сложным, многокомпонентным действиям коммуникативно-речевые акты, как *говорить, признаться/не признаться, согласиться/не согласиться* (см. цитаты в начале статьи). Да и *убрать обильный урожай* всегда было привычной крестьянской страдой. В народе и по этому поводу говорилось «Дело мастера боится», а когда «мастер» начинает с опасений насчет «сложности» дела — это тоже новация нашего времени.

Разнообразны экспрессивно-модальные, прагматические подтексты конструкций с инфинитивом и предикатами *тяжело, трудно, сложно*. В них звучат и жалоба, и призыв к сочувствию или снисхождению, и сомнения в целесообразности затраты сил, и стремление уклониться от прямого суждения, и попытка оправдать неудачливого исполнителя или, напротив, подчеркнуть заслуги субъекта, преодолевшего трудности.

Сама форма инфинитива имеет значение потенциальной модальности. Поэтому из предложений *Ходить ему трудно, Воспитывать сложно* мы еще не узнаем, ходит ли он, хотя и с трудом, воспитывает, осознавая сложности, или таким высказыванием мотивируется нежелание, невозможность это делать. В последнем

случае синонимический ряд предикатов на *-о* может продолжиться словами модальной оценки: *Объяснить это — тяжело, трудно, сложно, невозможно, нельзя ...* Конструкция, таким образом, занимает место, ясное лишь из контекста, на оси утверждение — отрицание, возможность — невозможность действия. Общее же значение этих конструкций в том, что соотношение между двумя предикативными признаками оказывается неравновесным (баланс восстанавливается, когда утверждается, что сделать что-то *не трудно, легко*, однако сама эта потребность ободрить или заверить возникает как реакция на иное мнение).

Но если при предикатах *тяжело*, и *трудно* на чашу весов ставятся состояние, способности, возможности субъекта, то при предикате *сложно* качества субъекта как бы выводятся за пределы ситуации и «виновником» дисбаланса остается лишь сложность действия, объективная или мнимая. Говорящий, вольно или невольно, как бы снимает ответственность за дело с себя, с исполнителя. А кроме того, признак сложности, будто бы интеллектуальной, придает значительность всякому делу. Если в противоборстве «мастера» и «дела» *не мастеру трудно*, а *дело сложно*, «мастер» таким образом подстраховывает себя, заранее оправдываясь на случай неблагоприятных последствий или повышая себе цену на случай успеха. Не в этом ли кроется причина предпочтения предиката *сложно* другим, более точным русским словам носителями сегодняшнего разговорно-делового языка?

Конечно, многие из говорящих и пишущих употребляют ставшие «модными» слова, не особенно задумываясь над оттенками смысла. Тем более жаль, когда небрежно и неосмотрительно пользуются словами журналисты, литераторы, видные деятели, от работы которых зависит качество современной русской речи.

Но это одна сторона дела. Не менее важно видеть социально-историческую обусловленность таких вот типичных речевых проявлений, сдвигов в словоупотреблении, поисков и выбора экспрессивных средств. Как температурный лист и анализ крови свидетельствуют о физическом состоянии человека, так речь наша — свидетельство состояния духа, интеллекта, нравственных побуждений, коммуникативных интенций, формирующихся под давлением или в преодолении общественно-политической атмосферы. Автору приходилось писать в «Русской речи» о связи модных слов и социальной престижности (1968, № 3), о гипертрофированной потребности всеобщего равенства (1985, № 5), о разрыве между словом и делом (1992, № 2). Лингвистический анализ выявляет как естественные процессы развития языка, так и обнаруживающиеся в нем симптомы общественного нездоровья. Вдумываясь в нашу речь, мы можем лучше понять самих себя.

Из актуальной лексики

Л. П. КАТЛИНСКАЯ,
доктор филологических наук

Каждый день в средствах массовой информации мы сталкиваемся с бесчисленным множеством слов, смысл которых большинству из нас или вообще неизвестен, или понятен не вполне. Знание того, что означают такие слова, как *биржа, акция, брокер, маклер, менеджмент, поу-хау, патернализм* и др., стало насущной потребностью. Поэтому наш журнал решил печатать на своих страницах заметки словарного типа о новых словах. Причем в этот список мы включили не только слова, которые были неизвестны в русском языке вплоть до последних лет, но и многие другие, хотя и зафиксированные в каких-либо словарях, но малоизвестные в силу редкого их употребления.

Это касается прежде всего заимствований, большая часть которых содержится в словарях иностранных слов. Надо сказать, однако, что многие иноязычные или интернациональные термины приобретают в условиях нынешней действительности новый, или отличный от прежнего смысл. Примером такого переосмысления может служить утрата словом *алармист* (фр. *alarmiste* < *alarme* «тревога, беспокойство») приписываемого ему прежде отрицательного оценочного значения: ср. его толкование в Словаре иностранных слов (М., 1981) — «лицо, склонное к панике, распространяющее непроверенные, необоснованные слухи, вызывающие тревожные настроения». Сегодня гораздо естественнее прямой смысл слова *алармист*, этимологически возводимый к первичным по отношению к нему «тревога, беспокойство». Именно так употребляется производное слово в современных текстах: «Нельзя не относиться, например, с глубоким почтением к постоянным обращениям известных алармистов, громко напоминающих о неотвратимом сползании современного мира в бездну экологических катаклизмов и ядерного апокалипсиса...» (Новый мир, 1991. № 8. С. 235). Интересно, что в Словаре при слове *алармист* есть помета *устар.* Тревоги и страхи, преследующие человека, которому выпала доля жить в конце века, вновь «призывали на службу» соответствующее имя, наделив его новой функцией.

Не вполне совпадают по смыслу активно используемые в

торгово-финансовых операциях термины, подробно описанные в старых словарях, даже такие широко известные, как *авуары*, *дивиденд*, *облигация*, *клиринг* и т. п.

Надеемся, уважаемые наши читатели, что предлагаемый вашему вниманию материал будет вам полезен в качестве пособия, которое поможет ориентироваться в новых или малознакомых терминах.

Авторитаризм (фр. *autoritarism* < лат. *auctoritas* «власть, влияние», противоп. демократия). Способ и методы правления (государственного и др.), предусматривающие жесткое подчинение верховной власти, предписания которой подлежат беспрекословному исполнению. *Переход от тоталитаризма к демократии через а.*

Авторитарист. 1. Сторонник и приверженец *авторитаризма* (см.); 2. перен. О человеке властном, не допускающем самостоятельности действий со стороны тех, кто от него зависит. *Убеждения а. Он по натуре а.*

Авторитарный режим. Форма государственного или др. правления, предполагающая отсутствие ограничений единоличной власти, предусмотренных установлениями демократических норм правления.

Авуары. (< фр. *avoir* «имущество, достояние»). Ценные бумаги, золото, денежные средства, в том числе иностранная валюта, и др. *активы* (см.) банка или организации, хранящиеся в зарубежных банках. *Сделки в отношении а. КПСС.*

Агент. [< лат. *agens (agentis)* «действующий»]. Представитель юридического лица (учреждения, организации и т. д.), действующий по поручению и выполняющий деловые поручения за фиксированную *комиссию*. *Присутствие а. обязательно.*

Администрирование. Способ управления экономикой, производством или разными областями хозяйства методом административного указания и приказа без учета или вопреки объективным законам функционирования объекта управления. *Рынок не допускает а.*

Активы. (< лат. *activus* «действенный»). Собственность в виде недвижимости, товаров, банковских вкладов и ценных бумаг (в западной практике также деловая репутация) любого юридического лица. *Банковские а.*

Аксиологический. [< греч. *axia* (филос.) «Ценностный, ценность»]. *Существует еще аксиологический опыт, именно созерцание нами ценностей бытия, нравственных, эстетических и т. п.* (Н. Лосский).

Акцепт. (< лат. *acceptus* «принятый»). 1. Согласие на выполнение обязательства, оплату документа (обычно векселя) или его

подтверждение. 2. Согласие на оплату расчетных и товарных документов. 3. Одна из форм безналичных расчетов между хозяйственными организациями. 4. Надпись на векселе, свидетельствующая о согласии на выполнение обязательства. *Выдать (получить) а.*

Акцептант (< лат. acceptans «принимающий»). Физическое или юридическое лицо, принявшее на себя обязательство по оплате предъявленного счёта (векселя). *Выступать в качестве а.*

Акцептный кредит. Метод кредитования международной торговли с помощью переводных векселей на банки. *Пользоваться а. к.*

Акцептовать. Поставить надпись на документе (векселе), свидетельствуя тем самым согласие на выполнение обязательств, предусмотренных в документе, или на его оплату или подтверждение. *А. вексель.*

Акционер (фр. actionnaire). Владелец акций (см.); член акционерного общества (см.). *Собрание а.*

Акционерное общество (нем. Aktiengesellschaft). Организация, созданная по соглашению юридическими лицами (в том числе гражданами) путем объединения их вкладов в целях осуществления хозяйственной деятельности.

Акционерное общество закрытого типа — форма организации, предусматривающая порядок продажи акций только своим акционерам. Акционерное общество открытого типа — форма организации, предусматривающая свободную продажу акций на рынке ценных бумаг. Акционерное общество с ограниченной ответственностью — форма организации, предусматривающая ограничение ответственности ее членов (акционеров) количеством приобретенных акций, т. е. размером внесенного капитала. Акционерное общество с неограниченной ответственностью — форма организации, предусматривающая совокупную ответственность всех его членов (противоп. общество с ограниченной ответственностью).

Высшим органом а. о. является собрание акционеров, на котором распределяется прибыль, производятся назначения управляющих, определяются направления деятельности организации.

Акционирование. Способ приватизации имущества и доходов государственных и кооперативно-колхозных предприятий путем выдачи акций (см.) членам трудового коллектива данного предприятия, способ передачи государственной собственности во владение членам трудового коллектива для приобретения каждым его членом своей части (доли) дохода от предприятия. *Разгосударствление через а.*

Акционироваться. Приобретать статус акционерного общества. *Наше предприятие акционировалось, став акционерным обществом закрытого типа (из газет).*

Акция (фр. action). Ценная бумага, подтверждающая право акционера на участие в управлении акционерным обществом, в его прибылях и в распределении остатков имущества а. о. при его ликвидации. Акции оплачиваются акционерами в рублях, иностранной валюте или путем предоставления какого-л. имущества в собственность или пользование а. о. Стоимость акции выражается в рублях независимо от формы внесенного вклада. Акция неделима. Когда одна и та же акция принадлежит нескольким лицам, все они по отношению к а. о. выступают как один акционер, осуществляя свои права через представителя. Акция должна содержать следующие реквизиты: фирменное наименование а. о. и его местонахождение; наименование ценной бумаги — «акция», ее порядковый номер, дату выпуска, вид акции (простая или привилегированная) и ее номинальную стоимость; для именной акции — имя ее держателя; размер уставного фонда а. о. на день выпуска акции, а также количество выпускаемых акций; срок выплаты дивидендов; подпись правления а. о. *Продажа, приобретение и передача а. по наследству.*

Алармист (фр. alarmer «беспокойство, тревога»). Тот, кто постоянно взывает к человечеству, стремясь обратить общественную мысль и энергию на предотвращение реальной угрозы гибели всего живого на земле. *Нельзя не относиться с глубоким почтением к известным алармистам, громко напоминающим о сползании мира к глобальной катастрофе.*

Антиномизм [*греч. antinomia «противоречие в законе»*] (философ.). Положение экзистенциальной философии, в основе которого лежит принцип противопоставленности личности и бытия при бесспорном признании первичности личности. *Христианский антиномизм свободы и сострадательной любви* (Н. Бердяев. Философия неравенства).

Антиномическое сознание. Признание того, что все внешнее, предметное, материальное есть лишь символизация совершающегося в глубине человеческого духа, но в равной мере признание непреходящей космической множественности индивидуальностей. *А. с. есть подлинное христианское сознание, которое ведет к мистическому персонализму, к откровению «я»* (Н. Бердяев. Философия свободы).

Антроподицея [*греч. anthrōpos «человек» и dikē «справедливость»*] (философ.). Буквально: оправдание человека. Трактовка проблемы творчества как единственного пути, на котором человек может оправдать свое бытие перед лицом мирского зла. (см. теодицея — богооправдание). *Антроподицея есть единственный путь к теодице, единственный не изжитый и не исчерпанный путь* (Н. Бердяев. Философия свободы).

Антропофаг (< греч. anthrōpos «человек» и phagēin «есть, пожирать»). Буквально: людоед. В концепции теории анархизма о государстве как альтернативе свободы; о всяком государстве как аппарате подавления, попрания человеческой личности. *Государство — антропофаг* (из газет).

Антропофагия. Человсконенавистнические отношения. *Начав возводить свою «вавилонскую башню» без всякой религии, человек кончит антропофагией* (Новый мир. 1991. № 8).

Аренда. (польск. аренда < ср.-лат. arrendare «отдавать внаймы»). Основанное на договоре срочное возмездное владение и пользование имуществом, землей, жилыми и нежилыми помещениями, промышленными и торговыми предприятиями, временно неиспользуемым оборудованием и транспортными средствами. Будучи полностью выкуплено, арендуемое имущество может стать собственностью арендатора. *Долгосрочная а. Плата за аренду. Бессрочная а.*

Аскеза. [< греч. askēsis «образ жизни»] (философ.). Отказ от жизненных благ, уход от мира как высшее достижение творческой личности. То же — религиозное подвижничество, святость. *Путь аскезы.*

Аудит. (англ. audit «контроль, ревизия»). Проверка бухгалтерской отчетности квалифицированными специалистами на предмет ее соответствия установленным правилам и стандартам.

Аудитор. (лат. auditor «слушатель»). Независимый эксперт, приглашаемый для предварительной проверки надежности, материального благополучия фирмы. *Вызов аудиторов. Пригласить а.*

Аукцион. (лат. auctio, букв. «умножение»). Продажа с публичных торгов под руководством *аукционера* (см.), когда товар приобретается покупателем, предложившим наивысшую цену.

«Голландский» аукцион. Торги начинаются с искусственно завышенной цены, которая снижается до размера, способствующего заключению сделок. *«Двойной» аукцион.* Аукцион, проводимый на срочных товарных биржах, при котором все члены биржи могут выступать и продавцами и покупателями. *Продажа квартир на а.*

Аура. (греч. aura «весьнис»). 1. В медицине непосредственный предвестник эпилептического припадка. 2. То же, что атмосфера в значении: Окружающие условия, моральная обстановка, психологический и эмоциональный настрой. 3. Притягательная духовность личности. *Создание благоприятной а. У нее особая а.*

Из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского *

СЛОВО ТРЕТЬЕГО ДНЯ

Творец Бог тресвятый придал этому творению видимому прекрасному виду: солнцем, луной и звездами украсил небо первое ¹, а эфиром и воздухом — пространство между небом и землею, и землею всевозможными цветами и растениями одарил, и все созданное различными украшениями наделил. Нам же подобает, помышляя о Творце и о сего прекрасном творении, от всей души восхищаться созданным и поклоняться пред Творцом Богом. Это написано не только для того, чтобы мы знали, как же все было создано, но и для того, чтобы мы восхищались Творцом всего этого.

Мы говорили, что в первый день Бог извел все вещества, необходимые для творения сего, и рассказали о том, как во второй день Он составил твердь из жидкого естества вод и потому назвал ее твердью.

«Сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в сонм один» (Быт. 1, 9) ². Куда же собралась вода? Не слышал ли это? Когда Бог сотворил землю, еще не было долин и гор. Но как только сказал: «Да соберется вода», тут же создал и впадины, и морские заливы, о чем свидетельствует дело Его, когда земля расступилась и с обеих сторон появились острова и горы. Для того Он и оставил острова и горы, чтобы ты понял, что вначале они были слиты восдино, но Божье повеление разделило сушу эту ³. Схлынула вода, и обнажилась земля, как ей повелел Творец.

«Да соберется вода, которая под небом, в сонм один и да явится суша» (Быт. 1, 9). И собралась вода, которая под небом, в сонмы, и стало так, и явилась суша. «И назвал Бог сушу землею, а собрания вод назвал морями» (Быт. 1, 10). {...}

«Да соберется вода в сонм один». Если тебе случится стоять у источника и видеть, как клокочет вода, подумай над тем, кто извлекает эту воду из недр земли, кто гонит ее вперед, каковы

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1993. № 1.

хранилища, из глубин которых она выходит, каково место, в которое она втекает, и как эти места не оскудевают и не переполняются? А все сие сдерживается первым гласом Божьего повеления. От него было дано водам течение беспрестанное. При всяком рассказе о водах помни этот первый глас Божий.

«Да соберутся воды в сонм один», т. е. да не появится другое собрание вод, но первое совокупление вод пусть пребывает в первоначальном едином (слитном) состоянии. Он [Творец] показал тебе, что было много вод, распределенных по различным местам. И горные долины, прорезанные глубокими ущельями (оврагами), имели собрания вод. К тому же и равнины многие и поля, не уступающие по величине пучинам морским и болотам, разными способами были прорезаны впадинами. Все тогда было наполнено водой и собрано Божьим повелением в сонм единый, когда вся вода была принуждена излиться в одно место. И пусть никто не говорит, что если вода была выше всей земли, то все впадины, которые вместили моря, были тогда уже наполнены водой. Да во что же они [воды] могли собраться, если и прежде впадины были полны водой? Мы в ответ на это скажем, что в то же самое время, когда разлившимся водам надлежало собраться в одном месте, тогда и были приготовлены и созданы вместилища (резервуары) вод. Ибо не было еще ни моря за Гадиром⁴, ни того большого и страшного для мореплавателей моря, которое оmyвает Британский остров и Западную часть Иберии⁵. Но тогда по повелению Божьему было создано пространство водное, и в него стеклось множество вод. (...)

Великое и совершенное собрание водное назвал Моисей «сонм один»; и колодцы суть собрания водные и рукотворные, рассеянные в низких местах земли, в углубления которых собирается вода. Следовательно, не всякому собранию водному он дал название «сонм один», но особому и наибольшему, в котором оказалась целая стихия.

Как огонь, раздробленный нам на потребу на многие части, в совокупности разлит в эфире, и воздух, разделенный на мелкие доли, все земное пространство занимает, так и с водой происходит. Хотя она и разделена на малые части, но является единым собранием водным, которое отличает ее от других стихий. Ибо озера, которые находятся на севере, в землях Эллады, и в Македонии, и в Вифинии⁶, и в Палестине, являются собраниями водными. Но ныне у нас речь о большом и необыкновенном собрании вод, которое по величине равно земле. А что те озера имеют много воды, никто о том не спорит. Но в истинном смысле их не подобает называть морями⁷ и нельзя говорить, что они такие же соленые, как великое море, или как Асфальтинское озеро⁸ и Сев-

ронитское⁹, которое находится между Египтом и Палестиною и простирается в Аравийской пустыне. Те являются озерами, море же едино¹⁰, как сообщают те, кто путешествует вокруг земли.

Некоторые считают, что Урканское озеро и Каспийское обособлены от других морей¹¹, но если следует слушать тех, кто пишет о землях¹², то одно озеро сливается, проходя сквозь пустыню, с другим, и оба соединяются с великим морем. О Черном (Красном) море говорят некоторые, что оно, доходя до Гадеса¹³, соединяется с морем, лежащим за ним¹⁴.

Но почему же тогда Бог собрания вод назвал морями? Не потому ли, что воды собрались в одно место, а водные составы, т. е. заливы и бухты, которые имеют в каждой местности свой отличительный вид, Бог назвал морями: море Северное, море Южное и еще море Западное. И каждое из морей (морских пучин) имеет и свое собственное название: Понт Евксинский¹⁵ и Пропонтида¹⁶ и Илеспонт (Геллеспонт)¹⁷, Эгейское море, а также Ионийское и Сардонское море, и Сицилийское и Турьское¹⁸. И много еще имен морей, которые нам теперь нет времени называть. Поэтому Бог и назвал собрания вод морями. Но хотя к этому привел нас по необходимости ход рассуждений, мы возвратимся к предыдущей речи.

«И сказал Бог: да соберутся воды в сонм один, и да явится суша» (Быт. 1, 9). Он не сказал: «Да явится земля», чтобы не показать ее неуукрашенной и грязной, и смешанной с водою, еще не принявшей свой образ и силу. Чтобы, вместе с тем, мы не считали причиной осушения земли солнце, то прежде появления самого солнца наступило устроение и осушение земли по повелению Творца. Вникни же в смысл Писания: не только та вода, которая была в избытке, стекла с земли, но и та, которая проходила сквозь землю, смешанная с ней в глубине земных недр, вышла наверх, послушавшись повеления Господня. {...}

Почему пишется: «да явится суша», и не пишется «да явится земля»? «И назвал Бог сушу землею». Не потому ли, что сухость есть свойство, являющееся как бы признаком природы предмета, а земля — материальное название предмета. Как, например, отличительное свойство человека — способность мыслить, а если сказать «человек», то это имя называет животное, которое обладает этим свойством. Так же и сухость есть особое свойство земли, и то, что характеризуется сухостью как особым свойством, называется землею, подобно тому, как тот, для кого отличительным свойством является ржанье, называется конем. Это характерно не только для земли, но и для других стихий. Каждая из них имеет свое отдельное качество, которое отличает ее от других. И так каждая из

стихий познается по его наличию: вода имеет свое качество, т. е. холод (студень), а воздух — влажность, а огонь — теплоту. {...}

«И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1, 10). Не сам вид моря, как говорит Писание, был приятен Богу, ибо не очами видит красоты созданного Творец, но с неизреченной премудростью наблюдает все происходящее. Прекрасен вид сверкающего на солнце моря, когда оно совершенно спокойно, прекрасен и когда под кротким дуновением ветра колеблется его поверхность и, как бы пурпурными волнами играя, припадает оно к земле-соседке и, как бы обнимая ее нежными руками, целует. Но не нужно думать, будто из Священного Писания следует, что Богу море представлялось прекрасным и славным, ибо красота [согласно Писанию] предначнется всему созданному.

Прежде всего вода морская является источником всей влаги на земле, ибо она, невидимыми жилами проходя под землей, появляется в земных углублениях и пещерах. Теснимое же ими море кривыми проходами стремится вверх, но удерживается в своих пределах. Гонимая же ветром назад и сквозь проходы и жилы изливаемая наружу, вода вытекает, расская землю или камень и становится сладкой, посредством процеживания теряя горечь. Бывает же и теплой вода, принимая это природное качество в истоках, по этой причине, будучи гонимой [ветром], становится она очень горячей и даже кипящей, как это можно видеть и на островах во многих местах, и на морском побережье. Бывают и вне моря теплые воды, вытекающие из земли, возле них берут свое начало и студеные реки. И от этого малого можешь увидеть большое, ведь так это и бывает. Ради чего говорит он это? Не для того ли, чтобы мы поняли, что вся земля имеет много каналов и невидимых проходов, по которым вода от начала морского под землей течет?

Итак, море хорошо для Бога, потому что имеет влагу, вытекающую из глубины. Хорошо, потому что оно принимает в себя все реки, не выходя при этом из своих границ. Хорошо, потому что является источником воздушных вод. Согреваемое лучами солнечными, оно лишается тонких частиц воды посредством испарения и воскурения. Влага же та, вознесенная на высокое место, затем остужается, потому что лучи, отразившись от земли, возносятся на меньшую высоту. Потом от тени облаков еще более остывнув, влага превращается в дождь и проливается на землю. И это известно всякому, кто видел, как поставленный на огонь котел, полный воды, который долго кипятят, опустошится, ибо вся вода выходит в пар. Но можно видеть это и на примере самой морской воды, когда ее кипятят плавающие по морю и, держа над паром тем губку, собирают воду и, выжимая губку при надобности, пьют воду, сделавшуюся сладкой посредством испарения.

Прекрасно море для Бога и по иной причине, поскольку содержит острова, которые оно само украшает и укрепляет. К тому же, те земли, которые отстоят друг от друга на большие расстояния, оно соединяет, беспрепятственно перенося гребцов (мореплавателей) и перемещая их во все земли. И от плавающих по морю мы узнаем то, чего не знаем о тех землях. И купцам оно богатство приносит, и то, что кому-нибудь требуется, удобно устраивает, давая возможность тем, у которых есть избыток, сбывать излишек и принося этим то, чего они не имеют. {...}

И сказал Бог: «Да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле» (Быт. 1, 11). После того, как земля как бы отдохнула, сложив с себя тяжесть вод, ей было дано повеление произрастить из себя сначала траву, потом древо, что и ныне мы можем наблюдать. Тот глас, и то первое повеление стали как бы законом и уставом естественным. И тот закон дал земле плодотворную силу на все оставшиеся дни.

«Да произрастит земля». Первое в существовании тленных [растений] — появление ростка, затем, когда побеги поднимаются из земли, появляется трава. Далее, когда растения подрастут и начнут колоситься и достигнут спелости, то образуют семена и желтеют. {...}

«Да произведет земля». Подумай, как от малого речения и такого краткого повеления иссохшая и бесплодная земля так быстро произвела растения и наполнилась ими, и ты увидишь, что земля, как печальную траурную одежду (ризу) отвергнув и сменив ее на светлую, радуется своему убранству и как тысячи растений производит она.

Хочу, чтобы в тебе утвердилось чувство удивления этим творением, чтобы ты, где бы ни находился или ни оказался, склоняясь над каким-либо растением, всегда бы вспоминал Творца. Во-первых, когда увидишь на траве цветок, подумай о человеческой природе, вспоминая слова великого Исая, сказавшего, что «всякая плоть — трава и всякая слава человека как полевой цвет» (Ис. 40, 6). Он имеет в виду кратковременность жизни и непродолжительный (преходящий) характер веселья и радостей человеческих, создавая такой образ. Днесь ты расцвел телесно, будучи молодым, стал тучным от наслаждений, и лицо твоё светло, ты в расцвете юности и полон сил, а наутро тот же самый человек, унылый и дряхлый, увял от прожитых лет, или болезнью ослаблен.

Иной [человек] известный славен своим богатством, и многие льстецы хвалят его, и очень много вокруг него родственников, и толпы слуг заботятся о нем: одни пищу ему готовят, другие выполняют иные работы. И многие завидуют ему. Присовокупи к

тому богатству и силу большую, то есть высокий сан, данный ему от властителя (воеводы, поставленного над народом, правителя или судьи), и жезлоносцев по обеим сторонам от него, которые здесь и там вселяют ужас в подчиненных, и телесные наказания, и ссылки, от которых в подданных вселяется нестерпимый страх. И что же будет потом? Не наступит ли однажды ночь, когда горячка (огонь во всем теле) или боль в боку, или гной в легком, или желчь черная¹⁹, разливающаяся, как гром [среди ясного неба], в один миг свалит его с ног, и даже уст своих не успеет он раскрыть. И все те игры, то есть жизнь и власть, пронесутся мимо него, как по воде, и слава та как будто бы во сне была. Это соответствует словам пророка, который использовал притчу о цветке, уподобив его человеческой славе. (...)

А самих плодов разнообразие, и форму, и вид, и вкус их, и свойства, и их пользу кто может описать? Почему один плод нагим зреет на солнце, а другой покрыт оболочкой? Один плод мягок, [его дерево] имеет листву толстую в качестве покрова, как, например, смоковница, а у того [дерева], внутренность плода которого одета в твердую одежду, листва легче и тоньше, как, например, у орешника. Смоковницы, поскольку они слабые и мягкие, нуждаются также в большой защите, а орешнику плотная одежда из-за густой тени была бы во вред. Разрезы на виноградных листьях созданы так, чтобы гроздь не страдала от дождя и чтобы к тому же еще листья, по причине их редкости, в изобилии принимали солнечные лучи. Ничто не бывает само по себе, ничто не бывает без причины, все заключает в себе премудрость непостижимую. Чья мысль может исследовать это? Как может человеческий ум поистине постигнуть это, чтобы понять все свойства и значение каждого растения и их различия, явственно представить сокровенные причины и до конца их объяснить. Одна и та же вода, влекомая корнем, иначе питает самый тот корень, иначе кору ствола (стебля), иначе само дерево, иначе же сердцевину. (...)

Говорят также, что янтарь — смола растений, которая, застыв, становится камнем. Подтверждением этого мнения является то, что в янтаре встречаются травинки и мелкие живые существа, которые попали в него, когда он был еще мягкой и жидкой смолой, и, завязнув в ней, окаменели. И вообще, кто не изведал на опыте качества соков тех всех, тот никак не может уразуметь, как это бывает. Как от одной и той же влаги в виноградной лозе рождается вино, а в древе маслины — оливковое масло? И не только то удивительно, как влага в одном растении сделалась сладкой и жидкой, а в другом — точной и густой, но и то, что в сладких тех плодах не поддаются описанию различия качеств. Одна ведь сладость в виноградной лозе, другая же — в плодах яблони²⁰,

третья — в плодах смоковницы и четвертая — в плодах финикового дерева.

И еще призываю тебя хорошенько подумать о том, как одна и та же вода, приятная на вкус, когда будет в одном растении, например, в древе, становится сладкой, когда же бывает в другом древе, как бы окисляется и еще более горькой делается, когда находится в полыни или скаммоней²¹. Если она будет в желуде или в плоде дерена²², то становится терпкой и острой, а в теребинте и в орехе — гладкой и маслянистой.

Но стоит ли говорить о таких сложных вещах, когда в той же самой смоковнице качества воды переходят в свою противоположность? Сок же ее бывает горек в древе, а в самом плоде влага сладка. Так и у винограда — в виноградной лозе влага кислая, а в самих гроздьях (ягодах) — сладкая.

А сколько различий в цветах плодов! В одном цветке можно видеть воду красную, в другом — багряную, в том синюю, в другом зеленую, в этом желтую, в том белую. И еще более, чем по цвету, различаются цветы по запаху. Но вижу, что безграничные мысли мои в стремлении все познать перешли надлежащую меру, и если в страхе не обуздаю себя и не заставлю вернуться к размышлениям об этом творении, то не хватит мне и дней раскрыть великую премудрость, говоря вам о ней худым своим языком.

«Да произрастит земля древо плодное,творящее плод на земле». И сразу же вершины гор поросли деревьями, и фруктовые сады были созданы, и берега рек были украшены бесчисленными растениями. Одно было приготовлено, чтобы украсить собой трапезу людей, другое (и листья, и плоды) — на пищу скоту, третье — на исцеление нам давалось, чтобы лечиться и соком, и влагой, и корой, и плодом. И вообще говоря, все, что издавна человек установил на опыте, в каждом частном случае собирая то, что ему на пользу,— все это острый и ясный промысел Творца, предвидя изначально, извел в бытие.

Когда же ты видишь или садовые, культурные растения, или дикие, или растущие у воды, или полевые и цветоносные, или самый цветок, то в том малом познай великое, не переставай удивляться и возрастай в любви к Творцу своему. Впрошай, как Он сотворил одни растения вечнозелеными, другие — сменяющими листья в свое время, третьи — всегда сохраняющими листву. И маслина, и сосна сменяют листья, хотя и незаметно, так что можно думать, что они никогда не оголяются. Всегда с листвою и финиковое дерево, тоже имеющее одни и те же листья, с тех пор как оно проросло и пребывает с ними до конца. Обрати еще большее внимание и на то, как тамариск растет как бы в двух стихиях: с водными растениями произрастает, и с полевыми (наземными) раз-

множается. Поэтому и Иеремия пророк самых лукавых, которые имеют двуличный нрав, с таким древом сравнивает²³. {...}

«И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле» (Быт. 1, 11). Где раздалось божественное и всемогущее повеление, тут же сразу произвела земля все множество трав и красоту цветов разнообразных на лугах, и красоту различных злаков и бобовых на нивах. Подобным же образом появились и фруктовые плоды, у которых много самых разных качеств и свойств, а также бесчисленное разнообразие древесных растений, не приносящих плодов. И каждое растение, созданное на определенную потребность, служит на пользу человеку и заставляет хвалить и славить Бога, который сотворил все это, и позволяет нам восклицать вместе с пророком: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро» (Пс. 103, 24). {...}

«Да произрастит земля». Малое это повеление стало великой природой, творя бесчисленные свойства растений. И ныне то повеление, так же действуя в земле, понуждает ее во все годы проявить силу свою, которую она имеет, в рождении трав, и семян, и деревьев. Мы же, приложив все усилия, принесем плоды добрых дел, ибо «насажденные в храме Господнем, мы цвеем во дворах Бога нашего» (Пс. 91, 14).

ПРИМЕЧАНИЯ

III Слово Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского представляет собой комментарий на I главу Первой книги Моисеевой Бытие (стихи 9—13). Как и в тексте предыдущих Слов (см. РР № 1), в III Слове можно отметить сочетание христианских и античных натурфилософских мотивов. Значительный интерес представляют географические сведения о морях и озерах, свидетельствующие о высоких познаниях Иоанна в античной географии и его знакомстве с Метеорологикой Аристотеля. Поэтичны и исполнены наивной прелести описания трав, деревьев и цветов, созданных, согласно христианским представлениям, в третий день творения. Иоанн не устает восхищаться разнообразием и красотой растений, подчеркивает целесообразность их создания. Наблюдения над их жизнью дают повод автору к назидательным христианским размышлениям.

1. Согласно библейским представлениям, существуют два неба: первое небо — это свод небесный, или небесная твердь, на которой находятся солнце, луна и звезды. Это небо доступно нашему зрению и в судный день будет уничтожено. Второе же небо, находя-

щегося над первым, является престолом Божиим и местопребыванием ангелов всех чинов.

2. Наблюдается разница в передаче библейского текста в Шестодневе Иоанна Экзарха и в современном переводе Библии. Ср. перевод по Синодальной Библии: «Да соберется вода, которая под небом, в одно место». В тексте Иоанна Экзарха стоит слово *събьмъ*, одно из значений которого — «собрание, скопление, сбор».

3. В тексте Шестоднева *равниѣ то* — ровную поверхность, равнину эту.

4. Гадир (современное название Кадис) — город, основанный финикийцами на пиренейском берегу у западного входа в Гибралтарский пролив, за которым открывался выход в Атлантический океан.

5. По-видимому, имеется в виду часть Атлантического океана, которую древние географы называли по-разному: Британский океан (Помпоний Мела, I в. н. э.), Западный океан (Птолемей, II в. н. э.).

6. Вифиния — область в Малой Азии.

7. Традиционно в Священном Писании слово *море* используется для обозначения всякого большого собрания вод, хотя чаще оно употребляется в современном значении этого слова.

8. Асфальтинское озеро (Асфальтово, или Солёное) — древнее название Мертвого моря.

9. Севронитское (Сирбоново?) озеро, по одним данным, озеро в Нижнем Египте, по другим же — является вариантом названия Мертвого моря.

10. В этом предположении можно видеть отголосок теории единого мирового океана, которой придерживались Эратосфен (III в. до н. э.), Страбон (60 г. до н. э.— 20 г. н. э.), Помпоний Мела (I в. н. э.). Извлечения из теории Посидония (кон. II — нач. I в. до н. э.), которые приводит в своей Географии Страбон, наглядно иллюстрируют представления античных географов о единстве морского пространства: «... Ясно, что населяемая земля огибается кругом океаном. Его не окружает никакая полоса суши, он разлит в беспредельном пространстве, и ничто не мутит вод сего» (Цит. по кн.: И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. Т. 1. М., 1949. С. 44). Ср. в тексте II Слова Шестоднева Иоанна Экзарха: «Так и вся населяемая нами земля, на которой мы живем, объята водами, окружена безмерными морями и орошаема бесчисленными реками».

11. Традиционно Гирканское (Урканское) море считается древним названием Каспийского. Содержание этого отрывка близко соответствующему фрагменту из Метеорологии Аристотеля, в котором сообщается о двух морях с такими же названиями, которые «с другими нигде не соединяются». В примечаниях к переводу

Аристотеля Н. Брагинская отмечает, что здесь имеет место ошибка переписчика текста, а Аристотель говорит об одном море — Каспийском. Предположение о том, что Аристотелю могло быть известно Аральское море, комментатор считает сомнительным (см.: Аристотель. Метеорологика. Л., 1983. С. 220—221). Однако тот факт, что Василий Великий повторил с некоторыми изменениями этот фрагмент текста из Аристотеля о двух самостоятельных морях — Гирканском и Каспийском — свидетельствует против утверждения об ошибке переписчика Аристотеля. У Василия Великого, однако, речь идет только о том, что эти моря связаны между собой и впадают в большое море (океан). В списках Шестоднева этот отрывок передан по-разному: древнейший сербский список памятника 1263 года, а также болгарский список XV в. повторяют перевод Василия Великого с небольшими изменениями, а именно: оба моря соединяются между собой под землей. В списках ранней русской редакции Шестоднева, к которым относится переводимая нами рукопись, текст видоизменен: оба моря соединяются между собой в пустыне. Сказанное заставляет предположить, что в тексте Василия Великого и Иоанна Экзарха упоминаются два разных моря, а редактор списков ранней русской редакции памятника под Урканским (Гирканским) морем подразумевал современное Аральское море.

12. Обращает на себя внимание факт передачи гречизма *географы* славянским оборотом *иже о земли пишуць*. Название науки о характере поверхности земного шара — географии (от греч. *гео* — «земля», *графо* — «пишу», букв. *география* — землеописание) принадлежит Эратосфену, составителю Географических записок, которыми пользовался Страбон, автор Географии в 17 книгах.

13. Гадес — современное название Кадис, см. примечание 4.

14. Здесь подразумевается соединение Красного моря (а через него и Южного, или Индийского океана) с Атлантическим океаном. Это соответствовало представлениям античных географов о единстве мирового океана.

15. Понт Евксинский — древнее название Черного моря.

16. Современное название Пропонтиды — Мраморное море.

17. Илеспонт (Геллеспонт) — Дарданеллы, пролив, соединяющий Эгейское море с Мраморным.

18. Турьское, или Тирренское море, часть Средиземного моря, между Апеннинским полуостровом и островами Сицилия, Сардиния и Корсика.

19. Согласно средневековым представлениям, восходящим к Гиппократу, которые затем развивал Гален (II в. н. э.), желтая и черная желчь вместе с кровью и слизью входили в состав четырех основных жидкостей, определяющих жизнедеятельность человека.

20. ... в плодах яблони. Интересна передача этого словосочета-

ния в тексте Шестоднева: *въ яблочномъ овоци*. Словом *овоць* в церковнославянском и древнерусском языках обозначался любой плод (лесной, садовый и огородный, само плодовое дерево, а также им назывался сад и огород.)

21. Скаммоня — растение из рода выюнчиков, даст острый сок, обладающий слабительным действием.

22. Дерен — род полукустарников с деревянистыми корневищами семейства кизиловых.

23. См. Иерем. 17, 6: «Он будет, как версек в пустыне, и не увидит, когда придет доброе, и поселится в местах знойных в степи, на земле бесплодной, необитаемой».

Перевод и примечания
кандидата филологических наук
Г. С. Баранковой

Продолжение следует

«Служил совершенству русского языка»

*Л. П. БЕЛКОВЕЦ,
кандидат исторических наук*

Герард Фридрих Миллер (1705—1783), один из первых членов Петербургской Академии наук, известен не только как историк и географ. Опубликованные и находящиеся в рукописях труды его многообразны. В круг его занятий входили этнография, археология, филология, вспомогательные исторические дисциплины, издательская и журнальная деятельность. Такая широта интересов соответствовала духу времени, отвечала умонастроениям эпохи Просвещения. Немаловажное место среди этих занятий занимала лингвистика. Еще юношей, обучаясь в гимназии Герфорда в Вестфалии, Миллер избрал своей будущей профессией библиотечное дело в том широком смысле, как его тогда понимали, — историю литературы, учености, образования. Лейпцигский университет, в котором широко культивировались идеи Г. В. Лейбница в области лингвистики и этнографии, сформировал научные интересы молодого ученого, дал ему представление о состоянии исторической науки, философии, классической литературы того времени. Со степенью бакалавра изящных искусств и философии Миллер в 1725 г. прибыл в Петербург в открывшуюся Академию наук.

Первые его исследования выявили интерес к славянской азбуке, к истории создания гражданского письма и образования русов. Не со всеми наблюдениями и выводами Г. Миллера можно согласиться. Так, еще М. В. Ломоносов, полемизируя с ним, выступил с резкой критикой норманской теории, искажавшей историю русского народа (см.: Вомперский В. П. Риторика в России XVII — XVIII вв. М., 1988. С. 139—140). И все же нельзя не сказать о том, что Г. Миллер многое сделал для утверждения научных методов публикации литературно-исторических памятников, стремясь к соблюдению „старинного слога, старинного правописания, старинных, ныне уже неупотребительных речей, к тому, чтобы печатная книга могла приобрести „совершенную достоверность“ (Книга степенная царского родословия. Предисловие Г. Ф. Миллера. М. 1775. Ч. I). С именем Миллера связано появление в XVIII веке первых отечественных журналов на русском языке — „Примечаний на Ведомости“ и „Ежемесячных сочинений, к пользе и увеселению служащих“.

Как историк Миллер способствовал значительному расширению источниковой базы исторических исследований, возведя в ранг достойных внимания историка не только летописные и литературные памятники и акты, но и устные предания, показания очевидцев, этнографический и археологический материал, топографические данные, данные языка. Используя лингвистический материал в качестве исторического источника, способного пролить свет на историю, на образ жизни народа, на его духовную жизнь, Миллер, однако, резко протестовал против привычного для средневековой историографии метода — строить древнейшую историю народов на сопоставлении одинаково звучащих исторических названий, а „сходство имен“ считать „историческим доказательством“. Он предпочитал поэтому „древние истории о народах, за неимением основательных доказательств, в прежней темноте оставить, нежели сообщать к ним ложное изъяснение“ (Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Предисловие С. В. Бахрушина. М.—Л., 1937. Т. I. С. 39).

Отношение ученого к языку было связано с его представлением об историческом исследовании, задачей которого он считал изучение различных сторон деятельности человеческого общества с его законами, нравами, религиозными системами, языком и пр. Миллер берет на вооружение мысль Лейбница о самостоятельной ценности всех имеющихся на земле языков и возводит язык изучаемых им народов в объект, достойный внимания исследователя. В языке он видит явление развивающееся, совершенствующееся, зависящее от „крупных перемен в жизни отдельных государств“ (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 180).

В течение своего десятилетнего пребывания в Сибири в качестве участника Второй Камчатской экспедиции Миллер составлял словари языка сибирских народов (32 „лексикона“ находятся среди его рукописей; см.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 561—562), выяснил самоназвания и названия их, знание ими чужих языков и заимствования из них, возможную утрату своего родного языка и пр. Все это могло помочь уяснить общее (родовое) сходство языков, а не сходство отдельных, случайно созвучных названий. Именно в Сибири он пришел к выводу о том, что язык является главным средством установления родственности отдельных народов, средством решения этногенетических проблем (Сборник Музея по антропологии и этнографии при имп. Академии наук. СПб., 1900. Вып. I. С. 38). Позднее он прямо писал об этом так: „Характеристическое различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии: ибо все это у разнородных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего

искать единоплеменности. Язык указывает нам происхождение народов". Но истинный лингвист не должен, однако, довольствоваться сходством отдельных слов, которое может оказаться случайным, но делать заключения тогда, когда „сходство языка подтверждается историей“ (Цит. по: Соловьев С. М. Герард Фридрих Миллер (Федор Иванович Миллер) // Современник. 1854. № 9. С. 144).

Миллер любил русский язык и рассматривал его как бесценное достояние национальной культуры и ее истории. Его восхищала красота языка архивных документов XVI—XVII веков. „Кто к старинным архивным письмам и стилю оных привыкнет, тот подлинно оные будет читать со удовольствием“, — писал он в предисловии к „Истории Сибири“. Отстаивая свое право цитировать архивные документы, в чем руководители Академии наук видели лишь намерение увеличить размер книги и „время проводить“, он придавал им значение средства, воспитывающего любовь к родному языку. „Сколько каких слов и складов покажется темных и совсем незнаемых тому, кто таких писем прежде не читывал! — восклицал ученый. — Он будет спрашивать, что то значит? И, может быть, скажут ему для толкования иностранное слово или склад, по свойству чужестранных языков украшенный, которое он лучше нежелает старинное российское слово или склад разумеет. Однако ж сие приведет его во изумление, что он природного своего языка совершенно не знает. Он начнет размышлять, справедливо ли то, чтобы вводить чужестранные слова и складки, когда в природном языке недостатку не находится? Он будет сравнивать складки иностранные с подлинно российскими и узнает, что каждый язык имеет свое свойство и что из одного языка в другой без крайней нужды ничего занимать не должно“ (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 22).

Знание, „какими словами и наречиями предки наши при разных случаях изъяснялись, которые давно преданы совершенному забвению, а вместо оных иногда без нужды иноязычные слова и наречия приняты“, должно было, по его мнению, служить совершенству русского языка (Письма Петра Великого(...) — графу Борису Петровичу Шереметеву. М. 1774. С. 1). Это назидание „природного“ немца в защиту „природного“ русского языка от порчи его в результате широко распространявшейся в дворянских кругах XVIII века галломании звучит весьма современно. Оно свидетельствует также о том, что и сам ученый является неотъемлемой принадлежностью русской национальной культуры, в чем ему долгое время отказывали. А. Л. Шлецер, изучавший русский язык в доме Миллера в Петербурге, поражался его знанием и той охотой, с тем удовольствием, с которыми он отвечал на вопросы своего подопечного. „Миллер был моим живым лексиконом. Этот любезный человек не устал отвечать, скорее я устал спрашивать“, —

замечал он (Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлессера, им самим описанная. СПб., 1875. С. 36).

В портфелях Миллера в ЦГАДА хранятся материалы под названием „Собрание слов для русского лексикона“, рассказывающие о том, как историк на протяжении всей своей жизни в России (58 лет) готовил словарь русского языка, выписывая слова и выражения из исторических документов, из летописных памятников, живой разговорной речи, объясняя их смысл и содержание. Это уникальное собрание. К примеру, мы находим здесь более тридцати (!) названий лошадиной масти: *каряя, коурая, мухортая, чубарая, каракула...* Здесь же такие забытые выражения, как *„оное учинено не омылкою, но с умыслу“, „говорить с вычетом“, „по свыклому обычаю“, „препешательный случай“, „мир свести“, „не поглянется“, „стада конские и животные“, „простолюдин, просточинец“* (ЦГАДА. Ф. 199. Портф. 419. № 5. Л. 41, 48 и др.).

Будучи широко образованным человеком, Миллер кроме немецкого и русского языков, которые он знал в совершенстве, свободно говорил и писал на французском и латинском, свободно читал на английском, голландском, шведском, датском и греческом. Разнообразную литературу на этих языках содержит его библиотека, хранящаяся в Центральном Государственном архиве древних актов. Не случайно он уделял огромное внимание языкам, разрабатывая учебную программу Морского кадетского корпуса, к чему был привлечен как знающий специалист. Он пытался при этом „учредить больше классов“, чтобы избежать „чрезмерного многоязычия, ибо сие, — считал Миллер, — самая вредительная вещь при учении, когда число учащихся в одном классе больше, нежели по качеству наук, по состоянию времени и по различным их же, учащихся, успехам, дозволяется“. „Русскому правописанию“, как и языкам немецкому, французскому и латинскому, должны были обучаться при этом не только русские, но и „российские“ немцы (ЦГАДА. Ф. 199. Портф. 390. № 1). Преподавание „российского штиля“ наряду с другими языками, по мнению Миллера, необходимо было ввести в гимназиях, а правописания — в низших школах, проект устройства которых он разрабатывал в конце 60-х — начале 70-х гг. XVIII века (ЦГАДА. Ф. 199. Портф. 412. Ч.1. № 21).

Все сказанное позволяет говорить о необходимости более пристального внимания к наследию ученого, которое хранит важные данные о развитии русской культуры в XVIII веке и ее составной части — русского языка.

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

*Л. Л. КАСАТКИН,
доктор филологических наук*

В середине XIX века в русском обществе начал пробуждаться интерес к жизни народа, его быту, верованиям, обычаям, фольклору. Изменилось и отношение к диалектам, которые еще в первой половине XIX века рассматривались многими учеными-языковедами как «искажение», «порча» литературного языка.

Важным событием в истории изучения народной речи был выход «Опыта областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения» к нему (1858). И. И. Срезневский, сыгравший большую роль в создании этого словаря, писал: «Исследователь беспристрастный смотрит на каждое из местных наречий с одинаковым уважением и любопытством как на местное историческое явление жизни народной» (Срезневский И. И. Замечания... // Вестник имп. Русского географического общества. 1851. Ч. I. Кн. 1. Отд. 5. С. 4).

В знакомстве с народной речью и ее изучении неоценимо значение «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (первое издание — 1863—1866 годы). В «Напутном слове» к нему В. И. Даль так определял роль диалектов в формировании литературного языка: «...У нас еще нет достаточно обработанного языка, и... он... должен выработаться из языка народного. Другого равного ему источника нет... Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придаст языку стойкость, силу, ясность, цельность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи...» (Даль В. И. Толковый словарь. М., 1935. С. II).

В конце XIX века начал выходить академический «Словарь русского языка». Редактор первого тома Я. К. Грот задумал его как нормативный словарь литературного языка со строгим отбором слов и подробно разработанной системой стилистических помет. Редактор второго тома А. А. Шахматов кардинально изменил характер словаря. Из него были исключены стилистические пометы и указания нормативного характера, значительно расширен объем словаря за счет диалектных слов. А. А. Шахматов рассматривал диалектную речь как составную часть богатства русского языка. В описании литературного языка он неоднократно указывал на «диалектические [т. е. диалектные.— Л. К.] особенности в речи говорящих литературным языком», на «подверженность литературного языка многочисленным диалектическим... влияниям» (Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 95—96).

В этом ключе были выдержаны и рекомендации лингвистов и педагогов по преподаванию родного языка в школе. Ф. И. Буслав в книге «О преподавании отечественного языка» (1844) писал о необходимости дать учащимся широкие знания о родном языке, включая его историю и диалекты. И. И. Срезневский в 1860 году настаивал на том, что в школе «должно изучать именно язык, язык общенародный, а не какой-нибудь временный говор какого-нибудь слоя народа, хотя бы и высшего по образованности» (Срезневский И. И. Об изучении родного языка... СПб., 1899. С. 21). Эту мысль И. И. Срезневского поддержал и В. Я. Стоюнин: «Действительно, уж если изучать язык, то во всей его глубине, во всем его объеме, не ограничиваясь одною выделившеюся его частицей, которая составляет нам образованный язык. Зачем нам лишать себя богатых средств для выражения нашей духовной деятельности?» (Цит. по: Хрестоматия по методике русского языка. М., 1982. С. 50).

К. Д. Ушинский одной из целей преподавания языка в начальной школе считал «усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой... Вводя дитя в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа» (Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. М., 1954. Т. 2. С. 682). А. А. Шахматов указывал, что «предметом изучения в школе должен быть весь русский язык, во всей совокупности устных и письменных его проявлений» (Цит. по: Хрестоматия по методике русского языка. М., 1982. С. 76).

Эти идеи легли в основу методики преподавания русского языка в советской школе в начальный ее период. При определении границ литературного языка этой эпохи предлагалось «расширять изучение стандартного языка — ...изучать диалекты... которыми наш стандартный язык окружен, от которых он питается» (Солонино М. Об изучении языка революционной эпохи // Русский язык

в сов. школе. 1929. № 4. С. 47). В эти годы рскомендовалось уважительное отношение к речи учащихся, говоривших на диалекте. В объяснительной записке к школьным программам 1918 года сказано: «Вводя литературную речь, как речь письменную и книжную по преимуществу, школьные работники впредь должны совершенно отказаться от благого намерсения исправлять якобы несправильности живого языка, известные в науке под названием диалектических особенностей... Эти отклонения представляют собой драгоценный материал для изучения, и многие из них исторически имеют гораздо больше прав на существование, чем иные литературные так называемые „правильные“ формы языка» (Цит. по: Хрестоматия по методике русского языка. М., 1982. С. 136).

В 20-е годы возрос интерес к народному творчеству, красвсведению; учителя вместе с учащимися проводили наблюдения над живой речью населения края, в том числе и над ее диалектными особенностями, собирали фольклорный материал. В педагогических институтах читался курс «Диалектология с введением в этнологию». Положительно оценивалось критикой и использование диалектизмов в художественной литературе.

Но затем это отношение к народной диалектной речи резко изменилось, потому что изменилось отношение к крестьянству — основному носителю диалектов. В государстве, где, как утверждалось, господствовала «диктатура пролетариата», крестьянству отводилась роль попутчика, тянущего пролетариат в прошлое (в силу своей «мелкобуржуазной сущности»).

Социальные преобразования в деревне в 20—70-е годы были по сути дела направлены на уничтожение крестьянства как класса, на превращение крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Массовая коллективизация и уничтожение самых рачительных хозяев под лозунгом борьбы с кулачеством в 20—30-е годы, грабительская политика, приводившая к массовому обнищанию и вымиранию от голода целых деревень, заставляла крестьян, особенно молодежь, любой ценой переселяться в город. Кампания 60—70-х годов по ликвидации так называемых «неперспективных» деревень усугубила положение. Все это привело к значительным социальным изменениям в русской деревне.

Вот лишь один типичный пример результатов этой политики. В составе диалектологической группы, изучавшей в 1986 году говоры Свечинского района Кировской области, я побывал в селе Старице. На территории Старицкого сельсовета в 1950-е годы было 38 деревень, а в 1986 году их осталось всего 3; раньше было более 3000 избирателей, в 1984 году — около 200; было три школы (одна десятилетняя и две восьмилетних), где училось около 1000 детей, осталась одна. В сентябре 1986 года в нее должны были пойти 17

учащихся в начальные классы (из них 9 шестилеток в «нулевой»), детей более старшего возраста здесь уже не было. В Свечинском райкоме КПСС нам показали карту «перспективного развития» района, составленную в 70-е годы. На этой карте кружками разных цветов были обозначены деревни, подлежащие запланированной ликвидации. Цвет кружка соответствовал году, когда это должно было произойти. Карта отражала планы руководства района по уничтожению значительной части сельского населения этого района. Такие же планы принимались по всей стране.

В результате этих социальных преобразований говоры многих деревень перестали существовать вместе с самими деревнями. Крестьяне, переселившиеся в города или свезенные из разных сел в одно, утрачивают многие исконные языковые черты. Дети, воспитывающиеся в городах и районных центрах, подвергаются еще большему влиянию литературного языка. Нарушается естественная языковая связь поколений.

Изменения эти в значительной степени были обусловлены сформировавшимся в 1930-е годы негативным отношением к деревенской народной культуре, быту, диалектам как языку деревни. Так, автор предисловия к переизданному словарю В. И. Даля, предупреждал читателя, что восхищение Далем народным языком было «для своего времени реакционным, потому что тянуло язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс» (Даль В. И. Толковый словарь. М., 1935. Т. I. С. 14).

«Заинтересован ли пролетариат в сохранении крестьянского разноречия? — спрашивали иные лингвисты и отвечали: — Нет. Он заинтересован в его ликвидации. То обстоятельство, что русский национальный язык до сих пор не стал еще достоянием всего крестьянства, является одним из препятствий на пути социалистического строительства. Одним из важнейших лозунгов пролетариата является лозунг: „национальный язык всем трудящимся“. ...Процесс преодоления крестьянского разноречия... регулируется сознательной пролетарской языковой политикой, проводником этой политики на селе являются главным образом школа и печать» (Иванов А. М., Якубинский Л. П. Очерки по языку. М.-Л., 1932. С. 142).

В конце 1933 года началась организованная по инициативе М. Горького дискуссия о качестве языка художественной литературы. Один из главных вопросов обсуждения — соотношение литературного языка и диалектов, использование диалектизмов в художественной литературе. Сам Горький отрицательно относился к «местным речениям», «провинциализмам», как он неоднократно высказывался в своих статьях и выступлениях. Его требование к литератору «писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски», высказанное им в 1930 году (см. Горький М. О литературе. М.,

1953, С. 388), многократно цитировалось и представлялось непререкаемой истиной. Осуждение так называемого «злоупотребления» диалектизмами привело к тому, что даже такой автор, как М. Шолохов, переделал впоследствии романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» в соответствии с критикой и убрал из них большое количество диалектизмов.

С 1930-х годов в нашей стране приоритетной становится идея интернационализации и сближения национальных культур и языков, постепенного отмирания различных языков в социалистическом обществе и формирования единой социалистической культуры и единого языка, в основе которого должен лежать русский литературный язык. В соответствии с этим провозглашалось и быстрое отмирание диалектов, их объявили пережитком прошлого.

Так, Н. М. Каринский выделил в говоре д. Ванилово «два противоположных социальных диалекта: 1) диалект архаичный... и 2) диалект передовой, наиболее приближающийся к современному литературному языку». Обобщая свои наблюдения, Н. М. Каринский утверждает, что «влияние литературного языка... на крестьянские говоры... в эпоху после революции... проходит с чрезвычайной быстротой и интенсивностью... что исчезновение резких особенностей территориальных говоров и быстрое приближение крестьянских говоров к современному литературному языку происходит едва ли не на всей территории русского языка в Европе» (Очерки языка русских крестьян. М.-Л., 1936. С. 34, 95—96).

Эту же мысль неоднократно высказывал и Ф. П. Филин: «Язык колхозника очищается от накипи всков, тормозящей его дальнейшее развитие, приобщение к пролетарской культуре, расширяется горизонт сознания колхозных масс, которое освобождается от местной ограниченности. Исчезает специфически „крестьянское“, „мужичий дух“, который так приятно щекотал обоняние различного рода пейзакистам. И на этом участке отходит в прошлое „идиотизм деревенской жизни“... В настоящее время языковое развитие деревни вступает в новую фазу: колхозные массы культурно выросли, поднялись на такую ступень, когда литературная речь становится органическим элементом их мышления, вследствие чего проблема борьбы литературного языка с местными говорами почти снимается, так как основная масса крестьянства уже не противопоставляет себя в языковом отношении городу... Как территориальные, так и социальные диалекты в нашей великой социалистической стране за последние годы находятся в стадии ясно выраженного отмирания» (Филин Ф. П. Исследование о лексики русских говоров. М.-Л., 1936. С. 179, 185, 205).

Для доказательства этого положения некоторые диалектологи заострили внимание на языковых процессах в говорах, приводящих к их разрушению. В указанной работе Н. М. Каринский привел

составленные А. С. Бедняковым и А. В. Текучевым материалы для бытового, общественно-политического и производственного словаря, где «мы видим не диалектные слова, а лишь слова, общие всему национальному языку. В результате подобного подхода к материалу создавалось впечатление, что исчезновение диалектов — уже совершившийся факт» (см.: История русской диалектологии. М., 1961. С. 81). Н. П. Гринкова в разных своих работах «направляет внимание исследователей на преимущественное изучение в диалектах речи так называемого „передового“ слоя говорящих, т. е. фактически различного рода недиалектных явлений, что объективно вело к ликвидации диалектологии» (Там же. С. 81).

Как же методика преподавания русского языка реагировала на эти «установки»?

Г. К. Данилов в статье 1931 года «О перестройке методики преподавания языка» писал: «Обучение языку есть часть языковой политики, в советских условиях — политики пролетариата. В дооктябрьский период преподаватель языка всемерно использовал школьные уроки для обучения нормам старой речи, речи буржуазно-помещичьих классов, преимущественно господствующих национальностей, для борьбы с тем новым, что приходило в язык. В наших условиях на уроках родного языка преподаватель активно содействует регулированию его, пересмотру норм устной и письменной литературной речи с точки зрения интересов пролетариата... Ленинский этап в методике означает борьбу за высокую грамотность массовой речи, в частности устной. Нужно сделать так, чтобы учились языку не только на уроках языка, чтобы проблема языка, проблема социалистической перестройки его, была предметом внимания всех культурно-просветительных организаций на фабрике, на заводах, предприятиях и т. д. Нужно объявить борьбу за массовое окультуривание речи. Это совершенно естественно вытекает из ленинского этапа, из общей установки Ленина о том, что каждая кухарка должна уметь управлять государством и что каждый дворник, следовательно, должен владеть языком настолько, чтобы справиться не только со своим незатейливым делом» (О перестройке методики преподавания языка // Русский язык в сов. школе. 1931. № 8. С. 51, 57).

У нас перед глазами результат того, что кухарки и дворники стали управлять нашим государством. Позднее Данилова обвинят в вульгарном социологизме, но и в те годы, и до недавнего времени чуть ли не главной целью лингвистов провозглашалась «борьба за окультуривание речи».

О стремлении познакомить учащихся не только с литературной речью, но и с речью диалектной, высказанном лингвистами и методистами XIX — начала XX в., теперь уже никто не говорил. В докладе об учебниках и учебных пособиях по русскому языку в

средней школе, сделанном Л. В. Щербой в 1943 году, провозглашалась необходимость обучения школьников лишь на «безукоризненных образцах литературной речи» (Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 180).

Таким образом, диалекты объявлялись пережиточной категорией, отклонением от литературного языка, его извращением. Диалектизмы в речи носителей литературного языка назывались ошибками. Им объявлялась беспощадная война.

В этом же направлении менялась методика преподавания русского языка в диалектной среде. Цель методики «обучения русскому языку в диалектных условиях», — писал А. В. Тескучев, — устранение диалектизмов всех видов из речи учащихся. Перед учеником-диалектоносителем стоит очень сложная задача: живя в окружении взрослых, таких же диалектоносителей, как и он сам, освободиться от свойственных его речи привычных с детства диалектизмов и овладеть литературной речью» (Преподавание русского языка в диалектных условиях. М., 1974. С. 11). Появилось множество работ, книг, статей, диссертаций, посвященных борьбе с диалектизмами в речи учащихся. Конечная цель этой кампании — полное вытеснение диалектов литературным языком.

Надо ли приветствовать развитие русского языка в том направлении? Ни в коем случае!

О русском языке говорят как об одном из самых богатых языков мира. Богатство языка, в первую очередь, — это богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами. Диалекты как раз и дают такую возможность в силу разнообразия словарного состава, грамматических и фонетических средств. О лексическом богатстве диалектов, в частности, может говорить следующее. В самом полном, 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» около 120 тысяч слов, а в «Архангельском областном словаре», публикация которого только еще начата, — около 130 тысяч слов. При этом «Архангельский областной словарь» дифференциальный, он включает только те слова архангельских говоров, у которых есть какие-либо отличия от литературных слов, и не включает слова, полностью совпадающие с литературными. Богаты лексикой и другие региональные словари.

Языковое богатство русских диалектов отражает и различное видение говорящими окружающего мира. Так, в литературном языке существует одно название для незрелой лошади — *жеребенок*. А в говорах чаще всего встречается три названия возрастных периодов жеребенка: первый — *сосун*, *лошонок*, *копяжка*, *селеток*, *озимок*; второй — *стригач*, *летошник*, *лошцак*, *перезимок*; третий — *третьяк*, *учка*, *первопашка*, *гуляк*, *боронка* и др.

Разное видение одного и того же предмета в различных говорах

может проявляться в том, что в этом предмете выделяются различные признаки, мотивирующие его название. Предмет, таким образом, связывается с разными понятиями, а слово — с разными родственными словами, ср., например, *ухват* (от *хватать*, *ухватить*), *рогач* (от *рогатый*), *ручник* (от *ручной*), *емки* (от *имать* «*брать*») и т. п.

Происходящее в настоящее время нивелирование диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка, — это утрата части их языкового богатства, обеднение общенародного языка.

Проводившаяся у нас языковая политика была одной из сил, вызывавших этот процесс. Она имела и другие отрицательные следствия. «Найдутся, вероятно, и такие учителя, — писал В. И. Чернышев в 1912 году, — ...которые ведут в школе открытую и последовательную борьбу со всем языком деревни... У ученика такой школы образуется понятие, что нет хуже языка, как язык своей семьи и деревни... Такая школа принесет учащимся в ней большой вред, который будет тем значительнее, чем успешнее она утвердит в своих питомцах враждебное отношение к народному языку... Всякое наступательное движение по отношению к народному языку, при ничтожной и только кажущейся пользе приносит страшный, непоправимый вред в разных отношениях: моральном, педагогическом, образовательном» (Избранные труды, М., 1970. Т. 2. С. 531). Воспитание в детях отрицательного отношения к языку своих родителей, своих предков — это воспитание безнравственности. Вместе с тем это и воспитание в жителях деревни комплекса неполноценности. «Мы серые, серо говорим» — частая самооценка деревенских жителей.

Основная цель учителя, работающего в диалектной среде, научить школьников литературному языку. Но литературный язык не должен вытеснить у них тот язык, которым они владеют с детства, — местный говор. Литературный язык многообразен: в разных ситуациях мы используем различные его стили. В деревенском общении должен сохраниться местный говор. И благородная цель учителя — показать ребенку, что этот говор обладает всеми необходимыми качествами для выполнения этой своей роли, а в некотором отношении он и богаче литературного языка. Воспитание любви и уважения к местному говору — вот вторая важная цель учителя деревенской школы. Естественно, что учитель и сам должен хорошо знать этот говор, понимать его особенности.

Нам надо помнить слова, сказанные А. А. Шахматовым еще в 1903 году преподавателям русского языка: «Школа, кроме целей утилитарных, преследует и этические задачи... Мне кажется, что то преподавание русского языка, которое видим теперь, ничего не скажет душе юноши: синтаксический разбор, знакомство с юсами

и аористами не заронит в нес идеалов, не возвысит и не укрепит се... Из исторического очерка русского языка, из обзора русских наречий, из знакомства с живыми говорами учащийся вынесет уважение к идее народности. Он увидит народ не в одних блестящих проявлениях культурной и государственной жизни, не в одних полководцах и сановниках, писателях и художниках, — он усмотрит русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни... Все это приблизит учащегося к самому народу и вызовет в нем уважение к его прошлому, а также веру в него, в его будущее» (Цит. по: Хрестоматия по методике русского языка. М., 1982. С. 89—90).

Ближайшая задача, стоящая перед лингвистами и педагогами, — пропаганда нового отношения к диалектам. Для этого необходима популяризация этих идей в широкой печати. Новые взгляды на взаимоотношения между литературным языком и диалектами должны найти место в вузовских курсах. В школьную программу следует включить лучшие из произведений художественной литературы, появившиеся за последние десятилетия и широко использующие диалектизмы как стилистическое средство. В школе должна быть возрождена краеведческая работа. Хорошим пособием, иллюстрирующим богатство и территориальное разнообразие русского языка, должен стать подготовленный к печати школьный диалектологический атлас.

Диалекты русского языка — реальность настоящего времени. Они не исчезнут и в ближайшем будущем. Однако они заметно изменяются, деградируют. Недавно в стране возникло широкое движение за сохранение и восстановление памятников культуры. Язык — тоже памятник культуры. Он также нуждается в бережном, любовном к нему отношении. Кроме действий, направленных на задержку разрушения русских диалектов, необходима и наиболее полная фиксация их современного состояния. Эта задача не может быть решена теми немногими специалистами, которые ведут полевые записи диалектной речи. Необходимо создавать в сельских и районных школах, в диалектологических кабинетах вузов фонды магнитофонных записей речи представителей местных говоров. Эти записи уже сейчас — бесценные памятники русской народной культуры. Со временем же их значение неизмеримо возрастет.

Образ места *

Э. М. МУРЗАЕВ,
доктор географических наук

В славянской топонимии особенно повезло *воротам*: проливы Карские Ворота и Железные Ворота в районе Новой Земли; ущелье Голдесевские Ворота на реке Уссури, Жигулевские Ворота на Волге, Зейские Ворота на сибирской реке Зсе. Проход Моравские Ворота через горы в истоках Одры и Моравы в Чехии, Вратная Долина в горах Малая Фатра в Словакии, горное ущелье Железные Ворота на Дунае ниже Белграда, перевал через Балканы Железные Ворота. Даже на Аляске есть остров Ворота (Vorota).

Аналогичную картину можно наблюдать и в тюркской топонимии. Озеро Иссык в горах Заилийского Алатау разрушено селом в 1963 году. Его название восходит к казахскому *есик* «дверь, узкое ущелье, теснина». Искажение произошло в результате подражания имени большого озера Иссык-Куль в Киргизии. На Балхаше *есик* «узкие заливы, дельтовые протоки, входы в озеро». Широко известно горное ущелье Темир-Кахлага (железные ворота) в Узбекистане. В этом имени видим монгольское слово *халга* «ворота». Оно же присутствует в названии города Калган «ворота, проход» в Китае, его параллельное китайское имя Чжацзякоу, где окончание *коу* «рот, ущелье». У армян *дурр(и)* «дверь, выход, ворота», в топонимии «ущелье, горный проход, застава». Дарьяльское ущелье армяне называют Аланац Дурн «проход, ворота осстин-аланов», что отражено в персидской форме Дар-и-Алан. Таджикско-персидский термин *дар(дер)* «дверь, вход, горный перевал, проход» широко используется при номинации географических объектов.

«Я убежден,— писал А. А. Марлинский,— что Кавказские ворота древних, железные ворота русских историков находились не в Дербенте, а в Дарьяле (Дар-юл — узкая дорога, теснина). Что восточные историки называли иногда Дербент Темир-Капи, это не

* Начало см.: Русская речь. 1993. № 1.

доказательство: они и двадцать других городов величали тем же именем, а ныне, вопреки рассказам иных, вторящих одно и то же путешественников, в целой Азии никто не знает Дербента под названием железных ворот. Плиний [Плиний Старший, римский ученый, писатель I в. н. э.— Э. М.] описывает Дарьял очень подробно. Прокопий [Прокопий Кесарийский, византийский историк VI в. н. э.— Э. М.] называет оный Каспийскими воротами, но видимо разумеет Дарьял, а не Дербент. И, наконец, хан половецкий, разбитый Мономахом, ушел в абазинскую землю за Железные ворота, следственно, за Дарьял, а не Дербент, ибо через сей последний нет средства пробраться в Абхазию» [Марлинский А. (А. А. Бестужев) Амалат-Бек (Кавказская быль)].

Действительно, железных Ворот много, а вот название Каспийские Ворота в исторической географии Кавказа, как будто, одни — это дербентский проход на западном берегу моря. Здесь лежал торговый путь из Персии, Закавказья в Поволжье и в бассейн Дона. И, конечно, у разных народов эти ворота именовались по-разному: Каспийские Ворота античных авторов, Албанские Ворота, Темиркапы (железные), только с VII века Дербентские. В VIII веке арабы, утвердившиеся здесь, называли их ал-Баб (ворота), Баб ал-аббаб (ворота ворот), ал Баб ва-л-аббаб (ворота и ворота), Баб-ул-Хадид (железная дверь), Баб ал-Албан (албанские ворота); в XIII веке появилось монгольское Темир-Кахлага (опять же железные ворота), а также Бакинские, Ширванские, Хазарские Ворота (Хан-Магомедов Х. Л. Топонимия Дагестана. Изд. Красноярского ун-та. 1990).

Замечу, что этимология имен дагестанского города Дербент, молдавского Бендеры, балканского Девент раскрывается однозначно с привлечением слова *дар* (*дер*), производные которого *дербент*, *дербенд*, *дербазе*, *дарваза* все в тех же значениях: «дверь, ворота, перевал, ущелье, проход, застава, укрепление» участвуют в топонимии Средней Азии, Кавказа, Афганистана, Ирана, Турции, Пакистана, Индии (в хинди: *дарваза*, *двар* «ворота, дверь»).

Тот же топонимический ряд пополняется европейскими городами Генуя и Женева. Эти два названия близнецы. Они восходят к кельтскому нарицательному *gena* «устье». Через Геную, крупнейший порт Италии, протекает небольшая река Бизаньо, впадающая в Лигурийский залив Тирренского моря. Женева в Швейцарии расположена на берегу Женевского озера в месте выхода озерных вод в реку Рона, которая через Францию устремляется к Средиземному морю. Оба эти города и Генуя и Женева очень древние, их именам более двух тысяч лет. С кельтским *gena* связано латинское *janiua* «дверь» и *janiua maris* «морской пролив», буквально «дверь моря».

Устье реки для корабля — это вход из моря, озера в реку, из большой реки в малую. Устье реки — это и выход в море, озеро, из малой реки в большую.

Анатолий Виноградов, в романе «Осуждение Паганини», очень интересно и своеобразно осмыслил имя города Генуя:

«Имена городов не случайны. Так и город Паганини, осужденного на гениальность и проклятого за талант, носит не случайно название Генуя. В средние века этот город назывался Janua. Латинское слово janua значит дверь. Не только такая створчатая дверь, которая ходит на петлях, а дверь в смысле порога и выхода, отделяющего весь открытый поднебесный мир от замкнутого жилища человека. Janua — это не только дверь — это выход в новый день, порог к завтрашнему от вчерашнего, это взор, вперенный в будущее, и оглядка на прошлое.

Janua — римский бог, охраняющий пороги домов — входы в города, какое-то воплощение геометрической химеры, определяющей черту между прошлым и будущим, там, где настоящее становится тоньше тени от паутины.

Этот римский бог нашел олицетворение в виде двуликого существа. Одно лицо смотрит вперед, другое — назад, хотя они являются частями одной и той же головы.

Первый месяц года называется Януарий. Он запирает собою последние мгновения старого года, когда в зимнюю стужу, в вихрь и вьюгу уже слышались голоса наступающей весны (...). Из Генуи вышел человек, пожелавший запереть двери старого мира и открыть выход в Новый свет. В Генуе родился Колумб».

Янус — бог времени, начала начал, отпирающий и запирающий ворота. По утрам открывал путь солнцу, по вечерам закрывал — наступала ночь. Этого бога изображали со связкой ключей в руке. У многих народов мира название первого месяца года *январь* также связано с его именем.

Латинское *porta* «ворота, дверь, вход, выход, проход»; *portal* «ущелье, теснина»; *portus* «устье, порт, гавань». Совпадение этих понятий в одном из древних языков закономерно и подтверждается, как было показано, фактами из топонимии многих стран. И становится понятным, что старинное название монархической Турции «Высокая Порта» в древнерусских источниках калькировано как Врата. Известные французские *porte* «дверь, вход, путь, горный проход» и *port* «порт», в том же ряду английское *port* «порт, гавань», устаревшее шотландское *port* «ворота», испанское *puerto* «порт, перевал, проход», португальское *porto* «порт» и *portela* «перевал», итальянские *porta* «дверь» и *porto* «перевал, гавань, порт», румынское *port* «порт, гавань, пристань» и *poartă* «ворота». Приведенные лексические параллели четко указывают на универсаль-

ность сопряжений значений: «вход, дверь, ворота, проход, персвал, гавань, порт», что и отразилось в географической номенклатуре.

Десятки приморских городов носят названия, составленные с участием этих слов: Порт-Артур, Порт-Виктория, Портленд, Порт-Ройал, Портсмут, Пуэрто-Кордова, Пуэрто-Рико, Порт-Саид, Порт-Луи, Порт-о-Пренс, Порт-оф-Спейн. Конечно в этих новообразованиях слово *port* следует понимать в современном значении «порт, гавань».

*

Неравнодушный свидетель не может не восхищаться зоркостью народа — многоликого автора, создателя таких образных географических терминов и собственных географических имен, простых и в то же время наглядно выявляющих основной, бросающийся в глаза признак называемого объекта. Но можно задуматься над вопросом — какой признак положен в основу поэтической номинации двух скал Монах и Дива, окаймляющих небольшую морскую бухту у крымского курорта Симеиз.

Вертикально стоящий стройный Монах рухнул во время землетрясения 1927 года. Массивная Дива продолжает привлекать туристов, поднимающихся на ее вершину, откуда открывается панорама крымского побережья. Какие ассоциации возникли у тех, кто присвоил скалам такие необычные имена?

Легенда рассказывает, как девушка, покинутая любимым, хотела броситься со скалы в морскую пучину, но была вовремя спасена монахом, наступившим на ее густые длинные волосы. С тех пор скалу эту стали называть Дива. Но это легенда и только. В действительности скала Дива называлась Дзивакая или Дживакая, где окончание *кая* переводится с татарского «скала», а непонятное Дзива/Джива превратилось в знакомое Дива.

Монахом народ называет фигуру вывстривания в виде одинокого столба, сложенного твердыми породами, обладающими стойкостью при разрушении. Греческое *монахос* «одинокий». Симеизский Монах столбом возвышался у подножия Дивы. Напомню параллели: одинокая скала Холостяк на реке Чусовой, Жетимтау «гора сирота» в Казахском мелкосопочнике и в пустыне Кызылкум (встречается дважды), Жетимшоки «вершина сирота» в Калбинском хребте в юго-западной части Алтая. И опять точный образ.

Как живы легенды в топонимии — показывает поверье о мудром библейском царе Соломоне, который время от времени спасался от мирской суеты на вершинах гор, где проводил «отпуск» со своей любимой женой. Жен у него было много и соломоновых гор ока-

залось немало. Близ зеленого киргизского города Ош высится гора Тахти-Сулейман «Трон Соломона». На ее вершине якобы сохранились даже ямки от мест коленопреклонения во время молитвы царя. В Пакистане и Иране протянулись Сулеймановы горы, а в Малых Гималаях тоже есть гора Трон Соломона.

Н. К. Рерих во время своего известного путешествия из Индии до Алтая побывал в Тибете, Китае, Монголии. Его везде интересовали местные географические имена, которые «сплошь и рядом выдвигают эпигмы [задачи, загадки.— Э. М.] неразрешимые. Конечно, если люди не знают, как сложилось название их дедовского поместья, то насколько же невозможно уловить тысячелетние причины» (Рерих Н. К. Российские повести и рассказы).

В своей книге «Алтай-Гималаи» Н. К. Рерих восхищается поэтичностью географических названий. В Сиккиме имена четырех буддийских монастырей Дубди, Санга Челлинг, Далинг, Робинлинг раскрываются в переводе «место размышления», «остров тайного учения», «остров молний», «остров счастливого устремления». Заметим одинаковое окончание в трех из приведенных названий *линг* «остров». В данном случае «остров» надо понимать как уединенное урочище, отдельная горная вершина. Известно, что буддийские монастыри строились на горах, на возвышениях. Классический пример — многоэтажный дворец далай-ламы Потала в Лхасе. Об алтайских топонимах художник писал: «Эти имена речек, урочищ и городищ как напевный лад, как созвучный звон. Сколько народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаг племен. Ушли и приходят» (Рерих Н. К. Алтай—Гималаи).

Гималаи, Сьерра-Невада, Шнекопп, Дхаулагири (Давалагири), Белуха, Цастуул, Монблан, Карлыктаг, Сюшань, Кухе-Берфи, Сноун-Маунтин, Туйтынг-Нёр, Сафедкух, Актаг. В этом перечне названия гор, хребтов в разных странах восходят к разным языкам. Почему же они перечислены рядом, что их объединяет? А то, что здесь в основу номинации положен один признак наличия вечного снега на вершинах, их снежная близна: Гималаи «жилище, местообитание снегов» (санскрит), Сьерра-Невада «снежная цепь гор» (испанский язык), Шнекопп «снежная вершина» (немецкий), Дхаулагири «белая гора» (санскрит), Белуха (русский), Цастуул «снежная гора» (монгольский), Монблан «гора белая» (французский), Карлыктаг «снежная гора» (тюркские языки), Сюшань «снежная гора» (китайский), Кухе-Берфи «снежная гора» (персидский), Сноун-Маунтин «снежная гора» (английский), Туйтынг-Нёр «снежная гора, снежный камень» (манси), Сафедкух «белая гора» (таджикский), Актаг «белая гора» (тюркские). В России аналогичные названия: горы Снежка, Снежная, Снежная Глыба, Снежник, Снежный хребет.

Образ, характеризующий какие-либо особенности реки, речки, легко выявляется в гидронимах: Глушица, Глушонка, Гремиха, Гремяча, Гремячка, Быструха, Быстрица, Шумиха, Шумок. Некоторые из них по форме отличаются только суффиксальным окончанием, но практически несут одну и ту же информацию: Гремиха, Грем-яча, Грем-ячка; Быстр-уха, Быстр-ица; Глуш-ица, Глушонка; Шум-иха, Шум-ок. Все эти гидронимы как будто не нуждаются в комментариях. И все же замечу, что частые названия рек Быстрица в славянских странах нередко указывают не только на большую скорость течения потока, но и на чистоту, прозрачность ее воды. Такое совпадение легко объяснимо: быстрое течение воды, когда она не застаивается, в нормальных условиях, если в реку не сбрасываются техногенные отходы, предопределяет ее чистоту. Сравним сербскохорватское *бистар* «ясный, прозрачный, чистый, жидкий», болгарское *бистър* «прозрачный, чистый, светлый, ясный», украинское диалектное *бистра* «быстрый поток, стремительное течение», *бистра погода* «ясная солнечная погода». Значение гидронима Шумиха ясное. Однако интересно, что в болгарском языке шум «водопад», шума «лес, листва», в древнечешском *šuma* и в сербскохорватском шума «лес». Все эти определения восходят к глаголу шуметь: шумит вода, шумит водопад, шумит лес, листва деревьев.

О «звучащих» топонимах: говорящих, кричащих, откликающихся в горах, скалах, реках, озерах и других объектах читаем у уральского топонимиста А. К. Матвеева: «Физико-географическим субстратом для всех названий такого рода является наличие шума или способность создавать эхо. Бесчисленные речки с названиями Шумиха или Гремуха могут быть отнесены в этом случае к числу топонимов, прямо характеризующих объект. Нередки и образные, возникающие на основе олицетворения: речка Говоруха, скала Говорливый Камень, гребень Откликной, казахское Айгайтас „кричащий камень“ (название скалы), мансийское Рохн-Эква-Ахвтаc „камень кричащей старухи“» (Матвеев А. К. Образное народное видение и проблемы ономастической и этимологической интерпретации топонимов//Вопросы ономастики. Вып. 12. Свердловск, 1977).

Очень интересен топонимический ряд, в основе которого славянское слово *борзина* — быстрое течение, стремительный поток. Украинское *борзина* «быстрое течение, порог, перекат на реке». Белорусское *бордзо*, украинское *борзо*, сербскохорватское *брзо*, болгарское *бърже* «скоро, быстро» и *бърз* «быстрый, «быстрина». Русские говорят *борзый копь* и *борзая* (порода собак, умеющая бегать

быстрее других). И вот по признаку стремительного потока многие реки России, Украины, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Польши, Румынии имеют названия Борзна, Борзенка, Бръзина, Брзина, Брзая, Брзак, Бырза, Бырса. Есть в литературе этимологическая версия, объясняющая гидронимы Березина, Березайка, Березна, Березовый, Березовка, восходящие к балто-славянскому *bързь* — *burzdus*, а позже втянутые в ряд со словом *береза*. Эта же основа *борз* — оказалась в греческом названии Днестра — Борисфен (Откупщиков Ю. В. Из древней гидронимики (реки Березина, Борисфен) // *Akta linguistica*. Т. 24. № 1—4. Будапешт, 1974).

*

Известно немалое количество географических названий, возникших по признаку наличия месторождений полезных ископаемых. Такие топонимы повсеместны. Нет смысла приводить их в пространных списках. Укажу только несколько примеров: Угледгорск, Железногорск, Медногорск, Небит-Даг, Нефтебад, Гаурдак (от тюркских слов *кукурт* «сера» и *даг* «гора»), Маднеули (от грузинского *мадани* «медь») и т. д. В Свердловской области станция Мраморская, в Читинской области Шерловая Гора (от *шерл* — железистый турмалин). Гидронимы Юрункаш и Каракаш отражают месторождения полудрагоценного камня нефрита. Верховье рек Каракаш и Юрункаш лежат в высоких горах Куньлуня, а ниже, на подножной равнине они сливаются, образуя реку Хотан. Река Хотан получила свое название по городу и оазису Хотан.

В горах Куньлуня издавна добывали любимый на Востоке камень. Китайцы его называют *юй*, уйгуры — *каш*, монголы — *хаш*, персы — *йашм*. Как не вспомнить наше слово *яшма*! Ведь еще в XVII веке не видели разницы между яшмой и нефритом.

Как горы Бадахшана славились лазуритом (ляпис-лазурью), так горы Куньлуня в бассейне Хотана — нефритом. Поэт камня Александр Евгеньевич Ферсман много хороших слов посвятил нефриту, который часто встречается в легендах и сказаниях у народов Востока. Разноцветный, неяркий, без блеска кристаллов, чем же он покорила людей? «На заре зарождения культуры, в самых различных ее центрах у различных народов нефрит вместе с кремнем сделался первым орудием борьбы за жизнь (...) Постепенно с развитием культуры нефрит из материала грубых орудий доисторического человека становится художественным материалом» (Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах). Нефрит олицетворял человеческие добродетели. В Китае его дарили в знак уважения, любви и благопожеланий. Считалось, что этот минерал приносит счастье, спасает от разных недугов, особенно помогает излечивать болезни

почек (сравним: греческое *нефрос* «почка», откуда *нефрит* «воспаление почек»).

При такой славе самоцвет не мог не оставить следа в топонимии.

Вспомним: оазис Хотан орошается реками Юрункаш и Каракаш. В обоих гидронимах *каш* «нефрит». В полном переводе они называются: «(река) белого (светлого) нефрита» и «(река) черного нефрита». Каждое лето они широко разливаются, несут много камня с вершин Куьлуны. Но проходит большая вода, обнажаются галечные поймы, тогда среди камней можно увидеть священный каш. Однако простой народ не сразу допускался к его поиску. По древнему обычаю, к берегам Юрункаша подходила торжественная процессия во главе с властелином Хотана, великим ханом. Он первым должен был видеть дары гор. Хан смотрел на зелень деревьев. От листьев исходил мягкий неяркий свет серебра. Этот добрый знак говорил о том, что летняя вода принесла много нефрита, по красоте подобного молодой девушке. Повелитель отбирал лучшие камни. Только после этого его подданные могли среди миллионов обломков увидеть желанный самоцвет.

Из года в год реки все меньше и меньше приносят нефрита. Истощаются его запасы. Но и сегодня не умерло мастерство камнерезов в прикуьлуньских городах Центральной Азии.

Окончание следует

ВЕС И УДЕЛЬНЫЙ ВЕС

С. В. ТАРАКАНОВА

Всем известны физические термины *вес* и *удельный вес*. Но их употребление давно перестало быть узкоспециальным и получило широкое распространение в русском языке.

Первоначально представление человека о весе было тесно связано с понятием тяжести: *большая* или *меньшая* тяжесть. Долгое время эти понятия и соответствующие им слова не различались. Поэтому в трудах по физике, относящихся к началу XVIII века, для обозначения веса тела и его измерения одновременно использовались *вес* и *тяжесть*, а также различные варианты последнего: *тяжелость*, *тяжелина*, *тягость*, *тягота*. В современном языке они воспринимаются как устаревшие. Так, нам сейчас не совсем понятна простая задача из Арифметики Л. М. Магницкого, учебника, по которому учился еще Ломоносов: «Некогда случится два ядра, величеством равныя, из них же едино золотое ведомо быше весом; другое же сребренное, его же величество равно, тягость же неизвестна» (Арифметика, сиречь наука числительная... М., 1703).

С развитием науки понятия «вес» и «тяжесть» отделяются друг от друга. Неслучайно уже в конце XVIII века академик Г. В. Крафт подчеркивал в своей известной «Физике»: «Не должно смешивать силы самые тяжести с весом тела. Сама тяжесть {...} одинакова для всех тел, сколь бы они количеством вещества не различествовали. Вес же тел происходит от числа вещественных частей тела составляющих, из коих каждая по себе тяжела» (Начертание открытого прохождения опытная физики. СПб, 1779).

Но разграничение этих понятий в физике не сразу повлекло за собой перемены в языке. Русская физическая терминология еще только зарождалась. Активно шел поиск новых обозначений для

уже определившихся понятий, большое влияние на которые оказывало наличие различных физических школ, терминов из смежных наук и переводной литературы (подробнее см.: Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России. М.—Л. 1966).

Поэтому под действием столь разнообразных факторов понятие «вес» получило не одно название, а целую цепочку языковых обозначений-аналогов: *вес, вага, тяжесть, тяжесть, тяжелина, тягота*. Затем различные варианты слова *тяжесть* выходят из употребления, а позднее и оно само уступает место *весу*, так как словом *тяжесть* также обозначались понятия «сила тяжести на земле» и «тяготение». *Вес* и *тяжесть* окончательно оформляются как разные термины в науке, образуя свои языковые связи и зависимости. Хотя в быту до сих пор слова *вес* и *тяжесть* особенно не различаются в употреблении и могут подменять друг друга. С обозначением понятий, относящихся к измерению тяжести, связано наличие у слова *вес* значений: «вымеренная тяжесть», «разновес», «гиря». Большое распространение получила форма множественного числа *вёсы* (умньш. *вёски*), которая стала служить названием измерительного прибора — *весы*. *Вес* обозначает также имя действия по глаголу *весить* (в значении «взвешивать»).

Однако не только благодаря этим значениям слово *вес* стало таким привычным и распространенным в быту и даже художественной литературе. Этому способствовало то, что у него имелось и переносное значение «мера чего-либо», встречающееся уже в памятниках XVI века: «Не(с) веса доброте сго» (Григория Богослова 16 слов с толкованием Никиты Ираклийского. ГИМ). В литературных памятниках конца XVIII века у *веса* появилось и другое переносное значение «влияние, значение, положение в обществе». Так, в комедии В. И. Лукина «Щепетильник» читаем: «Он [Щепетильник] со всякого лукавца снимает личину и всякого по весу осмеивает».

Переносное значение у слова *вес* развивается и в сочетании с глаголами *давать, получать, иметь* и некоторыми другими. Примеры употребления таких сочетаний можно встретить в различных по жанру художественных текстах. Например, у Н. М. Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «Он говорит тихо и внятно; дает вес словам, но не излишней» (М., 1797—1801); «Написано дружеское письмо к Графу Алексею и Федору Григорьевичам Орловым: не примут ли будущую весною команды над флотом в Архипелаге; ибо одно их имя прибавит вес и меру морского вооружения» (Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1892). Попадают подобные сочетания и в переводах того времени: «Государственные люди, удерживаемые течением дел, мало имеют времени к размышлению,

чтобы обстоятельство, по-видимому, ничего не значащее, привести в связь с другим, которое от того получает свой вес» (Политический журнал, с показанием ученых и других людей, изданный в Гамбурге обществом ученых мужей. Пер. с нем. М., 1793).

Позднее появились сочетания *человек с весом*, *человек с большим весом*, *со значительным весом* и др. Они стали активно использоваться как в книжной, так и в разговорной речи. Уже в Словаре В. И. Даля приводится: «*Человек с весом*, с голосом, силою, влиянием на других».

Переносное значение настолько прочно закрепилось за словом *вес*, что сохранилось без изменений и в наши дни. Это подтверждают данные современных словарей. Например, Словарь русского языка в 4-х томах: «*перен.* Значение, влияние в обществе, в какой-л. среде; авторитет (...) *Литвинов попал на пикник молодых генералов, особ высшего общества и с значительным весом.* Тургенев, Дым» (М., 1981).

*

Со словом *вес* связано еще одно сочетание *удельный вес*, хотя наличие прилагательного *удельный* предполагает связь не только с *весом*. Вспомним расхожую фразу о том, что килограмм свинца весит больше килограмма пуха. Это значит, что речь идет не о весе свинца и пуха, а об их объеме. Чтобы выразить эту мысль яснее, в физике используют термин *удельный вес*, обозначающий отношение веса тела к его объему. В наши дни употребление данного термина в специальной литературе ни у кого не вызывает сомнений. Удельный вес численно равен плотности, поэтому в физике его активно заменяют термином *плотность*, хотя в различных технических справочниках по-прежнему фигурирует *удельный вес*.

Но в эпоху формирования русской физической терминологии это сочетание вызвало много споров. Само понятие «удельный вес» (лат. *gravitas specifica* — «специфичная тяжесть, тягость») возникло не сразу. Первые упоминания об удельном весе как отношении веса любого вещества к весу какого-либо вещества-стандарта в таком же объеме относятся к началу XVIII века. Первоначально понятие об удельном весе обозначалось традиционными терминами *вес* — *тяжесть* (и его вариантами), затем появились более конкретные названия: *пропорция тяжести*, *сравнительная тяжесть*, *пропорциональная тягость*, *уравнительный вес*. Все они были вытеснены сочетанием *удельный вес*.

Ряд ученых создания этого термина связывают с именем Ломоносова. Другие считают, что термин *удельный вес* появился позднее, а Ломоносов один из первых, кто употребил его. Так или

иначе, но закрепился он в науке лишь много лет спустя. Даже в первой половине XIX века, когда понятие «удельный вес» окончательно сформировалось в физике, велись споры о том, какой термин лучше употреблять. Так, в некоторых специальных трудах предлагалось использовать составное наименование *удельная тяжесть*, но оно было признано неудачным, потому что *тяжесть* осложнялось другими значениями.

После этого сочетание *удельный вес* было окончательно признано в научных трудах. В таком словесном оформлении оно было зафиксировано в 1847 году Словарем церковнославянского языка с пометой «физ.», там же и отмечается одно из значений прилагательного *удельный* «5) то же, что и относительный или уравнильный». *Удельный вес. Удельный теплотвор.*

Не успев закрепиться как термин, *удельный вес* выходит за пределы научного употребления, приобретая переносный смысл. Образно-переносное значение данного сочетания можно встретить уже с 30-х годов XIX века (Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX в. М.—Л., 1965).

Так, в сочинениях А. А. Бестужева-Марлинского находим необычный, написанный в шутиливой манере пример употребления *удельного веса*, значение которого можно объяснить как «определенная доля, количество»: «Определить удельный вес оригинальных, подражательных поддельных и просто выкраденных мыслей, описаний, и проч., так, чтобы читатель, погрузив данное сочинение в известную жидкость, как Архимед корону Дионисия, мог с одного взгляда узнать, к которому разряду принадлежит оно в целости или по частям?» (Полное собрание сочинений. СПб., 1838). Затем в дневниковых записях А. И. Герцена встречается интересующее нас сочетание в значении «относительная ценность, значимость в обществе»: «Господи, как рядит себя в герои человек, сидя в кабинете, и вот как герой втолкнул в жизнь, кругом все кипит, несется, страсти раздуваются, как паяльной трубкой, и он остается при своем удельном весе» (Собрание сочинений в 30 тт. Т. 2. М., 1954). У того же Герцена в повести «Кто виноват?», написанной позже, *удельный вес* употреблен в значении «авторитет, определенная значимость»: «Университет довершил воспитание Бельтова: доселе он был один, теперь попал в шумную семью товарищества. Здесь он узнал свой удельный вес, здесь он встретил горячую симпатию юных друзей, раскрытый ко всему прекрасному, стал усердно заниматься науками» (Т. 4. 1955).

Следует заметить, что развитие переносного значения у терминологического сочетания *удельный вес* произошло неслучайно. В литературных направлениях 30-х годов XIX века намечались изме-

нения, связанные с обновлением и оживлением книжного языка, с расширением его границ. Различные термины начинают использоваться в публицистике и художественной литературе в переносном значении, получая при этом новое образное осмысление и теряя свое первоначальное узкоспециальное. Вначале такое употребление терминов было характерно лишь для отдельных писателей, стремящихся к новой манере словесного выражения (Бестужев-Марлинский, Герцен и др.) Затем, получив поддержку в читательских кругах, это начинание постепенно превращается в языковой стандарт, обычный способ речевого высказывания, а образно-переносное употребление терминов приобретает устойчивость и постоянство (см. подробнее: Сорокин Ю. С. Указ. соч.).

Таким образом вместе с другими многочисленными терминами в общелитературный язык попало и сочетание *удельный вес*. В конце XIX века авторы свободно используют термины различных наук, в том числе и *удельный вес* в необычном для них художественном контексте. Так, в произведениях Д. Н. Мамин-Сибиряка встречается употребление сочетания как в прямом, так и в переносном значении: «Последовательно продолжая отмучивать глину и выбирать крупный песок, он [Кишкин] встряхивал ковш, чтобы крупинки золота в силу своего удельного веса, осаждались на дно, вместе с черным песочком...»; «Очень милый и простой человек, хотя удельный вес у него под сомнением» (Собр. соч. в 8 тт. Т. 6, 8. М., 1955). В последнем примере *удельный вес* употреблено в значении «репутация, авторитет».

В современном русском языке сочетание *удельный вес* продолжает функционировать в своем прямом значении, как термин. Тем не менее более употребительно его «расширительное», образно-переносное значение: относительное значение, количество, роль, место в хозяйстве, обществе; общественная значимость, ценность чего-либо.

История развития в языке слова *вес* и сочетания *удельный вес* во многом сходна, разница заключается в том, что слово *вес* получило более широкое распространение и в прямом, и в переносном значении, а *удельный вес* как термин практически не используется (вместо него употребляется *плотность*) и как фразеологизм теряет свое, конкретное переносное значение, приобретая более общее значение слова *вес*.

Коломна

СРЕДНЕЕ СОСЛОВИЕ

А. И. ШУСТОВ

Слово *буржуа* — французского происхождения: *bourgeois*, где оно первоначально означало «горожанин». От *bourg* — местечко, пригород, город, — восходящего через средне-латинск. *burgus* к древне-германск. *Burg* (ср.-немеск. *Bürger* — бюргер). Ближайшим синонимом *bourgeois* долгое время было слово *citouen* (городской обитатель, мещанин), которое в эпоху Великой революции обрело новое политическое значение — «гражданин». С эпохи средневековья (XI в.) словом *bourgeois* во Франции называли представителей «среднего сословия», т. е. не дворян и не крестьян. Вспомним пьесу Мольера «*Le Bourgeois gentilhomme*» — «Буржуа-дворянин» («Мещанин во дворянстве»). Несколько позже, чем *буржуа*, (в XIII в.) появилось существительное *буржуазия* (*bourgeoisie*) как собирательное название нового сословия. Во Франции в XIII—XIV вв. была в обращении монета *буржуа[за]*, название которой определялось надписью на одной из ее сторон: «*Burgensis novus*». «Энциклопедический лексикон» А. А. Плюшара, сообщивший эти сведения своим читателям в 1836 году, пояснял: «Слово *Burgensis* на низком латинском языке значит „мещанин“».

Именно так — *мещанами* — и называл французских буржуа Д. И. Фонвизин, посетивший Францию в начале 1780-х годов. Несколько позже у П. А. Вяземского читаем: «Богатство, устройство германское имеет также свою цену, но все это мещанское, *c'est la tragédie bourgeoise* [это — буржуазная трагедия. — А. Ш.] в сравнении с греческою царскою трагедиею» (Записные книжки. М., 1963. С. 251).

У русского языка долгое время не было достаточных оснований для заимствования этих французских слов. «Третье податное сословие» появилось в России в последней четверти XVIII века, хотя Дидро еще в начале 1770-х годов убеждал Екатерину II о введении его. Русских для названия ремесленников, мелких домовладельцев и прочих «горожан» вполне устраивало слово *мещанин*, заимствованное еще в XIV веке из польского языка (польск. *mieszczanin* —

калька уже знакомого нам немецк. Bürger) и означающее вначале — «горожанин». Великий Пушкин гордился тем, что он «просто русский мещанин».

Русские люди, владевшие французским, естественно, употребляли слово bourgeois, не говоря уже о том, что многим в России была хорошо известна пьеса Мольера. Однако французские заимствования слов буржуа и буржуазия в русском языке носили в конце XVIII века единичный характер и использовались они скорее «для экзотики». «Мы (...) взяли прибежище в домах, что называется буржуазии» (1775; Словарь русского языка XVIII в.); «Пришед она к купцу, сказала: «Буржуа!/Пожалуй, покажи мне ленты мерд д'уа» (Лабзин. Французская лавка; 1782); «En bourgeois меня он начал трактовать...» (Княжнин. Исповедание жеманихи; 1783).

А. Ф. Лабзин (просветитель, друг Н. И. Новикова) — один из первых русских авторов, кто передал слово буржуа кириллицей (мерд д'уа = франц.: сероватый цвет), а Я. Б. Княжнин, как видим, и этого не сделал (en bourgeois = как буржуа, как мещанин).

Французская революция 1789 года, которая по существу являлась буржуазной, антидворянской, всколыхнула общественность всей Европы. Буржуа, буржуазия, буржуазный... стали распространенными терминами и в короткий срок пересекли границы Франции, став интернациональными. Достигли они и России. Русский посол И. М. Симолин, регулярно сообщая Екатерине II о развитии событий в Париже, также употреблял эти термины (см. Лит. наследство. Т. 29—30. М., 1937). А в кратких газетных заметках в Петербурге, касающихся вестей из Франции, использовался привычный русский эквивалент: «Французские гвардии и некоторые другие войска, отложась от Государя, вступили в службу Мещанства (...) нужные к тому деньги даны Мещанством» (С.-Петербургские ведомости. 1789. 7 авг. [курсив мой.— А. Ш.]).

Именно конц XVIII века, точнее 1790-е годы, — время проникновения в русский язык этих французских терминов, но еще не освоения их.

Разбирая в 1844 году только что вышедший на русском языке роман Э. Сю «Парижские тайны», В. Г. Белинский отмечал, что в революцию 1830 года «рабочий класс в Париже был искусно приведен в волнение партией среднего сословия (bourgeoisie)» (Собр. соч. Т. 7. М., 1981. С. 63); «Изображая французский народ в своем романе, Эжен Сю смотрит на него, как истинный мещанин (bourgeois)» (Там же. С. 65). Как видим, несмотря на историко-географический аспект, Белинский пока (!) избегает введения в русский язык «ненужных» слов.

Класс буржуазии вновь заявил о себе во Франции в связи с новой революционной ситуацией, приведшей к свержению монар-

хии и образованию Второй Республики (1848 г.). В эти годы в предреволюционном Париже побывал А. И. Герцен, который первым из русских публицистов дал обстоятельный политический анализ буржуазии как класса. В его письмах звучит разочарование: «Буржуазия разом отсклалась от всего либерального (...). Она прямо и открыто стала за монополию, за премию [прибыль.— А. Ш.], которую она вырывает из рук работника капиталом»; «Буржуазия явилась на сцене самым блестящим образом в лице хитрого, увертливого, шипучего, как шампанское, цирюльника и дворецкого, словом, в лице Фигаро; а теперь она на сцене в виде чувствительного фабриканта»; «Надежда у буржуазии одна — несуществование масс» (Соч. Т. 3. М., 1956. С. 66; 34; 67). Для Герцена в языковом (да и в социальном) отношении *буржуа* и *мещанин* равнозначны: «Добрые буржуа читают ее [Ж. Санд.— А. Ш.] романы со скрежетом зубов и запрещают их брать в руки своим мещаночкам» (Там же. С. 34—35).

«Письма» Герцена были опубликованы в «Современнике» в 1847 году и вызвали немало откликов. Дискуссия на журнальных страницах, естественно, способствовала закреплению новых слов. Герцен, кстати, считал, что «буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности» (Там же. С. 35); «У нас это сословие не так на виду» (Там же. С. 34). А В. П. Боткин, прочтя это, восклицал: «Дай Бог, чтобы у нас была буржуазия» (Там же. С. 524).

Чуть позже в Париже побывал и Белинский. Он был неудовлетворен резкой трактовкой Герцена и в письме Боткину (декабрь 1847) справедливо отметил, что «слово *bourgeoisie* не совсем определенно по его многозначности и эластичной растяжимости». По мнению Белинского, буржуа — это «и огромные капиталисты (...) и всякие другие капиталисты и собственники (...), и, наконец, люди вовсе ничего не имеющие, т. е. стоящие за цензом. Кто же не буржуа?— Разве *ouvrier* [работник.— А. Ш.], ордающий собственным потом чужое поле. Все теперешние враги буржуазии [Белинский использует русский вариант франц. написания *bourgeoisie*.— А. Ш.] и защитники народа так же не принадлежат к народу и так же принадлежат к буржуазии, как и Робеспьер и Сен-Жюст». Белинский считает, что «буржуазия явление не случайное, а вызванное историей, что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги»; однако «буржуазия в борьбе и буржуазия торжествующая — не одна и та же»; «не на буржуазии вообще, а на больших капиталистов надо нападать, как на чуму и холеру современной Франции» (Собр. соч. Т. 9. М., 1982. С. 697).

Французская революция 1848 года привела к окончательной победе буржуазии: «Аристократия уничтожена в пользу среднего состояния (*bourgeoisie*), говорят новейшие историки», — писал в январе 1848 года В. А. Жуковский, не признававший неологизма-галлицизма, своему воспитаннику, наследнику русского престола, будущему Александру II.

Тогда же, в 1848 году, вышел в свет «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, первая глава которого называлась «Буржуа и пролетарии». И хотя русский перевод «Манифеста» появился значительно позже, именно середину XIX века следует считать тем историческим водоразделом, когда начали расходиться синонимические значения слов *буржуа* и *мещанин*. Первое все чаще стало приобретать дошедшее до наших дней политическое терминологическое значение.

В «Параллельном словаре языков русского, французского, немецкого и английского» (1844) Ф. Рейфа, выдержавшем несколько изданий, слов *буржуа* и *буржуазия* нет. Французскому *bourgeois* (нем. *Bürger*, англ. *burgess*) у Рейфа соответствует русское *гражданин* (*горожанин*), а *bourgeoisie* — *гражданство*, *гражданственность*. В Словаре В. И. Даля *буржуа* нет, а *буржуазия* привычно поясняется как «мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, граждане, обыватели, торговый и ремесленный люд». В общем, пока это еще иностранное слово с достаточно узкой сферой употребления.

Впрочем, в те времена и во Франции это слово не всегда имело «капиталистический» оттенок. В одной из своих статей В. В. Набоков писал: «Понятие „буржуа“ я использую во флоберовском, не марксистском смысле. У Флобера буржуазность — тип сознания, а не состояние кармана. Буржуа — это самодовольный филистер, исполненный чувством собственной значительности мещанин» (цит. по: Русское литературное зарубежье. Вып. 1. М., 1991. С. 238).

Хотя Белинский и подчеркивал политико-экономико-социальную широту понятия *буржуа*, но уже в середине XIX века в массовом сознании отложился лишь один его признак — зажиточность, материальное благополучие, поскольку к этому времени буржуазия с развитием капиталистических отношений в разных странах стала эксплуататором трудящихся.

Вскоре в русском языке появляется и просторечная форма — *буржуй*, которая зафиксирована, в частности, у И. С. Тургенева: «Первый по Москве алтынник. Буржуй — одно слово!» (Новь; 1877). Так революционеры-народники характеризуют купца-фабриканта. А несколько позже родился и вариант женского рода — *буржуйка*. В годы гражданской войны в России в разговорной речи это название было перенесено на неодушевленный предмет: «По-

четное место в маленькой гостиной занимала маленькая, но прожорливая жестяная печурка-самоделка, примкнувшая своей трубой к старой солидной „голландке“. Такие печурки (...) почему-то стали называть „буржуйками“, хотя по сравнению с добротными надежными энергоскими кирпичными печами их правильнее было бы называть „нищенками“» (С.-Петербургские ведомости. 1991. 23 ноября).

В дореволюционной России буржуазии как класса в западном понимании практически не было. После Февральской революции социалистическая пропаганда причислила к буржуазии всех, кто не относился к классу рабочих и крестьян, в том числе — представителей интеллигенции (юристов, врачей, педагогов) и даже военных. Народным массам разъяснялось: «Буржуа отличается от гражданина и составляет средний класс, противоположность дворянству, крестьянам, рабочим пролетариям. Буржуазия — гражданство как сословие, всех владеющих собственностью» (Политич. словарь. Пг., 1917). Все эти «владельцы собственности» рано или поздно провозглашались врагами трудового народа, им не доверяли, им объявлялась гражданская война. Об этом метко сказал М. А. Волошин в поэме «Россия»:

До Мартобря (его предвидел Гоголь!)
В России не было ни буржуа,
Ни классового пролетариата... (...)
Один поверил в то, что он буржуй,
Другой себя признал, как пролетарий,
И началась кровавая игра...

Словом «Мартобря» (из гоголевских «Записок сумасшедшего») Волошин «объединил» две русских революции 1917 года: Февральскую (12 марта н. ст.) и Октябрьскую.

Буржуй стал собирательным и нарицательным названием всех врагов революции. Для его уничтожения использовались любые краски:

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос. (...)
Стоит буржуй, как нес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос. (...)
Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем...

Блок. Двенадцать.

Широко известна частушка В. В. Маяковского, написанная им накануне Октябрьской революции:

Ешь анапасы и рябчиков жуй!
День твой последний приходит, буржуй!

У Маяковского, пожалуй, чаще, чем у других авторов, встре-

чаются строки, посвященные буржуям. В революционно-поэтическом задоре он даже считал, что все буржуи будут уничтожены к четвертой годовщине Октября:

Надо,
чтобы в день празднования четвертого
Советская Россия
не смущала буржуя мертвого.

«Когда победили в России рабочие...»

В первые месяцы социалистической революции возникли и кратковременные, не принятые языком, русифицированные неологизмы. Так, З. Н. Гиппиус записала в дневнике (26 апреля. 1918): свергнутые классы готовы бороться против большевиков, в т. ч. «каждый крупный буржуй — за восстановление собственного *буржуизма*» (курсив мой.— А. Ш.). По модели слова *пролетариат* сатирический журнал «Бич» (1917) предложил взамен *буржуазии* свой вариант: «Присажайте душить местный *буржуазияит*» (цит. по: Русский рубеж. 1991. № 8. С. 22; курсив мой.— А. Ш.). Интересны в языковом отношении и более поздние окказионализмы из сказки А. Гайдара о Мальчише-Кибальчише: *буржуи*, *буржуинство*, *буржуинский*, *буржуище*.

Не за три-четыре года, как предсказывал Маяковский, но все же большевикам удалось, как они считали, «вывести» буржуазию в СССР. Значения слов *буржуа* и *мещанин* разошлись окончательно. *Мещанин* — это просто обыватель, ограниченный человек, филлистер, а *буржуа* — представитель класса капиталистов (!), т. е. собственник, богатейший за счет эксплуатации наемного труда (Политический словарь. М., 1940).

Но как показала жизнь, буржуазия в СССР не исчезла. Просто она приобрела иные, социалистические, формы и черты. «Советскими буржуями» (*совбурами*) и «коммунистическими буржуями» (*комбурами*) стали называть у нас различных «начальников», номенклатурных работников и т. п., пользующихся материальными льготами и действительно враждебных трудовой массе населения. Они вполне подходили под поэтические и художественные карикатуры раннебольшевистского периода нашей истории, потому что появились на свет давно, еще во времена изла. Многие были выходцами из «низов», на словах они горячо поддерживали коммунистическую платформу, а на деле являлись наследниками худших традиций дореволюционных буржуа-мещан. Вот одно из свидетельств современника, относящееся к 1921 году: «Бедные люди, они больше не умеют держать себя просто и естественно, они все время с напряжением стараются сыграть роль буржуев и изо всех сил подделываются под них» (Ленингр. правда. 1991. 13 июля). На память невольно приходят слова Белинского о французских рево-

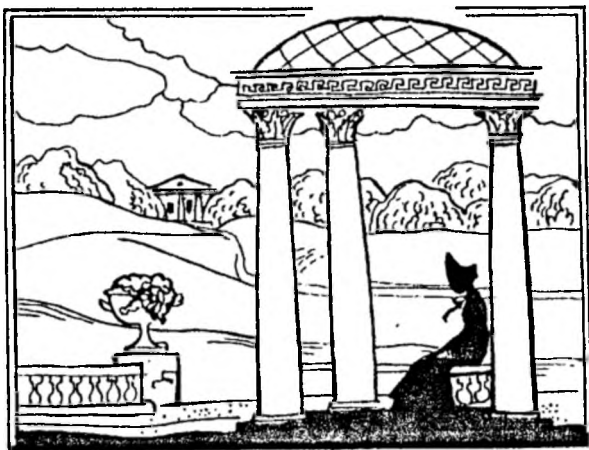
люционермах 1830 года: «Мещанство современной Франции подражает аристократии только в роскоши и тщеславии, которые у него проявляются грубо и пошло, как у Мольерова мещанина во дворянстве (*bourgeois gentilhomme*)» (Собр. соч. Т. 7. М., 1981. С. 64).

В наши дни зачастую происходит сращение бывших *совбуров* с отечественными мафиози. Традиционное осуждающе-негативное отношение к ним нашло свое отражение и в языке: у нас уже «существуют не просто мафиозные структуры, а целый класс воровской буржуазии, выросшей в недрах административно-феодальной системы» (Ленингр. правда. 1991. 13 июля); «Хапнуть побольше и „сделать ноги“ — это единственный шанс нашей новой буржуазии на выживание» (Литератор. 1991. № 24); «Идет отмывание капиталов криминальной советской буржуазии, открыт простор для ее легализации» (Ленингр. правда. 1991. 16 июля).

В то же время мы являемся свидетелями воссоздания в России подлинного «среднего сословия» — в лице предпринимателей, бизнесменов и т. п., призванных развивать промышленность и торговлю: «Сегодня вы встретитесь [на экране.— А. Ш.] с представителем нового нарождающегося класса — буржуазии» (ЦТВ. 1992. 13 января).

Очевидно, пришло время словарям русского языка уточнить значения знакомых слов.

Санкт-Петербург

«Ее сестра звалась Наташа...»

*Д. И. МЕДРИШ,
доктор филологических наук*

Нет, это не опечатка. В черновом наброске у героини романа «Евгений Онегин» было именно такое имя. Зато героиня баллады «Жених» первоначально именовалась у Пушкина Татьяной:

Три дня купеческая дочь
Татьяна пропадала...

И только потом героиня назвалась тем именем, под которым она предстала перед читателем; в планах предполагавшегося собрания своих сочинений имя героини этой баллады поэт даже выносит в заглавие: «Наташа».

В жизни человек сначала получает имя, и только затем, годами формируется его характер, складывается биография. По давним народным представлениям, вся жизнь человека во многом предугадана его именем. В литературе последовательность несколько иная. Имя литературного персонажа — это ключевой художественный образ. (В замечательном «Словаре языка Пушкина» при обосновании объема этого четырехтомного издания сделана оговорка: «Однако не помещаются в словаре собственные имена... героев художественных произведений (личные имена, отчества, фамилии)...» — В результате даже такие «говорящие» имена сказочных персонажей, как Балда или Дадон, в «Словаре» отсутствуют. С таким решением трудно согласиться.) Зачастую только по мере прояснения автор-

ского замысла персонаж обретает свое имя — то, с которым для читателя неразрывно связаны его личность и его судьба. Почему же, прежде чем выйти в свет, героини двух пушкинских произведений как бы поменялись именами?

Это явление давно отмечено исследователями, однако объяснено лишь отчасти — вероятно, оттого, что не все факторы принимались во внимание, а посему какое-то существенное обстоятельство оставалось неучтенным. Выдвигалось несколько версий. А. Слонимский, например, полагает, что в этом обмене именами проявилось родство двух героинь (Слонимский А. Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 158). Такое родство действительно существует, но ведь не только между этими двумя персонажами. Так, Н. Л. Степанов заметил, что Татьяне Лариной сродни и Маша Миронова («в ней Пушкин еще раз подтвердил свой идеал скромной, но сильной духом русской женщины» — Степанов Н. Л. Проза Пушкина // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л., 1984. С. 166—167), а Р. Н. Поддубная убедительно показала, как Татьяне близка Лиза-Акулина из повести «Барышня-крестьянка» — по «национально-народному русскому складу сознания и мироощущения», ибо «обе героини — „русские душой“» (Поддубная Р. Творчество Пушкина болдинской осени 1830 года как проблемно-художественный цикл. Сентябрь. Статья вторая // *Studia rossica posnaniensia. Zeszyt XII. Poznań*, 1980. S. 6).

Как видим, в версии А. Слонимского указано сходство, не отмечено различие, объяснены колебания поэта при подборе имен, но не мотивирован окончательный выбор. Между тем должна, видимо, существовать какая-то общая закономерность, поскольку переименование персонажей по ходу реализации замысла у Пушкина не исключение, а скорее правило, следуя которому он однажды поступил даже исторической достоверностью: Матрена Кочубей стала в пушкинской поэме Марией (на что не преминул походя попенять ему критик «Вестника Европы» Н. И. Надеждин: «Бедная Матрена-Мария!»).

Уже в самом начале работы над «Полтавой» поэт зачеркивает подлинное имя героини, хотя называет его в примечаниях. Имя это, Матрена (по-украински — Мотря) не только известно историкам — его находим в любовных письмах Мазепы: «Моя сердечно кохана, наймилиша, найлюбезнейша Мотроненько!» А значит, не только по документам, но и в быту дочь Кочубея именовалась не Марией, а Матреной. Такое имя дочери «генерального судьи, одного из предков нынешних графов» (как отмечено в тех же пушкинских примечаниях к «Полтаве») могло вызвать у читателей — современников Пушкина — ложные ассоциации: среди дворян имя Матрена встречалось в конце XVII века (когда героиня родилась),

но в XIX веке к нему обращались только крестьяне. Однако и к имени Мария поэт пришел не сразу, — хотя в стихах, в отличие от прозы, имянаречение рискованно откладывать «на потом»: ритм, звукопись, рифма этого не допустят (а в «Полтаве» Пушкин то и дело ставит в конец стиха, в рифму, имена персонажей — Петра, Мазепы, Кочубея — как, впрочем, и Татьяны и Евгения в «Онегине»).

Вот поэт примеряет к героине «Полтавы» имя Анна:

И подлинно: прекрасней Анны,
Милее нет...

Затем Анну сменяет Наталья:

И подлинно: в Украине нет
Красавицы, Наталье равной.

И снова:

Он горд Натальей молодой,
Своею дочерью меньшей.

Имя как будто закрепилося:

И жертвой пламенных страстей
Судьба Наталья назначала...
Наталья, страшная душою...

Окончательный выбор был все же иной:

И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.

И — в конце стиха:

Зато завидных женихов
Ей шлет Украина и Россия;
Но от венца, как от оков,
Бежит пугливая Мария.

И еще раз:

Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей!
Не знаешь ты, какого змия
Ласкаешь на груди своей.

Есть и такое объяснение: Пушкин подбирал для милых ему героинь имена женщин, которых любил; недаром в черновой рукописи «Полтавы» мелькают то набросанный пером силуэт Анны Олениной, то портрет Марии Раевской; вспоминают и первую любовь поэта — Наталью Кочубей, которую к тому же считают одним из вероятных прототипов Татьяны Лариной. Отсюда, предполагают,

и первый вариант имени главной героини романа в стихах — Наташа (Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 86). При таком толковании ясно, почему имя Наталья в «Полтаве» и «Онегине» появилось, но совершенно непонятно, отчего поэт от него в обоих случаях отказался, назвав одну героиню Марисей, другую — Татьяной. Ведь есть же Наташа в «Жснихе», Наталья Ржевская в «Арапе Петра Великого», а о героине «Графа Нулина» сказано:

(Ах, я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее Паташа,
Но мы — мы будем называть
Наталья Павловна)...

А в «Полтаве», как и в «Бахчисарайском фонтане», — Мария. Позднее, в прозе, Пушкин избрел домашнюю форму этого имени — Маша. Как отметил А. Лежнев, «особенно охотно Пушкин называет своих героинь Машами («Капитанская дочка», «Дубровский», «Метель», «Выстрел», «Роман на кавказских водах», «Роман в письмах»). Это бытовое, теплое, но вместе с тем лишенное всякого комического оттенка имя оказалось чрезвычайно удобным для его сдержанной, умеренной реалистической манеры» (Лежнев А. Проза Пушкина: Опыт стилевого исследования. М., 1966. С. 158). Наблюдение заслуживает внимания, однако следует иметь в виду, что та же реалистическая манера не помешала Пушкину в других случаях именовать своих героинь и Татьяной, и Дуней, и Наташей или Натальей Павловной, а четвертая и вовсе у него Акулина... Дворянскую девушку, выполняющую поручения Елизаветы Муромской, в повести зовут Настей; попутно перечислены имена нескольких деревенских девушек-крестьянок, Настиных подруг: Анисья, Ненила, Дунька, Таня, Акулина, Паша. Представившись крестьянкой, барышня могла бы выбрать любое из них (и Татьяна — тоже!), но почему-то предпочла это — Акулина.

И здесь самое время обратиться к трудам по ономастике, прежде всего к сведениям о бытовании тех или иных имен в зависимости от среды и времени. Из книги В. А. Никонова «Ищем имя» узнаем, что имя Акулина, «став в XVII веке распространенным в народе, отвергнуто привилегированными слоями общества, даже сделалось ругательной кличкой (акулька — „глупая“)»; что имя Наталья было весьма популярно, «особенно на Украине (Наталка-Полтавка стала чуть ли не нарицательным обозначением украинок)» (Никонов В. А. Ищем имя. М., 1988. С. 64, 83—84). А ведь героиня «Полтавы» — украинка, болсе того — «полтавка»! Теперь ясно, отчего Пушкин так настойчиво примерял ей это имя, — но ведь почему-то отказался от него...

Другой труд В. А. Никонова снабжен таблицами, из которых

видно, что к концу XVIII века из трех имен — Наталья, Татьяна, Акулина — первое в дворянской среде весьма распространено, второе встречается нечасто, третье практически отсутствует; зато среди крестьянок и купчих показатели по всем трем именам почти полностью совпадают (Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 53—54). Словом, и статистика многое проясняет, однако неясности все же остаются. Конечно, учитывал Пушкин и частотность употребления имени, и социальный фактор, и влияние литературной моды — достаточно вспомнить, как Ларина-мать в молодости «звала Полиною Прасковью» (в черновике даже так: «Звала Полиной Парасковью»), а с годами «стала звать Акулькой прежнюю Селину». Дотошный анализ пушкинистов показывает, что Пушкин принимал во внимание все, даже благозвучие имени, отчества и фамилии учитывалось, и не только в стихах, но и в прозе. И лишь одному фактору, в поэтике Пушкина первостепенному, исследователи, на наш взгляд, не уделяют должного внимания. Речь идет о фольклорной традиции.

«По имени и житие», — гласит народная мудрость. Имя, даваемое новорожденному по церковному календарю (Ивановых дней, например, в году более всего — 62! — отсюда и частотность, и образный ореол этого имени) — как бы даруется свыше. Образуются в народной речи и пары имен, и вот уже одна из них переносится на растение: *Иван-да-Марья*. Наделенные образно-смысловым ореолом, имена оказываются в определенной взаимосвязи между собой — в истории, в быту, в сознании народа. Несудивительно, что П. А. Флоренский в своем исследовании специально рассматривает сочетания — пары имен, связанных драматическими коллизиями: *Василий и Софья, Алексей и Анна, Владимир и Ольга* (Флоренский П. А. Имена // Социологические исследования. 1988. № 6. С. 139). Удивительно другое: составленные ученым пары находят подтверждение в художественной практике — фольклорной и литературной. Смертью влюбленных завершается сочиненная полтысячелетия назад народная баллада «Василий и Софья», к гибели героини приводит любовь Анны Карениной и Алексея Вронского, убит на дуэли «Ольгою плененный» Владимир Ленский...

Фольклорист Н. П. Колпакова обратила внимание на определенную дифференциацию при употреблении в песнях личных имен, особенно женских, в зависимости от ситуации и своеобразия жизненного пути героини: «...среди множества русских народных имен в лирических любовных песнях наиболее часто встречается Маша, в трагических — Дуня, Дуняша, в легкомысленных, шутливых — Катя, Катюша, Наташа...» (Колпакова Н. П. Варианты песенных зачинов // Принципы текстологического изучения фольклора. М.-Л., 1966. С. 215). О том, что с именем Маша, Мария у Пушкина

связано, как и в народных песнях, представление о нежности и любви, свидетельствует хотя бы совпадение эпитетов в трех его поэмах. В «Бахчисарайском фонтане»:

Нет Марии нежной!..
Дворец угрюмый опустел (...)

В «Цыганах» — молдавский вариант того же имени:

И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

В «Полтаве»:

И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.

Знаменательно, что эпитет *нежное* относится здесь непосредственно к имени героини.

Пушкинскую Дуню мы видим в последний раз в трагическую минуту — на свежей могиле ее отца, станционного смотрителя Вырина. И уж, конечно, подбирая имя для несколько авантюрной героини баллады «Жених», Пушкин не мог не вспомнить песню, им самим записанную:

Повадилась Наташка
Во царск кабак ходить,
Зеленое вино пить,
Целовальница любить.

(Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского // Лит. наследство. 1968. Т. 79. С. 305—306). И остановился на имени, которое в народной песне предстает в определенном эмоциональном ореоле:

Три дня купеческая дочь
Наташа пропала.

Ну, а как же Татьяна? Об этом имени у Колпаковой ничего не сказано. Дворянской среде оно не чуждо, но и не характерно. Пушкин демонстративно и, как он сам высказался, «своевольно освятил» страницы своего романа простонародным именем. Однако «простонародных» имен много (несколько таких имен автор тут же называет в комментарии ко второй главе «Онегина»), а поэт, отказавшись от имени Наташа, остановился на этом: Татьяна. Почему не Акулина, например? Ведь с ним тоже «неразлучно Воспоминанье старины Иль девичьей». Недаром в «Барышне-крестянке» переодетая крестьянкой Лиза Муромская; неожиданно встретившись с молодым соседом Александром Берестовым, на его вопрос: «Как тебя зовут, душа моя?», отвечала: «Акулиной». В черновике

было — «Елизаветой», новое имя героиня придумала на ходу, вспомнив, что так зовут одну из деревенских девушек, и сообразив, что крестьянке оно подходит больше. Почему же из всех «простонародных» имен Лиза избрала это — Акулина? Вероятно, деревенской барышне в трудной ситуации помогла песня — кстати, известная по записи, сделанной в пушкинских краях:

Ехали ребята из Повогорода,
Красная девица на улице была...
Стал ее молодец выпрашивать,
Выспрашивать, выговаривать.
«Как тебя, девица, по имени зовут?»
Дед крестил — Акулина имя дал.
«Акулина душечка! Ты радость, жизнь моя!
Я тебя люблю, за себя замуж возьму...»

(Полный русский народный песенник. М., 1876. С. 7). Акулиной в песне названа девушка, которой вскоре предстоит счастливое замужество, — а именно такая развязка ожидает героиню «Барышни-крестьянки». Более того, создается впечатление, что Пушкин преднамеренно придает повествованию песенный колорит. Уж очень явно перекликается его повесть с популярной песней, безымянная героиня которой рассказывает о себе:

Вечор поздно из лесочку
Я коров домой гнала.
Подопшла лишь к ручесчку,
Близ зеленого лужка, —
Вижу, барин едет с поля,
Две собачки впереди;
Лишь со мной он поравнялся,
Взор свой бросил на меня.
«Здравствуй, милая красотка,
Чьей деревни и села?»
— «Вашей милости крестьянка», —
Отвечала ему я.

(Русские песни и романсы. М., 1989. С. 40).

У Пушкина: «Итак, она шла, задумавшись, по дороге, осененной с обеих сторон высокими деревьями, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на нее... и молодой охотник показался из-за кустарника... „Небось, милая, — сказал он Лизе... — Откуда ты?“ — „Из Прилучина...“. Любопытно, что автором песни «Вечор поздно из лесочку», популярной с конца XVIII века, считается Параша Ковалева-Жемчугова — истинная крестьянка, талантливая актриса, ставшая женою графа Шереметева. Может быть, Лиза Муромская назвалась дочерью кузнеца еще и оттого, что Ковалева — значит «кузнецова дочь»?

Совершенно иная, чем у Лизы, судьба другой «уездной барыш-

ни» — Татьяны. В песне это имя встречается нисколько, но все же встречается:

Танюшка, Татьяна,
Соседка моя!..
По горенке Таня ходит,
Головушку чешет,
Чешет Таня головушку
И косу плетет...
Досталась любезная
Иному, не мне,
Иному, немилому...

(Песни, собранные писателями... С. 305—306).

С именем Татьяны песня связывает определенную ситуацию и горестную судьбу: «Но я другому отдана...». Не опиралось ли «свои» поэта на фольклорную традицию? Во всяком случае, избранное им имя фольклорной традиции не противоречит, как это случилось бы, если бы еще в рукописи предварительно данное героине имя Наташа не было отброшено. Да и Татьянин день (Татьяна-Крещенская) приходится на 12 января по старому стилю — макушка русской зимы, которую так любила пушкинская героиня.

И тогда появилось с детства каждому из нас знакомое:

Итак, она звалась Татьяной...

Волгоград

ПО СТРАНИЦАМ НОВОГО УЧЕБНИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Выходит в свет книга «Русский язык. Учебник для 5 класса», подготовленная коллективом сотрудников Института русского языка Российской академии наук под руководством М. В. Панова. Это первая книга из четырех, в которых намечается изложить курс русского языка на основе программы для средней школы, созданной в Институте русского языка РАН.

Авторы учебника стремились увлечь учащихся в мир языка с помощью научной мысли, пробудить активность их мышления, научить полноценной литературной речи, грамотности, воспитать высокую культуру речевого общения.

Во введении к учебнику учащиеся найдут ответ на вопрос, что такое язык и какова его роль в обществе. В главе «Лексика» они получают представление о лексическом значении слова, здесь представлены отношения между значениями многозначного слова, в том числе метафорическими и метонимическими; между значениями разных слов (синонимия, антонимия). Впервые вводится понятие о тропе. Уделяется внимание стилистике и культуре речи, для этого, в частности, введен раздел «Паронимы».

Глава «Фонетика» знакомит с фонетической системой русского языка; с назначением звуков, с их позиционной меной, с сильными и слабыми позициями, с основным принципом русского правописания, который заключается в несобозначении на письме позиционных чередований звуков. Приводятся также сведения общекультурного характера: «Письмо и произношение», «Немного об истории русского письма», «Изменения в произношении».

В главе «Морфемы» изучаются принципы членения слова на морфемы. Вслед за темами «Что такое морфема», «Окончание», «Основа слова» следует центральный для всей главы параграф «Как нужно членить основу слова на морфемы», в котором показано, что членимость определяется по критерию Г. О. Винокура. Рассматриваются все виды морфем и их варианты. Изучается правописание окончаний, суффиксов и приставок, опирающееся на основное правило письма, а также некоторые традиционные написания. В главе

приведены и сведения по истории языка: о беглых гласных, о полногласных и неполногласных сочетаниях.

Есть в книге методическое приложение-вкладыш «Советы учителю и родителям».

Мы решили практически познакомить учителей с новым учебником и с этой целью начинаем публиковать на страницах «Русской речи» отдельные его разделы. Таким образом, те словесники, которые читают наш журнал, смогут не только составить более или менее полное представление о новом учебнике русского языка, оценить его по достоинству, но и, не дожидаясь выхода из печати, сразу же использовать предлагаемый материал в учебном процессе.

Истинная любовь к своей
стране немыслима без любви
к своему языку.

К. Паустовский

Введение

§ 1. *Язык позволяет людям думать.*

Без языка, без слов, без предложений думать нельзя. «А как же,— скажете вы,— смысл? Разве они не думают?» Думают, и именно с помощью слов и предложений. Только они их не могут произнести, но в уме у них есть и слова, и предложения — то есть язык.

И лиса, наверное, может себе представить, как она схватит петуха и побежит с ним в лес. Но эта воображаемая картинка еще не мысль. Сообразить: шестью шесть — тридцать шесть, или: после вторника следует среда, или: сильный не всегда прав — лиса не может. (Сказочная лиса может, а настоящая — нет.)

Отвлеченная мысль, когда думают не об одном случае, не об одной лисе, а обо всех лисах, обо всех предметах, о действиях, о качествах, возможна только у человека. Владеть такой отвлеченной мыслью, управлять ею, понимать мир, жизнь, самого себя можно только с помощью языка.

Задание 1. Подумайте такую справедливую, хорошую мысль:

Серьезное дело требует настойчивости.

Но подумайте без слов. Следите, чтобы мысль думалась, а в уме не было никаких слов, никаких предложений. Примерьте так и этак. Постарайтесь. Без слов, а чтоб мысль протекла. Получилось?

Какой вывод вы сделаете из этого опыта? Или пусть он останется без вывода?

§ 2. *Язык позволяет людям сообщать мысли друг другу.*

Курица как закудахчет — цыплята бегом к ней: она их прикрывает крыльями. Это она коршуна увидела — и сказала цыплятам: «Быстрее ко мне».

Сказала? Нет, не сказала. У нее это врожденное поведение. Она не могла действовать по-другому. Например, увидев коршуна, подговорить цыплят притвориться мертвыми. Она не сказала, она не говорила, она не пользовалась языком.

Пользоваться языком — значит, думать, то есть выбирать мысли, находить для них нужные слова. Свои мысли передавать другому. Не кудахтать, а сознательно что-то сообщать.

С помощью языка можно передавать свои наблюдения, свои переживания, можно фантазировать, рассуждать, предполагать, объяснять. То есть: обмениваться друг с другом мыслями.

Задание 2. Настя Кувшинникова сказала Вове Бутузову:

— На! — и дала ему румяное яблоко.

Вова Бутузов сказал Насте Кувшинниковой:

— На! — и дал ей большую душистую грушу.

Можно ли сказать, что они высказывали мысли? Что они пользовались языком? Что они разговаривали?

§ 3. *Язык позволяет действовать.*

Люди работают, помогают один другому, соперничают, дружат, играют... Иначе говоря: действуют. И большей частью сообщая. Чтобы зимой построить хорошую ледяную горку для катания, и то надо сговориться. Представьте себе завод, где рабочие, мастера вдруг потеряли способность разговаривать друг с другом. Завод работать не будет.

А те, кто работает в одиночку? Умелец сидит себе в комнате, один, и шьет замечательные шапки. Молчком. Подумайте, может ли он делать свое дело без языка. А как он получит материал для шапок? Как поймет, какая именно шапка нужна заказчику? Как узнает, чем доволен или недоволен заказчик?

Действовать в человеческом обществе без языка нельзя.

Задание 3. В XVIII веке жил Василий Кириллович Тредиаковский, ученый и писатель. Он первый стал изучать законы русского языка, думать, как «работает» язык. Тредиаковский писал: человечество существует для того, чтобы «в мирной содружности обще-

жительствовать». Мирное существование, по его словам, возможно только с помощью «произносимого слова».

Как вы понимаете эту мысль? Согласны ли вы с нею?

§ 4. Язык позволяет людям радоваться его красоте.

Если человек не понимает, что есть в мире красота, он живет неполной жизнью. Язык умеет быть красивым и учит людей понимать прекрасное.

Красота языка заключается не только в книгах, в песнях, в игре артистов. Мы все время встречаем людей, которые прекрасно умеют рассказывать, шутить, раскрывать другим людям (с помощью слова) свою душевную щедрость.

Ученый читает лекцию... Мысль сложна, трудна. Слушатели мучительно прорываются к ее сути. И вдруг лектор найдет такую словесную формулу, такое объяснение, которая словно светом все осветит и трудную мысль сделает ослепительно ясной.

Рабочие спорят, каким путем надо выполнить работу. И здесь кто-нибудь точно, с полной убедительностью объяснит, как надо действовать — сразу стихнут все споры. В этой умелой убедительности — красота слова.

И таких случаев очень много. Мы живем, окруженные оксаном языка. И часто не замечаем, как он красив...

Задание 4. Писатель Борис Шергин прекрасно знал и любил народную жизнь, народный язык. Он считал, что даже обычный, каждодневный язык народа часто бывает красив, выразителен, образно-меток. Он это показал на многих примерах — записях народной речи. Вот примеры таких записей:

«Северный человек никогда неспрочь побеседовать и с предметами неодушевленными:

— Ты упряма, печка, сухи дрова любишь. Машкину печь только подсвети — сразу завост, а у тебя плачут дрова-то... Дрова сыры, дак они... Спят, ждут, чтобы еще накинули, а сухим дровам не надо угождать.

Льняна рубаха скоро уют позабывает; эта рубаха врет, что неглажена, у нее матерьял такой.

Эта кастрюля — вралья: чищу, чищу, она все в пятнах. Крашный пол вымосшь, он дня три правду говорит, а тесанный на другой день врать зачнет.

Вспомнив перед сном, что забыла загасить лучину, бабка бежит в кухню и возвращается с просветленным лицом:

— Лучина-то умна, сама загасла.— Куда, говорит, старуху де-нешь, без того ей горе...»

Б. В. Шергин пишет: «Народная жизнь, труд, народная лексика являются неиссякаемым родником поэзии».

А вы слышали меткие, образные выражения в народной речи? Не пословицы и поговорки, а такие слова, высказывания, которые рождались тут же, в разговоре. И были выражением высокой культуры народной речи.

Прочтите отрывок из рассказа И. А. Бунина.

«Я вставал и выходил в сад. Теперь, в июне, луна ходила по-летнему, ниже. Она стояла за углом дома, широкая тень далеко лежала от него по поляне, и из этой тени особенно хорошо было смотреть на какую-нибудь семицветную звезду, тихо мерцающую на востоке, далеко за садом, за деревней, за летними полями, откуда иногда чуть слышно и потому особенно очаровательно доносился далекий бой перепела. Цвела и сладко пахла столетняя липа возле дома, тепла и золотиста была луна. Опять тянуло только теплом, — как всегда перед рассветом, близость которого уже чувствовалась там, на восточном небосклоне, где горизонт уже чуть сербрился. Тянуло оттуда, из-за пруда, и я тихо проходил по саду навстречу этой ровной тяге, шел на плотину...»

Вспомните такие описания, характеристики, сцены, которые поразили вас своим языком, его выразительностью и красотой. Дома спишите этот текст и прочтите в классе. Можете ли вы объяснить, почему он вам понравился?

§ 5. Из чего состоит язык.

Прочтите любой текст. Или послушайте любую речь. Она состоит из предложений, слов, морфем, звуков.

Предложение передает мысль.

Слово называет. (Всё в мире можно назвать.)

Морфемы (значимые части слова) — мельчайшие частицы смысла. Слово *грачонок* включает две морфемы: *грач-* и *-онок*. Нарисуйте: гнездо, в гнезде — грач и грачонок (он, может быть, только что вылупился из яйца). Рассмотрите вашу картинку. То, чем похожи друг на друга грач и грачонок, обозначьте морфемой *грач*; то, чем птенец отличается от взрослой птицы, передается морфемой *-онок*. И морфема *грач-* и морфема *-онок* имеют смысл.

А звуки? Зачем нужны звуки? Без них не было бы ничего: ни предложений, ни слов, ни морфем. (И буквы не могут сами по себе существовать, без звуков.) Звуки для того, чтобы мы могли воспринимать единицы языка.

Задание 5. Вспомните, что вы сегодня видели по дороге в школу. Напишите об этом несколько предложений. Одно предло-

жение от другого отделяйте точкой. Сколько у вас получилось предложений? Сколько мыслей? Сколько точек?

Задание 6. Посмотрите в окно. Напишите несколько предложений о том, что вы видите в нем — в виде нескольких предложений. Поставьте, где нужно, точки. Потом выберите два близких по смыслу предложения и перепишите их вместе: между ними поставьте запятую (если они очень близки по смыслу) или точку с запятой (если такой близости нет). У вас получилось сложное предложение.

Придумайте еще сложное предложение, состоящее из двух простых. Правильно поставьте знаки в этом предложении.

ЛЕКСИКА

Введение

§ 6. Что такое лексика?

Язык нужен людям, чтобы говорить, сообщать друг другу свои мысли, чувства, желания. Без этого было бы трудно или просто невозможно вместе работать, учиться — вообще жить в коллективе, в обществе.

Но для того чтобы говорить, нужны слова. Языка без слов не бывает. Слова — это обозначения, названия, имена всего того, что мы видим, чувствуем, воспринимаем в окружающем нас мире. Слова обозначают предметы, людей, животных, птиц (*лампа, трактор, вертолет, мальчик, крестьянин, волк, голубь, змея*), явления природы (*гроза, ветер, дождь*), семейной и общественной жизни (*дружба, труд, собрание, праздник*), различные действия, качества (*читать, пилить, голосовать, хороший, красивый, быстрый*) и многое другое.

Однако слова обозначают не только то, что существует на самом деле, но и то, что мы можем себе только представить, вообразить. Например, в сказках говорится о Снегурочке, о Бабе Яге, о домовых, леших, русалках. Их никогда не существовало на свете, их создала народная фантазия, но и они имеют в языке свои названия.

Все вместе слова языка образуют его словарный состав, или лексику. Слово *лексика* происходит от греческого слова *лексис*, что означает «слово».

§ 11. Активный и пассивный словарный запас

Но и те слова, которые мы употребляем, мы употребляем не одинаково часто. Слова *хлеб, вода, школа, читать, ходить, работать, хороший, плохой* и многие другие мы произносим часто, вероятно, ежедневно по нескольку раз. Они обозначают предметы, действия, явления нашей повседневной жизни, с которыми мы часто сталкиваемся и о которых говорим. А такие слова, как *раб, зоб, тигрица, побег, преследование, пальма, погубить, дерзать* — гораздо реже, потому что нам приходится довольно редко говорить о том, что этими словами называется.

Перечисленные здесь слова обозначают совершенно разное, но даже если взять слова, которые обозначают одно и то же, то мы и эти слова употребляем не одинаково часто. Например, мы обычно употребляем слово *угощать* и редко, в особых случаях — *потчевать*, говорим чаще *спать*, а не *почивать*, хотя эти пары слов одинаковы по смыслу. Словам *пынче, ежели* мы предпочитаем слова *сегодня, если*.

Таким образом, словарный запас человека можно разделить на активный словарный запас и пассивный словарный запас. Активный словарный запас — это слова, которые человек знает и часто употребляет. Пассивный словарный запас — это слова, которые он знает, но не употребляет или употребляет очень редко.

Упр. 2. Вова Бутузов и Настя Кувшинчикова — друзья; оба учатся в 5 классе «В». И они друг друга не обижают. А тут вдруг Настя подошла к Вове и говорит:

— Окапи!

Вова знает, что окапи — это животное в Африке. Он обиделся:

— Я тебя, Настя, никогда никаким животным не называю... а ты... нехорошо, Настя!

— Что ты, Вова! — воскликнула Настя. — Да я вовсе не про тебя! Я хочу, чтобы это слово у меня из пассивного запаса перешло в активный. Оно мне нравится. И я решила: каждый день буду его употреблять 100 раз. Пока оно у меня не перейдет в активный запас.

— Не перейдет оно у тебя в активный...

— А вот перейдет! Я настойчивая!

Кто, по-вашему, прав? Когда слово из пассивного запаса может перейти в активный — и в речи одного человека, и у всех? Знаете ли вы слова, которые еще недавно у многих были в пассивном запасе, а теперь перешли в активный?

* * *

1. Что такое лексика?
2. Расскажите о различиях в словарном запасе разных людей.

Пиши правильно

барсук	мамонт
олень	чучело
кенгуру	позвоночник
пингвин	позвонок
гиена	хребет
животное	хобот

Задание.

Однажды лунной ночью в городском зоологическом музее ожило старое пыльное чучело маленького мамонта.

Мамонт потянулся так сладко, что захрустели все позвонки его хребта, помахал мохнатым хоботом, встряхнулся, подняв тучу пыли, чихнул — и соскучился. Подумав секундоочку, мамонт пошел искать друзей.

Мамонтёнку повезло — не пришлось искать долго — музей был расположен рядом с зоосадам. В зоосаде мамонтёнок познакомился с самыми разными животными, которые много рассказывали ему о себе и о своей жизни...

Подумайте, что могли рассказать маленькому мамонту о себе и о своей жизни барсук, олень, кенгуру, пингвин или гиена.

Материал подготовили:

Н. Е. Ильина,
кандидат филологических наук
Е. В. Красильникова,
кандидат филологических наук
С. М. Кузьмина,
доктор филологических наук

Продолжение следует

Заметки на полях газеты

С. В. ПОДЧАСОВА

Читать сегодняшние газеты — дело не легкое. Согласитесь, что восприятие следующих фраз требует основательной подготовки: «Производим заправку картриджей импортным тонером» (Вечерняя Москва); «На выгодных условиях заключим договоры с дистрибьютерами» (Вечерняя Москва); «На отгруженные питания заключено фьючерсное соглашение» (Третье сословие). Подобными образцами пестрит наша пресса, и у некоторых появляется сомнение — русская ли это речь?

Поток иноязычной лексики, ворвавшейся в наш речевой обиход в последние годы, вместе с «западными» и «псевдозападными» реалиями — экономическими и политическими — кажется безгранично широким. У многих столь «обвальное» заимствование слов вызывает опасения за дальнейшую судьбу русского языка, боязнь его обезличивания и унификации.

Действительно, наш язык пока с трудом справляется с нашествием экзотизмов и варваризмов, всевозможных калек, подражательных инноваций. Во многих случаях он не успевает орфографически, морфологически осваивать новые слова, приспособлять их к собственным законам, не говоря уже о выдвижении оригинальных эквивалентов «звонкому иноязычию». Особенно часто встречаются такие «необработанные», не освоенные языком текстовые элементы на страницах журналов и газет. Многие заимствования до сих пор «щеголяют» вариативностью написания. Например: «Руководство России напугано сообщениями mass media (средств массовой информации.— С. П.) о сепаратистских настроениях участников сибирского форума» (Коммерсант. 1992. 23 марта). Но: «Ставший однозным благодаря искаженному имиджу, созданному „левыми“ масс-медиа, русский патриот говорит о геополитических интересах» (День. 1992. 5 апр.).

Или сравните: «На оборонных заводах полным-полно *поу-хау*, которые могут быть проданы за большие деньги» (Деловой мир. 1992. 12 апр.). Но: «Самый уязвимый пункт „know-how-центра“ — отсутствие банковской поддержки» (Коммерсант. 1992. 23 марта). При этом выражение *поу-хау* (know-how) использовано в текстах в одном значении — «знание, имеющее практическое значение» (Словарь американского сленга. М., 1991).

С поразительным случаем подобного рода мы встречаемся в статье «„Новая Голландия“, эти новые старые методы» М. Гурто-

вого и А. Улюкаева, опубликованной в 1991 году «Московскими новостями». В пределах газетного материала мы имеем два различных написания заимствованного слова: в одном из подзаголовков статьи прочтем — «Тендер, или палка херра Питера», а чуть ниже, в самом тексте, — «Мы тогда убедились, что лучшей защитой от неправомерности в сделках с иностранной фирмой служит открытый, гласный международный конкурс — *тандер*». А вот если заглянем в газетные подшивки 1992 года, то разногласий в написании слова уже не найдем: «Продажа сертификатов может производиться через *тендеры*...» (Коммерсант. 1992. 23 марта); «Это первая распродажа, которую КЕС провела в Москве по системе закрытого *тендера*» (Куранты. 1992. 22 апр.).

Так что медленный, но верный процесс освоения заимствованной лексики, установления единообразных норм воспроизведения новых слов на письме подспудно происходит в недрах языка.

Номер оформили художники:

В. Леонов, М. Мордвинцева, Л. Серикова, Е. Чуканова ©

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), Л. К. ГРАУДИНА, В. П. ГРЕБЕНЮК, В. П. ГРИГОРЬЕВ, А. Ф. ЖУРАВЛЕВ, Ю. Н. КАРАУЛОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, Л. Ю. МАКСИМОВ, И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, В. П. НЕРОЗНАК, Л. А. НОВИКОВ (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ, В. Ю. ТРОИЦКИЙ, А. П. ЧУДАКОВ, Е. Н. ШИРЯЕВ, Д. Н. ШМЕЛЕВ

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

В. А. Леонов

Корректоры

В. В. Беляев, В. А. Ермолаева

Сдано в набор 18.12.92

Подписано к печати 14.01.93

Формат бумаги 60×88¹/₁₆

Бумага типографская № 2

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8

Уч.-изд. л. 9,7. Бум. л. 4 Тираж 9153

Заказ 3619

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волконка, 18/2, т. 290-23-78

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6.
